

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

2024. № 3 (Вып. 51)

LANGUAGES AND FOLKLORE OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA

Новосибирск

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2024. № 3 (выпуск 51)

Научный журнал

Электронное сетевое издание
ISSN 2712-9608

Является продолжением серийного сборника
«Языки коренных народов Сибири»

Новосибирск

ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

2024. № 3 (Вып. 51)

Основан в 1993 г. Периодичность – 4 раза в год. Издаётся на русском и английском языках

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д-р филол. наук, проф. **Н. Б. Кошкарева** (ИФЛ СО РАН) – главный редактор
д-р филол. наук, проф. **И. Я. Селюткина** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
(по разделу «Лингвистика»)
канд. искусствоведения **Г. Е. Солдатова** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
(по разделу «Фольклористика»)
канд. филол. наук **А. В. Байыр-оол** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь
(по разделу «Лингвистика»)
К. В. Жданова (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь
(по разделу «Фольклористика»)

д-р филол. наук, чл.-корр. РАН **А. В. Дыбо** (ИЯз РАН)
канд. искусствоведения, доцент **Н. В. Леонова** (НГК им. М. И. Глинки)
д-р филол. наук **И. А. Невская** (ИФЛ СО РАН)
Ph.D in systematic musicology **А. В. Никольский** (Frontiers Media, Швейцария)
д-р филол. наук **Н. Р. Ойроткинова** (ИФЛ СО РАН)
канд. филол. наук **Т. Р. Рыжикова** (ИФЛ СО РАН)
д-р филол. наук, доцент **В. Н. Соловар** (ОУИПИИР)
д-р филол. наук, проф. **С. Ж. Тажибаева** (Евразийский национальный университет
им. Л. Н. Гумилёва, Казахстан)
канд. филол. наук **Л. Н. Тыбыкова** (ГАГУ)
канд. филол. наук **Е. В. Тюттешева** (ИФЛ СО РАН)
д-р филол. наук, проф. **Л. А. Шамина** (ИФЛ СО РАН)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

д-р филол. наук, проф. **Е. Н. Кузьмина** (ИФЛ СО РАН) – председатель редакционного совета
д-р филол. наук, академик РАН **А. Е. Аникин** (ИФЛ СО РАН)
д-р филол. наук **М. В. Бавуу-Сюрюн** (ТувГУ)
д-р филол. наук, проф. **Ф. Я. Вейсялли** (Азербайджанский университет языков, Азербайджан)
д-р филол. наук, доцент **Л. С. Дампилова** (ИМБТ СО РАН)
д-р филол. наук **Н. И. Данилова** (ИГИИПМНС СО РАН)
д-р филол. наук, академик Академии наук Абхазии **З. Д. Джапуа**
(Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Абхазия)
д-р филол. наук **В. Л. Кляус** (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН)
д-р искусствоведения, проф. **М. Г. Кондратьев** (ЧГИГН)
д-р филол. наук **М. Олмез** (Стамбульский университет, Турция)
д-р филол. наук, проф. **Е. К. Скрибник** (Мюнхенский университет, Германия)
канд. искусствоведения, доцент **Г. Б. Сыченко** (Международный совет
по традиционной музыке под эгидой ЮНЕСКО (ICTM), Италия)
д-р филол. наук **А. Н. Чугунекова** (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова)

ISSN 2712-9608

Институт филологии СО РАН, ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, 630090
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Официальный сайт сетевого журнала: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

LANGUAGES AND FOLKLORE OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA

2024. No. 3 (Iss. 51)

Founded in 1993. The Journal is issued four times a year and published in Russian and English

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

N. B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Editor-in-Chief
I. Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
G. E. Soldatova, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
A. V. Bayyr-ool, Candidate of Philology (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary
K. V. Zhdanova (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary

A. V. Dybo, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
(Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)
N. V. Leonova, Candidate of Art Studies, Docent (M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory)
I. A. Nevskaya, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
A. V. Nikolsky, Ph.D in systematic musicology (Frontiers Media, Switzerland)
N. R. Oinotkinova, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
T. R. Ryzhikova, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
V. N. Solovar, Doctor of Philology, Docent (Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development)
S. Zh. Tazhibaeva, Doctor of Philology, Professor
(L. N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan)
L. N. Tybykova, Candidate of Philology (Gorno-Altai State University)
E. V. Tyuntseva, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
L. A. Shamina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS)

EDITORIAL COUNCIL

E. N. Kuzmina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) –
Head of the Editorial council
A. E. Anikin, Academician of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philology of the SB RAS)
M. V. Bavuu-Syuryun, Doctor of Philology (Tuvan State University)
F. Y. Veysalli, Doctor of Philology, Professor (Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan)
L. S. Dampilova, Doctor of Philology, Docent
(Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS)
N. I. Danilova, Doctor of Philology
(Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS)
Z. D. Dzhapua, Doctor of Philology, Academician of the Academy of Sciences of Abkhazia
(D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazia)
V. L. Klyaus, Doctor of Philology (A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS)
M. G. Kondratyev, Doctor of Art Studies, Professor (Chuvash State Institute of Humanities Studies)
M. Olmez, Doctor of Philology (Istanbul University, Turkey)
E. K. Skribnik, Doctor of Philology, Professor (University of Munich, Germany)
G. B. Sychenko, Candidate of Art Studies, Docent
(International Council for Traditional Music (ICTM), Italy)
A. N. Chugunekova, Doctor of Philology
(Institute for Humanities Studies and Sayano-Altay Turkology, N. F. Katanov Khakass State University)

ISSN 2712-9608

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Official website: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

LANGUAGES AND FOLKLORE OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA

2024. No. 3 (Iss. 51)

Founded in 1993. The Journal is issued four times a year and published in Russian and English

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

N. B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Editor-in-Chief
I. Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
G. E. Soldatova, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
A. V. Bayyr-ool, Candidate of Philology (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary
K. V. Zhdanova (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary

A. V. Dybo, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
(Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)
N. V. Leonova, Candidate of Art Studies, Docent (M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory)
I. A. Nevskaya, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
A. V. Nikolsky, Ph.D in systematic musicology (Frontiers Media, Switzerland)
N. R. Oinotkinova, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
T. R. Ryzhikova, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
V. N. Solovar, Doctor of Philology, Docent (Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development)
S. Zh. Tazhibaeva, Doctor of Philology, Professor
(L. N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan)
L. N. Tybykova, Candidate of Philology (Gorno-Altai State University)
E. V. Tyuntseva, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS)
L. A. Shamina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS)

EDITORIAL COUNCIL

E. N. Kuzmina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) –
Head of the Editorial council
A. E. Anikin, Academician of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philology of the SB RAS)
M. V. Bavuu-Syuryun, Doctor of Philology (Tuvan State University)
F. Y. Veysalli, Doctor of Philology, Professor (Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan)
L. S. Dampilova, Doctor of Philology, Docent
(Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS)
N. I. Danilova, Doctor of Philology
(Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS)
Z. D. Dzhapua, Doctor of Philology, Academician of the Academy of Sciences of Abkhazia
(D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazia)
V. L. Klyaus, Doctor of Philology (A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS)
M. G. Kondratyev, Doctor of Art Studies, Professor (Chuvash State Institute of Humanities Studies)
M. Olmez, Doctor of Philology (Istanbul University, Turkey)
E. K. Skribnik, Doctor of Philology, Professor (University of Munich, Germany)
G. B. Sychenko, Candidate of Art Studies, Docent
(International Council for Traditional Music (ICTM), Italy)
A. N. Chugunekova, Doctor of Philology
(Institute for Humanities Studies and Sayano-Altay Turkology, N. F. Katanov Khakass State University)

ISSN 2712-9608

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
yaz_fol_sibiri@mail.ru

Official website: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Фонетика

- Селютина И. Я.** (ИФЛ СО РАН, Новосибирск)
Артикуляторные параметры палатальности и палатализации
в монгольских языках 9–20
- Абаева Ю. Д.** (ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ)
Эмотивная интонационная конструкция бурятского языка 21–31
- Тимкин Т. В.** (ИФЛ СО РАН, Новосибирск)
Назализованные гласные алтайского языка по данным назографии
и спектрографии 32–41

Лексикология

- Монгуш Н. М.** (ТИГПИ, Кызыл)
Заимствования из русского языка в тувинской речи как способ
эвфемизации 42–49
- Мазарчук А. В.** (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)
Названия традиционно разводимых пяти видов скота в окинском
говоре бурятского языка (в сравнении с монгольскими когнатами) 50–61

Морфология

- Ооржак Б. Ч.** (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург)
Функционально-семантическое поле «Время» в тувинском и мон-
гольских языках (система настоящего времени) 62–75

Орфография

- Голованева Т. А.** (ИФЛ СО РАН, Новосибирск)
Проект письменности для исчезающего бесписьменного аляutorского
языка 76–92

Социолингвистика

- Файзрахманова Ю. С.** (КамГУ им. Витуса Беринга, Петропавловск-Камчатский)
Цифровая надежда ревитализации исчезающих языков Камчатки:
мобильное приложение для изучения корякского языка «Koryak
tuuyu» 93–104

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Обрядовый фольклор

- Дайнеко Т. В.** (Институт филологии СО РАН, Новосибирск)
Календарная традиция белорусов-переселенцев: структурно-
ритмическая типология песен позднего лета и осени 105–118
- Содномпилова М. М., Гымпилова С. Д.** (Институт монголоведения, буддологии и тибетоло-
гии СО РАН, Улан-Удэ)
Любовь, богатство, власть и греховность в «текстах желаний»: осо-
бенности бурятских заговоров 119–131

Малые жанры

- Таскаракова Н. Н., Покоякова К. А.** (Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова, Абакан)
Оценка и типы ее репрезентации в хакасских пословицах
и поговорках 132–141

Фольклоризм

- Краюшкина Т. В.** (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН, Владивосток)
Тематика фольклора и языка в пьесе юкагирского драматурга Генна-
дия Дьячкова «Розовая чайка» 142–152

CONTENTS

LINGUISTICS

Phonetics

- Selyutina I. Ya.** (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
Articulatory parameters of palatality and palatalization in Mongolian languages 9–20
- Abaeva Yu. D.** (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude)
Emotive intonation structure of the Buryat language 21–31
- Timkin T. V.** (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
Nasalized vowels in the Altai language based on nasography and spectrography 32–41

Lexicology

- Mongush N. M.** (Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl)
Borrowings from Russian to Tuvan as a way of euphemization 42–49
- Mazarchuk A. V.** (Institute for Linguistic Studies of the RAS, Saint-Petersburg)
On the terms denoting the five kinds of livestock in the Oka subdialect of the Buryat language (compared with Mongolian cognates) 50–61

Morphology

- Oorzhak B. Ch.** (Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg)
Functional and semantic field “Tense” in Tuvan and Mongolian languages (Present tense system) 62–75

Orthography

- Golovaneva T. A.** (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
The writing system project for the endangered unwritten Alutor language 76–92

Sociolinguistics

Fayzrakhmanova Yu. S. (Vitus Bering Kamchatka State University Petropavlovsk-Kamchatskiy, Russia)

The digital potential for the revival of endangered languages in Kamchatka: the “Koryak tuyu” mobile application designed for learning the Koryak language 93–104

FOLKLORISTICS

Ritual folklore

Dayneko T. V. (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Novosibirsk)

Calendar tradition of Belarusian settlers: structural and rhythmic typology of late summer and autumn songs 105–118

Sodnompilova M. M., Gympilova S. D. (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude)

Love, wealth, power, and sinfulness in “wish texts”: the features of Buryat conspiracies 119–131

Small genres

Taskarakova N. N. Pokoiakova K.A. (Katanov Khakass State University, Abakan)

Assessment and types of its representation in Khakass proverbs and sayings 132–141

Folklorism

Krayushkina T. V. (Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS, Vladivostok)

The subject of folklore and language in the play “The Pink Seagull” by Yukaghir playwright Gennady Dyachkov 142–152

ЛИНГВИСТИКА

ФОНЕТИКА

УДК 811.512:81'34

DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-9-20

Артикуляторные параметры палатальности и палатализации в монгольских языках

И. Я. Селютина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Результаты междисциплинарного исследования артикуляторных параметров палатальности и палатализации в северных монгольских языках России и Монголии позволяют констатировать существование двух стратегий реализации категории мягкости в их консонантных системах. Если в хори-бурятском и халха-монгольском языках при продуцировании акустического эффекта мягкости звучания доминирует палатализация согласных, то в калмыцком языке эту функцию выполняют палатальные консонанты. Палатализация в монгольских языках характеризуется не только подъемом средней части спинки языка к нёбу, но и активным смещением сжатого тела языка вперед-вверх. Вследствие компрессии языка и его выдвижения происходит переформатирование конфигурации речевого тракта, образование значительного по объему заднеротово-глоточного отдела резонаторной полости, детерминирующее усиление высокочастотных составляющих спектра звукового сигнала, ассоциируемых перцептивно с мягкостью звучания.

Ключевые слова

монгольские языки России и Монголии, хори-бурятский, калмыцкий, халха-монгольский, фонетика, фонология, инструментальные методы, согласные, дополнительная артикуляция, палатальность, палатализация

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект № 0263-2021-0004 «Отражение процессов культурного взаимодействия в языках Сибири и Дальнего Востока»).

Для цитирования

Селютина И. Я. Артикуляторные параметры палатальности и палатализации в монгольских языках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51). С. 9–20. DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-9-20

© И. Я. Селютина, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51)

Articulatory parameters of palatality and palatalization in Mongolian languages

I. Ya. Selyutina

Institute of Philology of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This study determines the articulatory parameters of palatality and palatalization in the northern Mongolian languages of Russia and Mongolia. The research is based on experimental phonetic data obtained through linguistic and instrumental somatic methods, including radiography, dentopalatography, and magnetic resonance imaging. The findings enable us to assert the presence of two approaches for incorporating the concept of softness into their consonant systems. In the Khori-Buryat and Khalkha-Mongolian languages, the dominant acoustic effect for conveying the softness of sound is palatalization. Conversely, in the Kalmyk language, this function is fulfilled by middle-lingual consonants. In Mongolian languages, palatalization is characterized by more than just the upward movement of the middle part of the tongue to the hard palate, as commonly presumed in general phonetics. Additionally, it entails the forward and upward movement of the entire compressed body of the tongue. The speech tract rearrangement produces a significant posterior pharyngeal area within the resonator cavity. This particular formation is responsible for amplifying high-frequency components in the audio signal spectrum, which are perceptually associated with the softness of sound. The differences in the linguistic status of palatality (softness) and palatalization (softening) in the languages under consideration are determined by the peculiarities of the structural and taxonomic organization of the phonico-phonological systems. Despite the genetic proximity of the Khori-Buryat, Khalkha-Mongolian, and Kalmyk languages, each language employs distinct pronunciation strategies to create the auditory impression of softness. These tactics are influenced by the unique articulatory-acoustic characteristics developed within each ethnic group over centuries.

Keywords

Mongolian languages of Russia and Mongolia, phonetics, phonology, instrumental methods, consonants, additional articulation, palatality, palatalization

Acknowledgements

The work was carried out within the framework of the state task (project No. 0263-2021-0004 “Reflection of the processes of cultural interaction in the languages of Siberia and the Far East”).

For citation

Selyutina I. Ya. Artikulyatornye parametry palatal'nosti i palatalizatsii v mongolskikh yazykakh [Articulatory parameters of palatality and palatalization in Mongolian languages]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 9–20. DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-9-20 (In Russ.)

Введение

Цель исследования – выявление артикуляторных характеристик палатальности и палатализации согласных в монгольских языках России и Монголии по экспериментально-фонетическим данным, полученным в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) Института филологии СО РАН с использованием междисциплинарной методики, включающей как собственно лингвистические, так и инструментальные соматические методы статического рентгенографирования, дентопалатографирования и магнитно-резонансного томографирования (МРТ).

Физиолого-акустический облик согласного звука речи генерируется комплексом работ органов произносительного аппарата, обеспечивающих не только общие условия образования звуков, но и основную, а также дополнительные артикуляции.

«Вся артикуляция в целом формирует резонаторную систему, определяя фильтрующие свойства последней» [Зиндер 1979: 132]. Основная артикуляция генерирует основной характер шума, его акустические параметры, свойственные всем реализациям данного типа согласных, в то время как дополнительная артикуляция лишь трансформирует основной шум, внося коррективы в спектральную картину звука.

В зависимости от сопутствующих дополнительных артикуляций, каждый основной тип согласного может быть представлен в речи целым рядом разновидностей: согласные могут быть

дополнительно огубленными, палатализованными, веляризованными, назализованными, увуларизованными, фарингализованными, глоттализированными и т. д.

Фонематический статус дополнительных артикуляций определяется фонологической системой языка. Палатализация в тюркских языках детерминирована фонетическим контекстом, в то время как в русском языке палатализация носит независимый характер, оппозиция палатализованных и непалатализованных согласных фонем – одна из базовых системообразующих. Н. Б. Мечковская, ссылаясь на Р. О. Якобсона, который первым выявил закономерность еще в 1930-х гг., отмечает, что «различение твердых и мягких согласных предполагает развитый консонантизм» [Мечковская 2001: 254].

В фонетической литературе палатализация не имеет однозначного определения. Нечеткость и непоследовательность в использовании терминов *палатализация*, *палатальность*, *смягчение* и *мягкость* нашли отражение в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой: «Палатализация (осреднеязычение, смягчение, среднеязычное сближение)... Дополнительный к основной артикуляции согласных подъем средней части языка к твердому нёбу (или йотовая артикуляция), резко повышающий характерный тон и шум» [Ахманова 2007: 308]. Приведенное толкование палатализации, учитывающее как артикуляторную, так и акустическую характеристику, в принципе верно отражает физическую и физиологическую природу рассматриваемого фонетического явления. Тем не менее современные инструментальные исследования на материале тюркских и монгольских языков указывают на необходимость уточнения качественных параметров палатализации. Заслуживает также внимания замечание по поводу русской палатализации, крайне важное для понимания артикуляционной специфики и тюрко-монгольского консонантизма: «При произнесении [т'] средняя часть спинки языка выгибается и приближается к твердому нёбу, одновременно язык всей своей массой сдвигается несколько вперед» [Соколянский 2017: 39] (разрядка наша – И.С.).

Соответственно *палатализованный* – мягкий, смягченный согласный [Ахманова 2007: 309]. *Мягкий согласный* – «то же, что палатализованный» [Ахманова 2007: 246]. Термины *палатализованный*, *мягкий* и *смягченный* представлены в этих определениях в одном синонимическом ряду. В свою очередь, «Палатальный (небный, средненебный, твердонебный). Образующий поднятием спинки языка к твердому небу» [Ахманова 2007: 309].

Такой подход представляется нам абсолютно неправомерным. Следует четко разграничивать палатальность (среднеязычность, мягкость) как характеристику основной, базовой артикуляции согласных, с одной стороны, и палатализованность (смягченность), с другой. Палатализованными могут быть согласные различных артикуляторных рядов, кроме среднеязычного – палатального по своей природе.

Отмечаемая в лингвистической литературе противоречивость в трактовке указанных фонетических явлений и терминологическая непоследовательность – следствие отсутствия системности во взглядах, имеющее глубокие исторические корни в отечественном [Бодуэн де Куртене 1882; Матусевич 1959; Панов 1967; Ахманова 2007] и зарубежном [Sievers 1901: 185; Chomsky, Halle 1968; Ladefoged, Johnson 2011: 308] языкознании.

1. Консонантные системы в монгольских языках

По классификации монгольских языков, построенной Т. А. Бертагаевым на фонетических принципах наличия / отсутствия сингармонизма и наличия / отсутствия начальных согласных *f*-, *x*-, *h*-, все монгольские языки делятся на три группы: северную, наиболее многочисленную, к которой отнесены анлаутно-вокальные, или сингармонические, языки; юго-восточную, включающую анлаутно-спирантные, или несингармонические, бесписьменные языки; промежуточную, или переходную, ветвь [Бертагаев 1968: 9; Грунтов, Мазо 2015: 207].

Рассматриваемые в статье языки – хори-бурятский, калмыцкий и халха-монгольский относятся к северной ветви монгольских языков с сингармонической организацией фонетического облика словоформы. Несмотря на генетическое родство бурятского, калмыцкого и монгольского языков, их консонантные системы базируются на различных структурно-таксономических принципах.

Результаты комплексных экспериментально-фонетических исследований свидетельствуют о том, что калмыцкая и халха-монгольская системы согласных организованы трихотомическим противопоставлением фонем по степени напряженности их репрезентаций, в то время как хори-

бурятский консонантизм структурируется бинарной оппозицией слабых и сверхслабых единиц. Указанная фонико-фонологическая специфика сближает калмыцкий и монгольский языки с тюркскими языками (тувинским и тофским) байкало-саянской ветви циркумбайкальского языкового союза, а бурятский входит в один кластер с тюркскими языками (алтайским, хакасским) алтае-саянской ветви, сформировавшимися на угро-самодийском субстрате.

Поскольку исчерпывающее описание консонантных систем не является целью нашего исследования, ограничимся данными о наличии в звуковых системах рассматриваемых языков среднеязычных (палатальных) согласных фонем и о функциональном статусе палатализации (смягчения) консонантов.

В языке хоринских бурят группа среднеязычных согласных включает лишь одну фонему – малолучную [j], в то время как категория смягченности является системообразующей. В языке представлено 10 коррелятивных пар палатализованных / непалатализованных единиц: [p]-[p'], [b]-[b'], [m]-[m'], [t]-[t'], [d]-[d'], [l]-[l'], [r]-[r'], [n]-[n'], [x]-[x'], [g]-[g'] [Соктоева 1987: 35; Соктоева 1988: 116–118, 126].

В языке халха-монголов также выделяется лишь одна среднеязычная фонема [j]. Более значимая роль отводится оппозиции единиц по смягчению: гомоганные согласные образуют 14 коррелятивных пар фонем, противопоставленных по признаку умеренной палатализации. Согласные делятся на непалатализованные и палатализованные: [p]-[p'], [b]-[b'], [m]-[m'], [t]-[t'], [d]-[d'], [s]-[s'], [ts]-[ts'], [dz]-[dz'], [l]-[l'], [r]-[r'], [n]-[n'], [g]-[g'], [x]-[x'], [ŋ]-[ŋ'] [Наделяев 1985; Кузьменков 2004]. По мнению Н. С. Яхонтовой, палатализованные согласные фонемы образовались из более ранних непалатализованных в позиции перед гласным *и*, который позже мог редуцироваться или измениться [Яхонтова 1997: 109].

Специфику калмыцкого консонантизма составляет наличие развернутого фонологического ряда среднеязычных единиц, включающего семь фонем: ([h], [h̥], [h̥s], [h̥z], [ɲ], [ɲ̥], [ɲ̥]), и, соответственно, отсутствие оппозиции согласных по палатализованности / непалатализованности, в отличие от халхасского и бурятского языков [Биткеев 1965: 30].

2. Палатализация и палатальность в монгольских языках

Предметом исследования в данной статье являются соматические параметры палатализации, анализируемые на материале наиболее частотных в речи переднеязычных смычных ротовых артикуляторных настроек, особенности реализации палатальности, а также функциональная значимость категорий смягчения и мягкости в монгольских языках Российской Федерации (хори-бурятском и калмыцком) и Монголии (халха-монгольском).

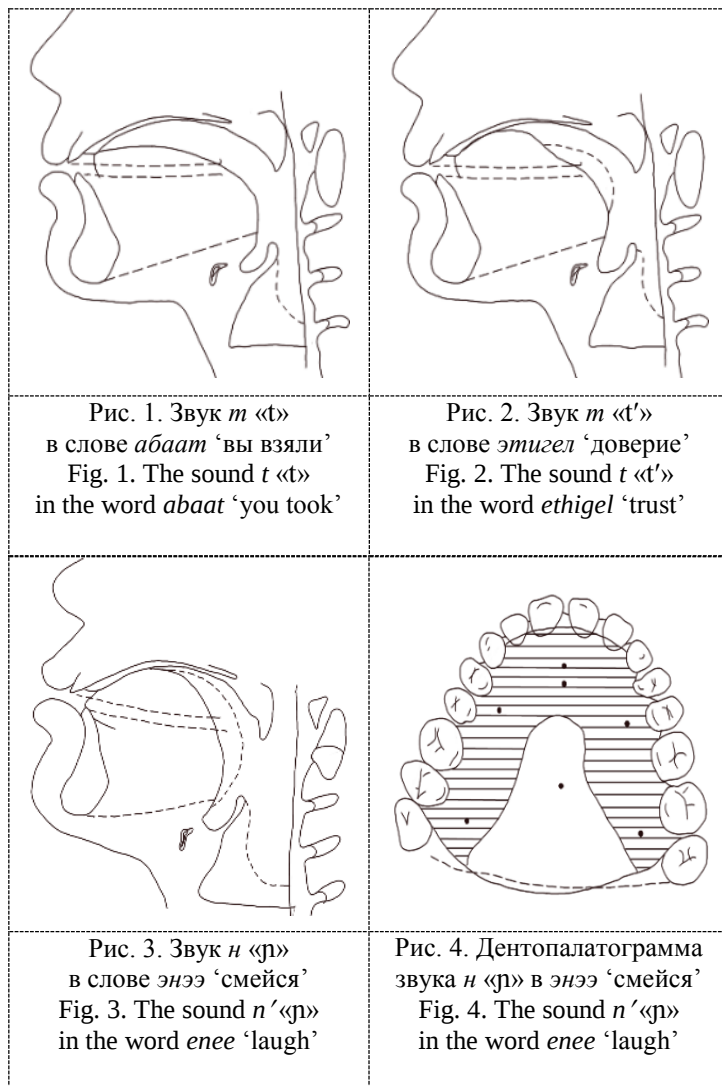
2.1. Палатализация и палатальность в хори-бурятском языке

Для хори-бурятского консонантизма, как и для халхасской системы согласных, оппозиция единиц по признаку палатализованности / непалатализованности (в традиционных для бурятоведения терминах – мягкости / твердости) является конститутивно-дифференциальной, выполняющей коммуникативную функцию. Кроме того, в языке бурят, как и в халха-монгольском и калмыцком, твердые согласные в сингармонически мягкорядных лексемах реализуются на фоническом уровне в слабопалатализованных аллофонах.

Ниже сопоставляются данные рентгенографирования, полученные по хоринскому консонантизму в 1980-е гг. С. П. Соктоевой, с результатами томографирования, проведенного в 2010 г. сотрудниками ЛЭФИ.

На рис. 1–3 представлены рентгенограммы артикуляторных настроек хори-бурятских шумных слабых долгих ротовых переднеязычных смычных согласных *т*: непалатализованного «*t*» в словоформе *абаат* ‘вы взяли’ и палатализованного «*t'*» в лексеме *этигел* ‘доверие’, а также малолучного сверхслабого долготнонеопределенного носового палатального согласного *н* «*ɲ*» в лексеме *энэ* ‘смейся’; на рис. 4 – дентопалатограмма этой же настройки *н* «*ɲ*» [Соктоева 1988: 44, 97, 99].

Настройки бурятских шумных слабых переднеязычных согласных *т* «*t*», «*t'*» и *д* «*d*», «*d'*», а также малолучных сверхслабых *р* «*r*», «*r'*» можно рассматривать как классический образец противопоставления палатализованных и непалатализованных реализаций.

Если звуки *t* «*t*» в словоформе *абаат* «вы взяли» и *д* «*d*» в словоформе *абаад* «взяв» реализуются с очень незначительной площадью контакта активного и пассивного артикулирующих органов и определяются как непалатализованные переднеязычные альвеолярные – кончиковый апикальный *t* «*t*» (см. рис. 1) и вершинковый какуминальный *д* «*d*», то настройки *t* «*t'*» (см. рис. 2) и *д* «*d'*», имеющие значительную площадь смычки языка и небного свода, квалифицируются как умереннопалатализованные переднеязычно-среднеязычные альвеолярно-переднетвердонебные. При этом кончик языка (КЯ) при продуцировании палатализованных паттернов вовлечен в активную артикуляцию с локализацией на передних верхних альвеолах, убедительно свидетельствуя о системной переднеязычности настроек и исключая их среднеязычную интерпретацию.

Характерная для палатализованных артикуляций устремленность всего тела языка вперед-вверх детерминирует сокращение объема переднеротового отдела резонаторной полости и значительное увеличение объема заднеротово-глоточной части речевого резонатора, обуславливающее

усиление верхних формант спектра с акустическим эффектом «смягчения» звука.

При общем сходстве конфигурации настройки малозумного носового *н* «*n*» в словоформе *энээ* «смейся» (см. рис. 3–4) с переднеязычными палатализованными звуками, решающей для квалификации паттерна *н* «*n*» является локализация КЯ у режущей поверхности нижних резцов, исключая участие его и значительного участка передней части спинки в формировании основной смычной преграды: артикуляция определяется как классическая среднеязычная. Обращает на себя внимание большая площадь контакта активных и пассивных органов артикуляции и максимальный по всей серии снимков объем заднеротово-глоточного отдела резонатора, обеспечивающий формирование высокоформатного спектра звука с ярко выраженным акустическим эффектом мягкости.

Сопоставление рентгенографических данных по хоринскому консонантизму 1980-х гг. с МРТ-материалами, зафиксированными 30 лет спустя, свидетельствует о принципиальном сходстве изучаемых настроек. Томограммы артикуляций хори-бурятских звуков (см. рис. 5–6) позволяют квалифицировать их как переднеязычные смычные – непалатализованное *д* «*d*» в словоформе *дара* «дави» и палатализованное *д* «*d'*» в лексеме *эди* «ешь». Отличие заключается лишь в умереннодорсальном характере смычки непалатализованного *д* «*d*».

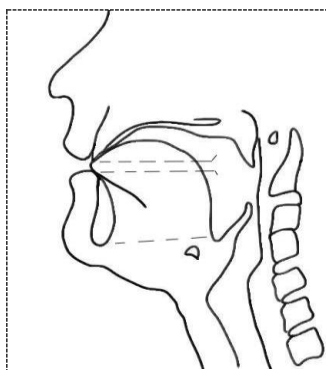

Рис. 5. Звук *д* «d»
в слове *дара* ‘дави’
Fig. 5. The sound *d* «d»
in the word *dara* ‘push’

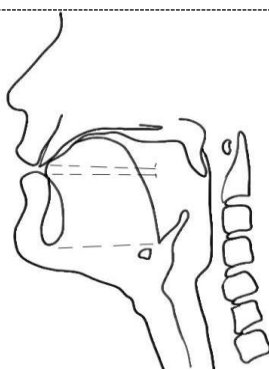

Рис. 6. Звук *д* «d'»
в слове *эди* ‘ешь’
Fig. 6. The sound *d* «d'»
in the word *edi* ‘eat’

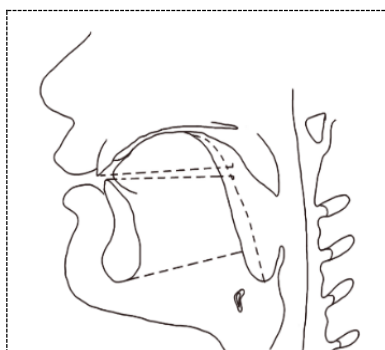

Рис. 7. Звук *нь* «ɲ»
в слове *ани* ‘зажмурься’
Fig. 7. The sound *н* «ɲ» in the
word *ani* ‘close your eyes’

Для настройки палатализованного *д* «d'» характерны значительное продвижение всего тела языка вперед-вверх, сокращение объема переднеротового отдела резонатора до минимального при существенном увеличении объема задних частей речевого тракта.

Хори-бурятским консонантам, в том числе палатализованным и палатальным, не свойственна фарингализация как артикуляция, дополнительная к основной: эпиглоттис свободно принимает срединное положение в полости глотки, нет напряженной оттянутости корня языка к задней стенке фаринкса, что обеспечивает «чистое», нефарингализованное произношение.

Интересно отметить, что в цонгольском диалекте бурятского языка представлена среднеязычная репрезентация согласного *н* (см. рис. 7): кончик языка, находящийся у нижних резцов, исключается, вместе с прилегающим к нему участком передней части спинки языка, из основной артикуляции – смычная преграда формируется передне-средней частью спинки языка, контактирующей с лингвальным склоном альвеол, первой половиной и серединой твердого нёба [Селютина и др. 2012]. Отличие от серии хоринских артикуляций заключается в значительной оттянутости подэпиглоттального участка глотки к задней ее стенке.

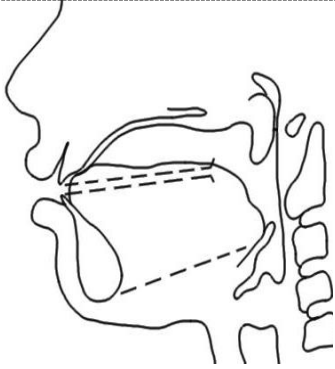
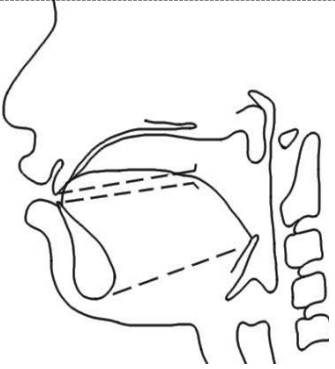
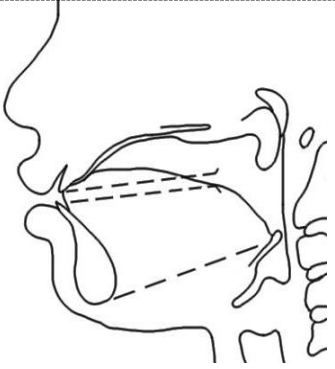
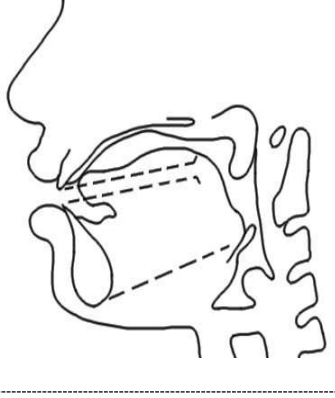
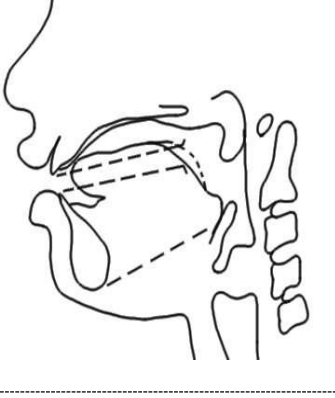
В аларском диалекте бурятского языка, в отличие от хоринского, в препозиции к переднерядному гласному *и* используется не переднеязычный палатализованный *т* «t'», а среднеязычный *ть* «ɸ»: *тиимэ* ‘такой’, *тиихэ* ‘делать так’ [Уртегешев и др. 2014].

Функционирование в диалектах бурятского языка, в том числе и в базовом хоринском, среднеязычных согласных – факультативное, наряду с переднеязычными палатализованными, или в качестве самостоятельных фонем – свидетельствует о незавершенности процесса формирования класса переднеязычных палатализованных и вытеснения ими ряда среднеязычных. Наибольшей устойчивостью отличаются сверхслабые малозвучные *нь* «ɲ» и *ль* «λ», сохраняющиеся в тюрко-монгольских языках на периферии систем согласных.

2.2. Палатализация и палатальность в халха-монгольском языке

В языке халхаских монголов, как и в хори-бурятском, употребление твердых (непалатализованных) и мягких (умереннопалатализованных) фонем не зависит от фонетического контекста: и те, и другие встречаются как в твердорядных, так и в мягкорядных с точки зрения палатального сингармонизма словах. Кроме того, твердые консонанты в мягкорядных лексемах подвергаются слабой палатализации. Слабое смягчение носит оттенокный характер, в отличие от умеренной палатализации, выполняющей лингвистическую смысловозначительную функцию.

На рис. 8–10 приведены томосхемы артикуляторных настроек халха-монгольских шумных переднеязычных смычных согласных, представленных паттернами сильных фонем – непалатализованным *т* «t» в словоформе *хат* ‘закалка стали’, слабопалатализованным *т* «t'» в лексеме *хэт* ‘огниво’ и умереннопалатализованным *ть* «t'» в слове *боть* ‘том’. На рис. 11–12 показаны настройки малозвучных согласных – непалатализованного вибранта *р* «ɣ» в слове *хар* ‘черный’ и его умереннопалатализованного коррелята *рь* «ɣ'» в лексеме *харь* ‘сколько’.

		
Рис. 8. Звук <i>t</i> «t» в слове <i>хат</i> ‘закалка стали’ Fig. 8. The sound <i>t</i> «t» in the word <i>khat</i> ‘hardening of steel’	Рис. 9. Звук <i>t</i> «t» в слове <i>хэт</i> ‘огниво’ Fig. 9. The sound <i>t</i> «t» in the word <i>khet</i> ‘flint’	Рис. 10. Звук <i>t'</i> «t'» в слове <i>боть</i> ‘том’ Fig. 10. The sound <i>t'</i> «t'» in the word <i>bot</i> ‘tom’
		Данные МРТ свидетельствуют о том, что для халха-монгольской палатализации, как оттенковой слабой (см. рис. 9), так и фонологической умеренной (см. рис. 10, 12), не свойственен типичный для классических палатализованных настроек ярко выраженный дополнительный подъем передне-средней части спинки над остальной поверхностью языка. Монгольская палатализация осуществляется некоторым продвижением – по
Рис. 11. Звук <i>r</i> «r» в слове <i>хар</i> ‘черный’ Fig. 11. The sound <i>r</i> «r» in the word <i>har</i> ‘black’	Рис. 12. Звук <i>r'</i> «r'» в слове <i>харь</i> ‘сколько’ Fig. 12. The sound <i>r'</i> «r'» in the word <i>har'</i> ‘how much’	

сравнению с непалатализованными коррелятами – тела языка вперед-вверх, вызывающим увеличение площади контакта (при смычных) или сближения (при фрикативных) активного и пассивного органов артикуляции за счет вовлечения в процесс произношения участка средней части спинки языка и прилегающих к альвеолам участков твердого нёба. Вследствие указанных работ происходит смещение фокуса шумообразования из переднеязычной дентально-альвеолярной зоны к передне-среднеязычной дентально-переднетвердонебной зоне, ассоциируемой с акустической категорией смягчения, палатализации.

Веляризация (см. рис. 8, 11), свойственная монгольским переднеязычным несмягченным артикуляциям, в палатализованных настройках устраняется (см. рис. 9, 10), задняя часть спинки «вдавливается» вниз и вместе с корнем языка образует покатый склон поверхности тела языка, резко оттянутого к задней стенке глотки и максимально сближающегося с ней на уровне кончика эпиглоттиса, плотно сомкнутого с корнем. Определенная специфика отмечается в настройке смягченного вбранта (см. рис. 12), реализующегося, в отличие от непалатализованного сильновеляризованного коррелята, с дополнительным подъемом средне-межзубочной части спинки языка ко второй половине твердого нёба, то есть в зону палатальности, характерную для гуттуральных средне-межзубочных согласных типа *k*, *g*, *x*, *ɣ*.

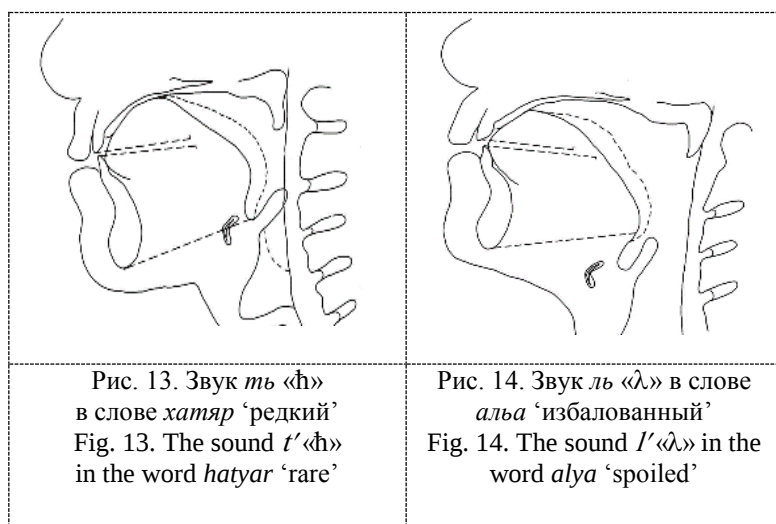
Продвижение передней части тела языка вперед-вверх с одновременным оттягиванием заднеязычно-верхнекорнеязычной части языка назад-вниз обуславливает увеличение объема заднеротово-верхнеглоточного отдела резонаторной трубы – по сравнению с непалатализованными настройками. Следствием изменения конфигурации резонаторной полости с перераспределени-

ем объемов в пользу задних ее отделов является усиление высокочастотных составляющих в спектре звука и повышение, смягчение тембра.

На всех МРТ-снимках констатируется ярко выраженная дополнительная фарингализованность настроек, продуцируемая при сильной оттянутости нижней трети корня языка с плотно прижатым к нему эпиглоттисом к задней стенке фаринкса, усиливающая напряженность артикуляции и детерминирующая акустический эффект низкого сдвинутого артикулирования. В палатализованных настройках устремленность тела языка вперед-вверх с одновременным оттягиванием корня назад-вниз формирует комбинацию двух тембров – высокого смягченного и низкого сдвинуто-напряженного – и обеспечивает специфику акустического коррелята халха-монгольской палатализации и ее аудитивного восприятия.

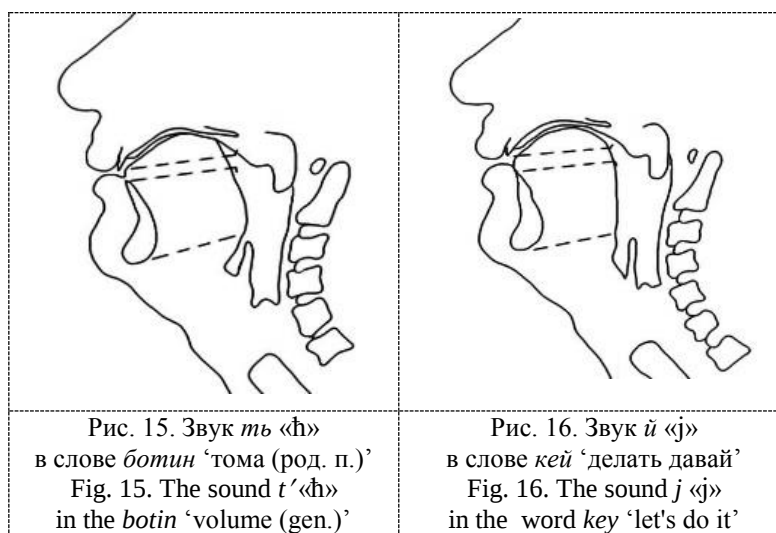
2.3. Палатальность и палатализация в калмыцком языке

Калмыцкий консонантизм, в отличие от халха-монгольской и хори-бурятской систем согласных, имеет развернутый ряд среднеязычных единиц – шумных [ʰ], [ʰ], [ʰs], [ʰz] и малошумных [ɲ], [ɲ], [j]; всего 7 фонем. Специфика калмыцкого консонантизма заключается также и в отсутствии фонематического противопоставления согласных по палатализованности / непалатализованности [Биткеев 1965; Надеяев 1985; Соктоева 1988].

На рис. 13–14 приведены рентгеносхемы настроек калмыцких согласных – шумного ть «ʰ» в слове хатяр 'редкий' и малошумного ль «ɭ» в слове алья 'избалованный' [Биткеев 1965: 38–62]. Снимки демонстрируют классические среднеязычные (палатальные) артикуляции: кончик языка с прилегающим к нему участком передней части спинки опущен к нижним резцам, не участвуя активно в формировании основной шумообразующей настройки. Передне-средняя часть спинки языка образует про-

тяженную по площади контакту с альвеолярно-переднетвердонебным участком неба свода (при произнесении ть «ʰ» в словоформе хатяр 'редкий' смычка распространяется и на первую четверть задней части твердого неба). Все тело языка активно устремлено вперед-вверх, вследствие чего образуется значительный по объему заднеротово-глоточный отдел резонаторного тракта, детерминирующий усиление высокочастотных составляющих спектра и коррелирующий с аудитивным эффектом мягкости звучания.

Полученные фонетистами ЛЭФИ в 2013-м г. МРТ-снимки настроек калмыцких согласных позволяют выявить значительно более сложную картину. Если настройка носового среднеязычного нь «ɲ» в словоформе маань 'стяг' аналогична снимкам, зафиксированным в 1960-е гг. рентгенографически, то настройки шумных смычных – глухого ть «ʰ» в словоформах ботин 'тома (Род. п.)' (см. рис. 15), хатяр 'редкий' и звонкого ды «ɣ» в словоформах будя 'зерно', модьрун 'грубый',

а также малолучного щелевого *й* «*j*» в словоформах *кей* ‘делать давай’ (см. рис. 16) и *хай* ‘закроем’ – существенно отличаются нетипичной для среднеязычных артикуляций более задней локализацией фокуса основного шумообразования. При артикулировании *ть* «*tʃ*», *дь* «*dʃ*» и *й* «*j*» смычка в *ть* «*tʃ*», *дь* «*dʃ*» и щелевое сближение в *й* «*j*» формируются средне-межзубной частью спинки языка (активный орган), серединой и второй половиной твердого нёба (пассивный орган). Артикуляции определяются как среднеязычно-межзубноязычные серединно-заднетвердотонные.

Подобное расположение фокуса артикуляции характерно, скорее, для мягкорядных среднеязычно-межзубноязычных реализаций типа *к* «*k*», *г* «*g*», «*ɣ*», *х* «*x*» гуттуральных фонем в тюркских и монгольских языках, а также для русских заднерядных палатализованных согласных [Акишина 1980: 69]. Тем не менее, несмотря на сильную отодвинутость фокуса шумообразования назад, в заднеротово-глоточной части речевого аппарата формируется значительная по объему резонаторная труба, резко контрастирующая с минимальным объемом переднего отдела резонатора. Фиксируемая на МРТ-снимках конфигурация речевого тракта обеспечивает акустический спектр сигнала, ассоциируемый перцептивно с мягкостью звучания.

Согласный *ль* «*l*», трактуемый П. Ц. Биткевым как среднеязычный, в современном калмыцком языке определяется по данным МРТ как среднеязычный альвеолярно-переднетвердотонный в слове *эльх* ‘износиться’ либо как переднеязычный альвеолярный умереннопалатализованный в лексеме *ааль* ‘уловка’.

Таким образом, данные магнитно-резонансного томографирования свидетельствуют не только о стратегии реализации категории мягкости в калмыцком языке, отличной от халха-монгольской и хори-бурятской, но и позволяют выявить некоторые специфические особенности современного калмыцкого консонантизма. Палатальные согласные, играющие значимую роль в системно-структурной организации калмыцкого консонантизма, характеризуются существенно отодвинутой назад – по сравнению с классическими образцами среднеязычности – локализацией фокуса образования, заходящего в зону реализации мягкорядных гуттуральных согласных. Однако значительное продвижение напряженного тела языка вперед-вверх с одновременной отодвинутостью корня языка от задней стенки фаринкса обуславливают формирование в задней части полости артикуляторного аппарата объемного резонатора, детерминирующего усиление высокочастотных формант спектра речевого сигнала.

Наши наблюдения относительно коррелятивных связей между положением тела языка, меняющим конфигурацию резонаторного тракта и соотношением объемов его переднего и заднеротово-глоточного отделов, с одной стороны, и акустическим эффектом твердости / мягкости, с другой стороны, находят убедительное подтверждение в результатах электропалатографического и ультразвукового исследования носовых согласных, выполненного коллективом авторов на материале алтайского языка [Рыжикова и др. 2024: 102].

Заключение

Результаты исследования физиолого-акустической природы и языкового статуса палатальности и палатализации в северных монгольских языках России и Монголии свидетельствуют о функционировании двух стратегий реализации категории мягкости в их консонантных системах. Если в хори-бурятском и халха-монгольском языках при формировании акустического эффекта мягкости звучания доминирует категория палатализации согласных как настройки, дополнительной к основной, то в калмыцком языке эту роль выполняют среднеязычные согласные, для которых палатальный шумообразующий фокус является определяющим. Следует говорить о межъязыковой функциональной эквивалентности артикуляторных усилий, направленных на достижение аудитивного эффекта мягкости звучания.

Различия в лингвистическом статусе палатальности (мягкости) и палатализации (смягченности) в рассматриваемых языках детерминированы особенностями структурно-таксономической организации фонико-фонологических систем. О незавершенности процесса формирования консонантных систем в рассматриваемых языках свидетельствует факультативное использование среднеязычных согласных в качестве периферийных аллофонов переднеязычных палатализованных фонем в бурятском и монгольском идиомах, а в калмыцком языке, напротив, мягкие палатальные консонанты могут иметь смягченные переднеязычные реализации.

Артикуляторные параметры палатализации, характерные для бурятского и монгольского консонантизма, в каждом из этих языков имеют свою специфику. Если в бурятском языке настройки палатализованных согласных можно рассматривать как классический образец смягченных реализаций, то в монгольском языке типичные характеристики палатализованных согласных выражены значительно слабее.

В калмыцком языке, реализующем иную, отличную от хори-бурятской и халха-монгольской стратегию достижения перцептивной ассоциации мягкости звучания и использующем в качестве основного инструмента палатальные артикуляции, произносительные параметры среднеязычных согласных соответствуют классическим образцам настроек этого типа. Спецификой реализации среднеязычных настроек в современном калмыцком языке является более задняя локализация фокуса образования основного шума, оттягивающая настройку в зону палатальных – средне-межуточных – настроек гуттуральных фонем в мягкорядных словоформах тюркских и монгольских сингармонических языков.

Инструментальные данные по монгольским языкам, полученные ранее результаты по южно-сибирским тюркским языкам, а также учет приведенных выше наблюдений относительно русской палатализации позволяют внести уточнения в наиболее распространенную в общей фонетике трактовку физиологической природы палатализации. Материал показывает, что основными параметрами палатализации в языках тюрко-монгольской общности являются не только подъем (передне-)средней части спинки языка к твердому нёбу, но и активное выдвижение сжатого тела языка вперед-вверх. Эти же параметры характерны и для палатальных согласных, причем вследствие исключения из активной работы кончика языка и прилегающего участка передней части спинки при образовании среднеязычных настроек, смещение языка вперед с одновременным отодвижением корня от задней стенки фаринкса выражено контрастнее по сравнению с палатализованными согласными.

Все тело языка напряжено и сжато в компактный округлый речевой орган, устремленный вперед-вверх, вследствие чего за корнеязычной поверхностью формируется объемный резонатор, характерный для мягких (палатальных), а также для смягченных (палатализованных) консонантных настроек. Следствием компрессии языка и выдвижения его вперед-вверх является переформатирование конфигурации речевого тракта, образование значительного по объему заднеротово-глоточного отдела резонаторной полости, изменение соотношения объемов частей резонатора, детерминирующее усиление высокочастотных составляющих спектра речевого сигнала, ассоциируемых перцептивно с мягкостью звучания.

Несмотря на генетическую близость хори-бурятского, халха-монгольского и калмыцкого языков, в каждом из них осуществляется своя произносительная тактика достижения аудитивного эффекта мягкости, обусловленная формировавшейся на протяжении столетий спецификой артикуляционно-акустической базы этноса.

Список литературы

- Акишина А. А., Барановская С. А. Русская фонетика. М.: Русский язык, 1980. 102 с.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 4-е, стер. М.: КомКнига, 2007. 576 с.
- Бертагаев Т. А. Монгольские языки: введение // Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки / Отв. ред. П. Я. Скорик. Л.: Наука, 1968. С. 7–12.
- Биткеев П. Ц. Согласные фонемы калмыцкого языка (на материале экспериментальных исследований). Улан-Удэ: Бурят. книжн. изд-во, 1965. 68 с.
- Бураев И. Д. Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск: Наука, 1987. 185 с.
- Грунтов И. А., Мазо О. М. Классификация монгольских языков по лексикостатистическим данным // Вопросы языкового родства. 2015. № 13 (Вып. 3). С. 205–255.
- Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1979. 312 с.
- Кузьменков Е. А. Фонологическая система современного монгольского языка. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. 212 с.

Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. Учебное пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2001. 312 с.

Наделяев В. М. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Фонетика сибирских языков. Новосибирск, 1985. С. 3–24.

Рыжикова Т. Р., Тимкин Т. В., Добрынина А. А. Язычные носовые согласные алтайского языка (результаты электропалатографического и ультразвукового исследования) // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2024. № 88. С. 92–110. doi: 10.17223/19986645/88/5

Селютина И. Я., Эсенбаева Г. А., Шевела А. И., Куликов В. Г. Шумные переднеязычные согласные цонгольского диалекта бурятского языка // Мир Центральной Азии – 3. Улан-Удэ, 2012. С. 683–686.

Соколянский А. А. Корреляция твердости / мягкости согласных в русском языке // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 2 (Вып. 56). Ч. I. С. 39–44.

Соктеева С. П. Консонантизм хоринского диалекта бурятского языка. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988. 165 с.

Уртегешев Н. С., Добрынина А. А., Эсенбаева Г. А. Звукотип «т» в аларском диалекте бурятского языка (по данным МРТ) // Мат-лы XIV Региональной конф. «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России», 20–22 ноября 2014. Уфа, 2014. С. 56–59.

Яхонтова Н. С. Монгольский язык // Языки мира. Монгольские языки / Ред. В. М. Алпатов, И. В. Кормушин, Г. Ц. Пюрбеев, О. И. Романова. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 109–124.

References

Akishina A. A., Baranovskaya S. A. *Russkaya fonetika* [Russian phonetics]. Moscow, Rus. yaz., 1980, 102 p. (In Russ.)

Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. 4th ed., ster. Moscow, KomKniga, 2007, 576 p. (In Russ.)

Bertagaev T. A. Mongol'skie yazyki: vvedenie [Mongolian languages: an introduction]. In: *Yazyki narodov SSSR. Mongol'skie, tunguso-man'chzhurskie i paleoaziatskie yazyki* [Languages of the peoples of the USSR. Mongolian, Tungusic-Manchu and Paleoasiatic languages]. P. Ya. Skorik (Ed.). Leningrad, Nauka, 1968, pp. 7–12. (In Russ.)

Bitkeev P. Ts. *Soglasnye fonemy kalmytskogo yazyka (na materiale eksperimental'nykh issledovaniy)* [Consonant phonemes of the Kalmyk language (based on experimental research)]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1965, 68 p. (In Russ.)

Buraev I. D. *Stanovlenie zvukovogo stroya buryatskogo yazyka* [The formation of the sound system of the Buryat language]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 185 p. (In Russ.)

Gruntov I. A., Mazo O. M. Klassifikatsiya mongol'skikh yazykov po leksikostatisticheskim dannym [Classification of Mongolian languages according to lexicostatistical data]. *Journal of Language Relationship*. 2015, no. 13 (iss. 3), pp. 205–255. (In Russ.)

Kuz'menkov E. A. *Fonologicheskaya sistema sovremennogo mongol'skogo yazyka* [The phonological system of the modern Mongolian language]. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2004, 212 p. (In Russ.)

Mechkovskaya N. B. *Obshchee yazykoznanie: Strukturnaya i sotsial'naya tipologiya yazykov. Uchebnoe posobie* [General linguistics: Structural and social typology of languages. Textbook]. 2nd ed. Moscow, Flinta, Nauka, 2001, 312 p. (In Russ.)

Nadelyaev V. M. Sostav fonem v zvukovoy sisteme sovremennogo mongol'skogo yazyka [The composition of phonemes in the sound system of the modern Mongolian language]. In: *Fonetika sibirskikh yazykov* [Phonetics of Siberian languages]. Novosibirsk, 1985, pp. 3–24. (In Russ.)

Ryzhikova T. R., Timkin T. V., Dobrynina A. A. Yazychnye nosovye soglasnye altayskogo yazyka (rezul'taty elektropalatoigraficheskogo i ul'trazvukovogo issledovaniya) [Lingual nasal consonants of the Altai language (results of electropalatographic and ultrasonic research)]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2024, no. 88, pp. 92–110. DOI 10.17223/19986645/88/5

Selyutina I. Ya., Esenbaeva G. A., Shevela A. I., Kulikov V. G. Shumnye peredneyazychnye soglasnye tsongol'skogo dialekta buryatskogo yazyka [Noisy front-lingual consonants of the Tsongol

dialect of the Buryat language]. In: *Mir Tsentral'noy Azii-3: sb. nauch. statey* [The world of Central Asia-3: coll. of sci. articles]. Ulan-Ude, 2012, pp. 683–686. (In Russ.)

Sokolyanskiy A. A. Korrelyatsiya tverdosti/myagkosti soglasnykh v russkom yazyke [Correlation of hardness /softness of consonants in Russian]. *International research journal*. 2017, no. 2 (iss. 56), pt. I, pp. 39–44. (In Russ.)

Soktoeva S. P. *Konsonantizm khorinskogo dialekta buryatskogo yazyka* [Consonantism of the Khorin dialect of the Buryat language]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 165 p. (In Russ.)

Urtegeshev N. S., Dobrinina A. A., Esenbaeva G. A. Zvukotip “t” v alarskom dialekte buryatskogo yazyka (po dannym MRT) [The “t” sound type in the Alaric dialect of the Buryat language (according to MRI data)]. In: *Mat-ly 14 Regional'noy konf. “Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii”, 20–22 noyabrya 2014* [Proceedings of the 14 Regional Conf. “Actual problems of dialectology of languages of the peoples of Russia”, November 20–22 2014]. Ufa, 2014, pp. 56–59. (In Russ.)

Yakhontova N. S. Mongol'skiy yazyk [Mongolian language]. In: *Yazyki mira. Mongol'skie yazyki. Tunguso-man'chzhurskie yazyki. Yaponskiy yazyk. Koreyskiy yazyk* [Languages of the world. Mongolian languages. Tungusic-Manchu languages. The Japanese language. Korean language]. V. M. Alpatov, I. V. Kormushin, G. Ts. Pyurbeev, O. I. Romanova (Eds.). Moscow, Indrik, 1997, pp. 109–124. (In Russ.)

Zinder L. R. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, Vyssh. shk., 1979, 312 p. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
26.02.2024

Сведения об авторе

Ираида Яковлевна Селютина – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН (ИИФ СО РАН), г. Новосибирск, Россия

E-mail: siya_irina@mail.ru
ORCID 0000-0001-9457-3237

Information about the Author

Iraida Ya. Selyutina – Doctor of Philology, Professor, Principal Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

E-mail: siya_irina@mail.ru
ORCID 0000-0001-9457-3237

УДК 811.512.31 + 81'34
DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-21-31

Эмотивная интонационная конструкция бурятского языка

Ю. Д. Абаева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию семантики одной часто употребляемой в разговорной речи интонационной модели бурятского языка. Ее акустические параметры: восходяще-ровно-нисходящий мелодический рисунок, высокий регистр произнесения, значительное превышение средней длительности звука на слове-акцентоносителе. Материал исследования был отобран из спонтанных монологических диалектных текстов и подвергнут акустическому анализу в программах Speech Analyzer и Praat. Подход от «формы к функции» позволил выявить три значения, передаваемых этой интонацией: интенсификация, согласие, удивление. Исследование показало, что исследуемая интонация может усиливать значение, выраженное другими языковыми средствами, придавая высказыванию эмоциональный оттенок, а также играть роль собственно эмотивной интонации, изменяя семантику всего высказывания.

Ключевые слова

бурятский язык, диалектная речь, эмотивная интонация, основной тон, длительность, интенсификация, согласие, эмоция удивления

Благодарности

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

Для цитирования

Абаева Ю. Д. Эмотивная интонационная конструкция бурятского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51). С. 21–31. DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-21-31

Emotive intonation structure of the Buryat language

Yu. D. Abaeva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract

The article focuses on analyzing the meaning of a commonly used intonation contour in Buryat oral speech. This contour is characterized by a high pitch level and a noticeable elongation of stressed words. The research material was taken from audio recordings of spontaneous speech. Acoustic analysis was performed using the Speech Analyzer and Praat computer programs. The following parameters were investigated: the intonation contour shape, the rising and falling interval of the fundamental frequency, the register, and the sound length compared to the average duration. The analysis revealed three meanings expressed by the contour: intensification, agreement, and surprise. Hence, the Buryat language has a remarkable intonation structure employed to convey a multitude of emotionally resonant semantic meanings. The additional experiment

© Ю. Д. Абаева, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51)

conducted to transform emotional intonation into a neutral one demonstrated that this intonation is used in two specific types of statements: emotionally charged statements and veritably emotive statements. The first type demonstrates the supplementary role of intonation by strengthening the meanings expressed by other linguistic means (lexical and syntactic). Intonation allows the speaker to express their emotional evaluation and convey their attitude. In the second type, the change of intonation entails a change in semantic meaning, with the expression of emotions being the dominant communicative task. Additionally, it has been revealed that the intonation contour under examination displays stratification in terms of age and territorial factors. Its usage is more prevalent among the speakers of the Aga subdialect and is particularly common among the older generation.

Keywords

Buryat language, emotive intonation, dialect speech, pitch, duration, intensification, agreement, emotion of surprise

For citation

Abaeva Yu. D. Emotivnaya intonatsionnaya konstruktsiya buryatskogo yazyka [Emotive intonation structure of the Buryat language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 21–31. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-21-31

Введение

Интонационное выражение эмоций в бурятском языке ранее практически не являлось предметом специального исследования. Между тем эмотивность пронизывает все коммуникативные типы высказываний: повествование, вопрос, побуждение могут быть произнесены с повышенной эмоциональностью, с эмфазой. Более того, эмотивные высказывания рассматриваются в качестве самостоятельного коммуникативного типа, главной коммуникативной целью которых является не сообщение, не побуждение и не запрос информации, а «выражение эмоционального состояния или эмоционального отношения говорящего к предмету речи или какому-либо лицу» [Пиотровская 2016: 45].

Хотя большинством ученых признается, что выражение эмоций является одной из ведущих функций интонации, относительно лингвистичности этой функции имеются разногласия. Так, И. Г. Торсуева относит выражение эмоционального состояния к экстралингвистическим функциям, не формирующим интонационных единиц [Торсуева 2009: 63].

Н. Д. Светозарова делит эмотивную функцию интонации на область эмоциональных значений и область эмоциональной окраски. Если эмоциональная окраска (тоска, тревога, грусть и др.) обусловлена физиологически и для нее характерна языковая универсальность, то эмоциональные значения (сомнение, сожаление, упрек и др.) обладают языковой спецификой и именно они обладают лингвистичностью и формируют специфические интонационные единицы [Светозарова 1982: 23].

По мнению Е. А. Брызгуновой, нейтральное произнесение характерно для речи, в которой отношение говорящего к высказыванию интонационно не выражено. Субъективное отношение говорящего к высказываемому может быть выражено как добавочный эмоционально-смысловой оттенок, как усиление смысла нейтрального высказывания, как эмоциональное состояние говорящего. Интонации, которые служат средством выражения субъективного отношения говорящего к высказываемому, Е. А. Брызгунова называет модальными реализациями интонационных конструкций [Брызгунова 1982: 100–102].

Т. Е. Янко считает, что контраст и эмфаза – это модифицирующие значения интонации, они не создают речевых актов, а модифицируют компоненты речевых актов [Янко 2008: 21].

Л. А. Пиотровская приходит к выводу, что эмотивная функция является вторичной, в отличие от первичных функций, которые реализуются в любом речевом акте, при любом использовании языка. Для выражения вторичных функций говорящий использует специальные языковые средства, за которыми в процессе исторического развития языка закрепилось соответствующее предназначение [Пиотровская 2015].

Относительно интонационных средств, используемых для выражения эмоций, И. Г. Торсуева пишет, что эмоции постоянно нарушают некие идеально средние нейтральные конструкции. Такие нарушения выражаются в повышении основного тона, что вызвано напряжением голосовых связок, а также в изменении синтаксиса, а именно в перестановке наиболее важного компонента высказывания в начало предложения [Торсуева 2009: 41]. По мнению

И. С. Ибрахим, смещение мелодического пика, наряду с другими просодическими параметрами, может являться дифферензором для распознавания определенных эмотивных значений [Ибрахим 2011: 24].

При аудировании разговорной бурятской речи обращает на себя внимание достаточно частое употребление особого интонационного контура: очень высокого тона со значительным удлинением, растягиванием звука на некоторых словах. Такой тип интонации встречается в разговорной речи носителей практически всех диалектов. Можно предположить, что такой тип интонации, в котором ряд параметров превышает средние показатели нейтрально окрашенной речи (средняя длительность гласного звука, диапазон изменения основного тона, крутизна изменения мелодической кривой в речи конкретного диктора), используется для выражения повышенной эмоциональности говорящего, либо его эмоционального отношения к сообщаемому. Для такой интонации характерны значительное превышение средней длительности звука, более широкий диапазон изменения тона, высокий регистр, общее изменение типичного интонационного контура. При этом происходит сглаживание просодии постцентральной части, что представляет собой частое явление при наличии ярко выраженного акцента во фразе (см. рис. 1).

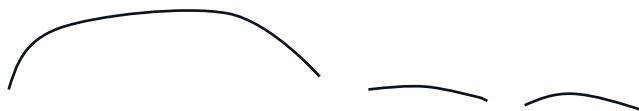

Рис. 1. Мелодический контур эмотивной интонационной конструкции
Fig. 1. Pitch contour of an emotive intonation structure

Для сравнения типичный интонационный контур нейтрально произнесенного высказывания выглядит как повышение тона на первом знаменательном слове с последующим понижением тона к концу, с небольшими мелодическими пиками, связанными с просодией слова. Инклинация или деклинация тона финальной части зависит от типа высказывания (см. рис. 2).

Рис. 2. Типичный нисходящий и восходящий мелодический контур
Fig. 2. Typical falling and rising pitch contour

Задача настоящего исследования – установить семантику данной эмотивной интонационной конструкции, выявить передаваемые ею значения. В работе применяется подход «от формы к функции», который позволяет на основе анализа высказываний, оформленных данной эмотивной интонацией, выявить ее функциональную нагрузку.

Материалы и методы

Материал исследования взят из записей устной спонтанной диалектной речи, собранной для Звукового корпуса бурятских диалектов¹. Из устных текстов – монологов с элементами диалогов на различные бытовые темы (автобиография, рассказ об интересном событии, о сверхъестественном) – были отобраны высказывания, несущие повышенную эмоциональность, эмпазу. Было проанализировано 19 текстов общей длительностью звучания 3 ч. 44 мин. Специальная просодическая разметка, разработанная для нужд Корпуса, позволила выделить фразы, содержащие примеры употребления исследуемой интонации. Просодическая разметка была выпол-

¹ <http://dialectology.imbtarchive.ru/>

нена в программе ELAN², она включает членение фразы на синтагмы, указание на интонационный центр и участки просодической выделенности с описанием мелодического контура на этих участках, уровень тона, паузы, ускорение и замедление темпа, изменения громкости [Абаева 2020: 13–15].

Обращение именно к спонтанной устной диалектной речи обусловлено тем, что речь, записанная в лабораторных условиях, декламация заранее подготовленных реплик, не всегда передают аутентичную интонацию, что, разумеется, искажает результаты исследования. Как пишет И. С. Ибрагим, согласно исследованию К. Томита, сравнение речи спонтанной и подготовленной (сценической) показало различие их интонации на всех уровнях (мелодика, интенсивность, длительность) [Ибрагим 2011: 4].

Дикторами выступали носители диалектов, усвоившие язык в раннем детстве и использующие его в качестве средства повседневного общения. Преимущество отдавалось дикторам, проживающим в сельской местности в монодиалектной среде.

Материал был подвергнут акустическому анализу в программах Speech Analyzer³ и Praat⁴. В отобранных фразах были измерены следующие параметры: длина звука в сравнении со средней длительностью звука, интервал подъема и падения основного тона (ОТ), регистр произнесения, форма интонационного контура. Особое внимание было уделено несущему акцент слову и его локализации во фразе.

Результаты

Интенсификация признака. Одним из наиболее частотных случаев употребления такой конструкции является усиление, или интенсификация признака, например: *Ехэ гү-үн* ‘Очень глубокий’ в произнесении носителя эхирит-булагатского диалекта (см. рис. 3).

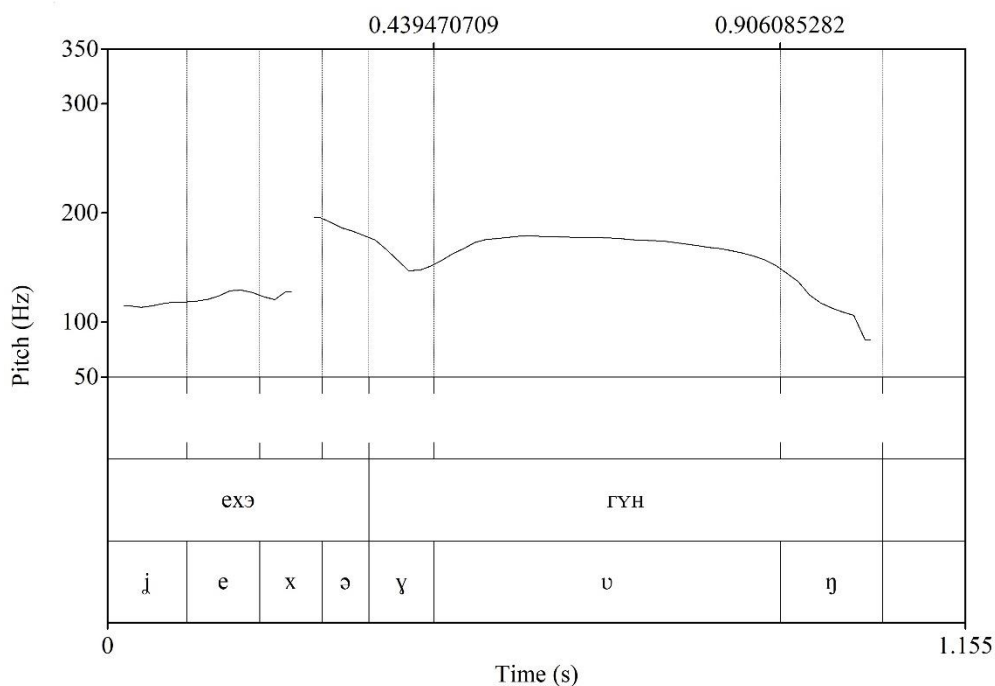

Рис. 3. Мелодический контур высказывания *Ехэ гүн* ‘Очень глубокий’ (эхирит-булагатский диалект)

Fig. 3. Pitch contour of the utterance *Yekhe gūn* ‘Very deep’ (Ekhirit-Bulagat dialect)

По коммуникативной установке фраза представляет собой эмоционально окрашенное повествовательное высказывание, состоящее из прилагательного с интенсификатором. Прилага-

² ELAN [компьютерная программа]. Неймеген: Институт психолингвистики имени Макса Планка.
URL: <https://archive.mpi.nl/tla/elan>

³ <https://software.sil.org/speech-analyzer/>

⁴ <https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>

тельное *гун* отмечено повышенным тоном с увеличенной длительностью гласного, что выступает дополнительным средством интенсификации параметра «глубина» наряду с лексическим усилителем *ехэ* в значении ‘очень’.

Основной тон на слове-акцентоносителе имеет высокий ровный контур с понижением к финалу. Он не достигает максимальных значений в высказывании, произносится ниже, чем первое слово, однако превышает по высоте уровень финального слова в нейтрально произнесенном повествовательном завершённом высказывании. Интервал повышения тона на начале акцентного гласного равен 31 Гц (3,4 пт.), далее тон ровный с небольшими изменениями в пределах 1 пт., на финале тон понижается на 42 Гц (5 пт.), это понижение продолжается и на сонорном согласном.

Краткий гласный прилагательного /*у*/ отмечен эмфатической долготой, его длительность более чем в 5 раз превышает среднюю длительность гласного звука в данном высказывании и составляет 0,4665 сек. при средней длительности краткого гласного звука, не подверженного эмфатизации, в этом высказывании 0,0805 сек. (см. рис. 3).

Однако более частотна локализация исследуемого мелодического контура на лексически выраженном интенсификаторе, а не на самом слове, обозначающем признак. Приведем примеры такой интонации из разных диалектов: *Ехээ-ээр бэлдэдэг байгаа* ‘О-очень много заготавливали’ (эхирит-булагатский); *Эгэ-э багадамни* ‘Когда я был все-ем маленький’ (эхирит-булагатский); *Но-об ногооноор зураһан* ‘Нарисован зеле-еным-презеленым цветом’ (агинский); *А-айхабтар гоё философско шүлэгүүд!* ‘Страшно красивые философские стихи’ (агинский); *Аяа-ар зуу гара мянгаар хэлээ гэнэ Улаан-Үдэдэ* ‘Целых сто тысяч сказали в Улан-Удэ’ (закаменский).

В приведенных примерах интенсификация лексически выражается при помощи специальных слов-интенсификаторов, производных от других частей речи (прилагательного *айхабтар* ‘страшный’, наречия *ехээр* ‘сильно’), непроизводными усилительными частицами (*эгээ*, *аяар*), редупликацией основы прилагательного (*ноб-ногоон*). Интонация выступает дополнительным средством интенсификации.

На рис. 4 представлен мелодический контур высказывания *Айхабтар гоё философско шүлэгүүд!* ‘Страшно красивые философские стихи’ в произношении диктора агинского подговора хоринского диалекта.

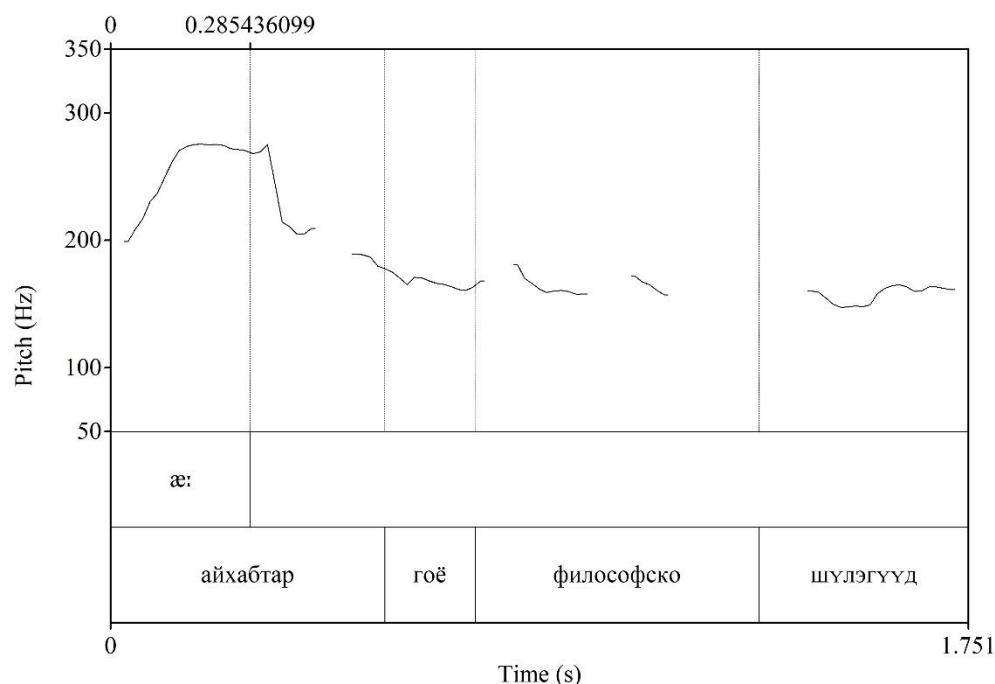

Рис. 4. Мелодический контур высказывания *Айхабтар гоё философско шүлэгүүд!*

‘Страшно красивые философские стихи’ (агинский подговор)

Fig. 4. Pitch contour of the utterance *Ayikhabtar goyo filosofsko shülegüüd!*

‘Terribly beautiful philosophical poems’ (aginskiy subdialect)

В данном высказывании акцентоносителем выступает интенсификатор, выраженный прилагательным *айхабтар* ‘страшно’. Основной тон на интонационном центре имеет высокий ровный контур и произносится в верхнем регистре голосового диапазона говорящего. Интервал повышения тона на гласном /æ:/ составляет 84 Гц (6,3 пт.), далее на протяжении всего гласного сохраняется ровный тон. Второй слог слова *айхабтар* произносится на 73 Гц (5,6 пт.) ниже. Как и отмечалось выше, в связи с наличием ярко выраженного интонационного центра постцентровая часть данного высказывания не имеет значительных пиков, связанных с просодией слова, произносится в нижнем регистре говорящего ровным тоном. Длительность гласного акцентоносителя составляет 0,2811 сек., что значительно превосходит среднеслоговую длительность гласного данного высказывания.

Исследуемая интонационная конструкция может самостоятельно выступать интенсификатором. В высказывании *Зүгөөд үдэр ябажэ-э байдаггүй* (лит. *зүгээд үдэр ябажа*) ‘Не носят это днем постоянно (об украшении)’ (агинский подговор хоринского диалекта) акцентоносителем является глагол *ябаха* ‘ходить’ в форме соединительного деепричастия, который выполняет функцию вспомогательного глагола в аналитической конструкции с разделительным деепричастием и передает значение продолженного действия, совершаемого в движении (*зүгөөд ябаха*). Удлинение звука – достаточно частый прием для передачи длительности протекания действия, его растянутости во времени (ср. в русском языке *хо-одит*, *смо-отрит*). В сочетании же с очень высоким тоном приобретает оттенок эмотивности, появляются дополнительные смысловые оттенки. Исследуемый эмотивный интонационный контур накладывается на контур заверщенного повествовательного высказывания. На финальном слоге слова-акцентоносителя происходит резкий выброс мелодической кривой вверх на 187 Гц (11 пт.), его центр произносится относительно ровным тоном с незначительной деклинацией (3 пт.), в финальной части тон опускается в средний регистр говорящего, интервал понижения равен 129 Гц (9 пт.). Длительность гласного /e:/ составляет 0,3698 сек. (см. рис. 5).

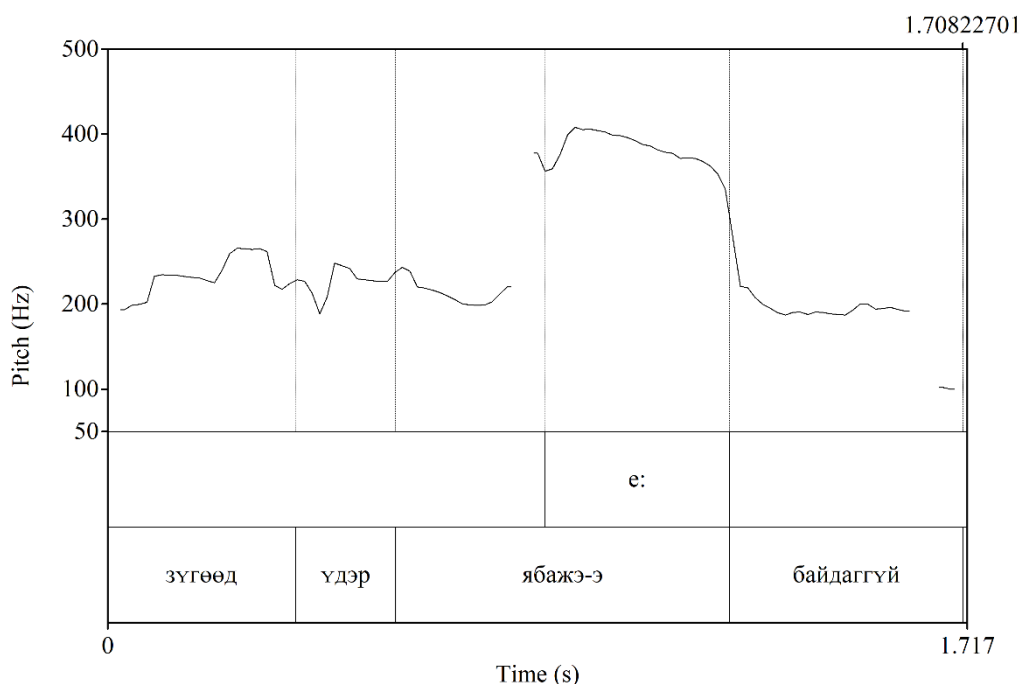

Рис. 5. Мелодический контур высказывания *Зүгөөд үдэр ябажэ-э байдаггүй* ‘Не носят это днем постоянно (об украшении)’ (агинский подговор)

Fig. 5. Pitch contour of the utterance *Zügööd üder yabazhe-e baydaggui* ‘Do not wear this all the time during the day (about decoration)’ (Aga subdialect)

Как говорилось выше, в эмотивных высказываниях часто используется перестановка частей высказывания, вынесения наиболее важной части в начало. В примере *Хүндэ байгаал дээ-ээ һургуульда һураха, яахан* ‘Было очень сложно учиться в школе и все такое’ (агинский подговор)

мы видим перестановку ремы (*Хүндэ байгаал дээ-ээ*) в позицию перед темой (*хургуульда хураха, яахан*) (см. рис. 6).

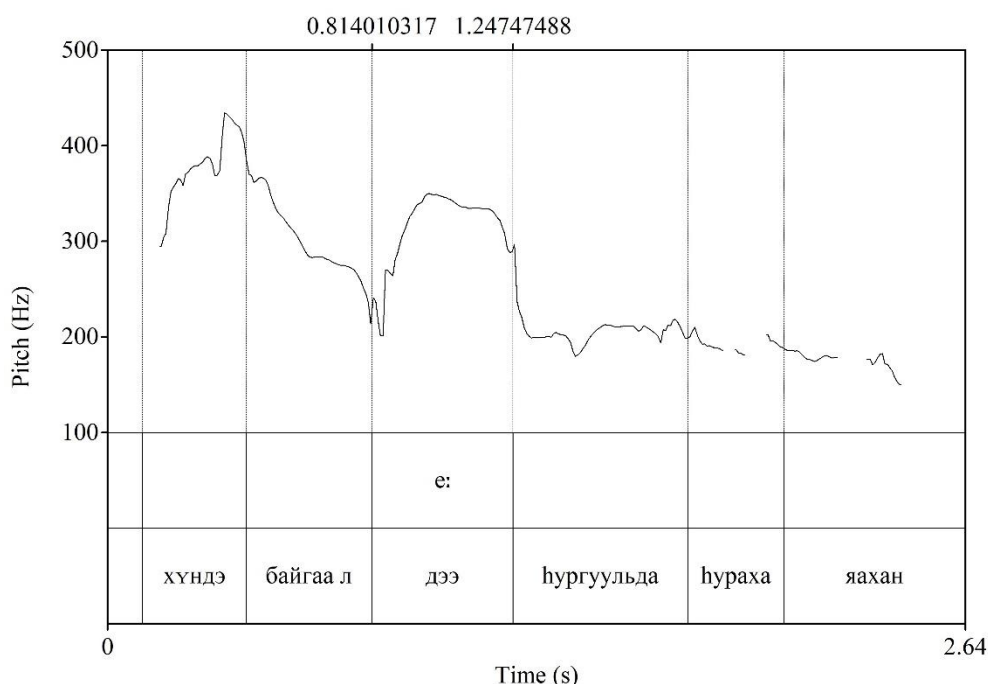

Рис. 6. Мелодический контур высказывания *Хүндэ байгаал дээ-ээ хургуульда хураха, яахан* 'Было очень сложно учиться в школе и все такое' (агинский подговор)

Fig. 6. Pitch contour of the utterance *Khünde baigaaᠯ dee-ee hurguul`da khurakha, yaakhan* 'It was very difficult with school and everything' (Aga subdialect).

Интонационный центр локализован на именной части сложного сказуемого (*хүндэ*), на которой тон достигает максимума с последующей деклинацией. Исследуемая эмотивная интонационная конструкция формирует второй мелодический пик, который приходится на частицу *дээ* (фонетический вариант частицы *даа*). Традиционно эта частица называется утвердительной [Грамматика бурятского языка 1962: 320] или модально-утвердительной [Дамбуева 2000: 183]. В. А. Панов называет ее адрессивом, так как ее употребление обязательно предполагает наличие собеседника, возможно воображаемого, и подразумевает его реакцию – словесную или эмоциональную [Панов 2016: 106]. В данном высказывании эта частица передает эмоциональное отношение к высказываемому, привлекает дополнительное внимание.

Интервал повышения тона на частице равен 108 Гц (6 пт.), средняя часть произносится относительно ровным тоном с незначительным понижением, не превышающим 1 пт., в завершении звучания частицы тон слегка понижается на 42 Гц (2 пт.). Тема произносится в нижнем регистре говорящего. Находясь в пострематической позиции, она не имеет ярко выраженного мелодического оформления, произносится достаточно монотонно с незначительной деклинацией. Длительность гласного /e:/ 0,3941 сек., для сравнения длительность другого долгого гласного этого высказывания /u:/ в слове *хургуульда* 'в школе' равна 0,1731 сек.

Согласие. При выражении согласия, уверенности говорящего также может быть использована эта эмотивная конструкция. В высказывании *Тее, хари-и хари!* 'Ну, да-да (именно так и есть)!' (закаменский говор) говорящий выражает полное согласие с предыдущей репликой собеседника. Лексически фраза состоит из двух модальных частиц: *теэ* 'ну', выражающей допущение, согласие, и удвоенного произнесения модальной частицы *хари*, также выражающей подтверждение, согласие. Для усиления выражаемой мысли, придания большей эмоциональности речи говорящий использует эмотивную интонационную конструкцию. Растягивание звука и повышение тона до верхнего регистра приходится на второй слог первой частицы *хари*. На последней трети частицы тон слегка понижается. Интервал повышения составляет 113 Гц (5,5 пт.), интервал понижения равен 52 Гц (2 пт.). Постцентровая часть произносится ниже

на 87 Гц (4,8 пт.). Длительность гласного с эмфатическим удлинением равна 0,2145 сек., для сравнения длительность этого гласного в повторе слова *хари* равна 0,07 сек. (см. рис. 7).

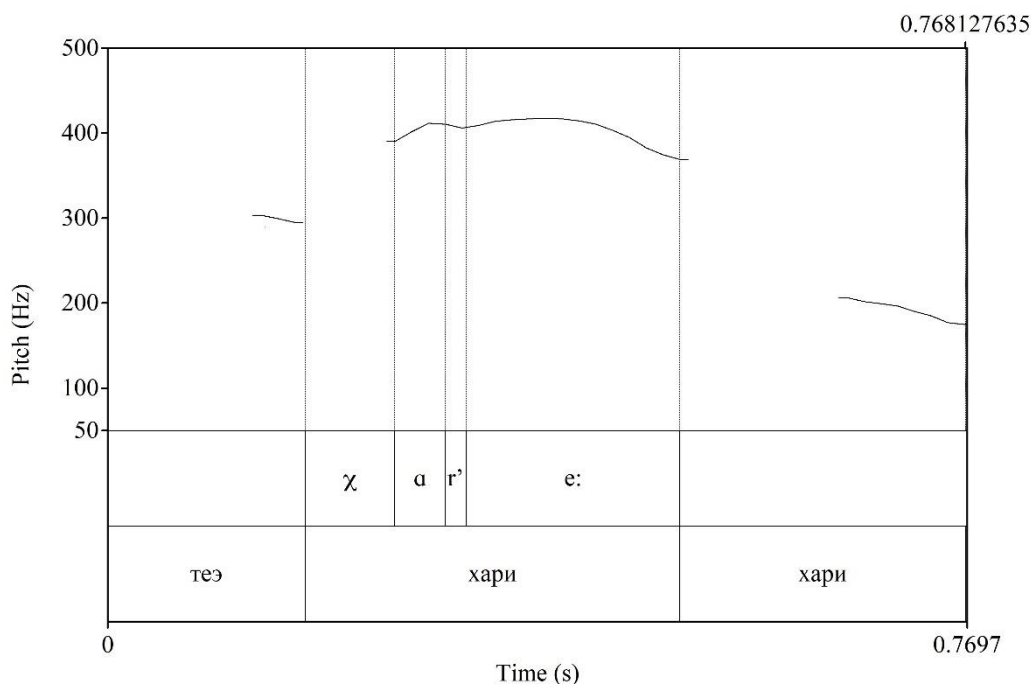

Рис. 7. Мелодический контур высказывания *Тее, хари-и хари!*

‘Ну, да-да (именно так и есть)!’ (закаменский диалект)

Fig. 7. Pitch contour of the utterance *Tee, khari-i khari!*

‘Well, yes, yes (that’s exactly what it is)!’ (Zakamensk dialect)

Удивление. Исследуемая интонационная конструкция может передавать эмоцию удивления. В примере на рис. 8 приведен диалог с двумя ответными репликами, выраженными междометием *аа* (выделено вертикальными линиями), которое используется для выражения различных эмоциональных состояний, причем семантика передаваемой эмоции зависит от интонации [Шагдаров, Черемисов 2010: 20]. В первом случае реакция в виде *аа* носит более формальный характер, выражает удивление, но не слишком эмоциональное. Последующая реплика уточняющего характера вызывает более сильную реакцию, выражает более интенсивные эмоции. Во втором случае междометие *аа* произносится с более выраженной эмотивной интонацией.

Кривая основного тона первой реплики носит восходяще-ровно-нисходящий контур. На начале тон резко повышается на 103 Гц (7 пт.), на середине происходят незначительные колебания в пределах 1–2 пт., в финале понижение тона на 68 Гц (4 пт.). Длительность этого междометия составляет 0,8359 сек.

Во втором случае реплика также носит восходяще-ровно-нисходящий рисунок. Интервал резкого повышения тона на начале реплики составляет 146 Гц (7,5 пт.), на середине реплики происходят незначительные колебания, не превышающие 1 пт., в финале тон понижается на 41 Гц (2 пт.). Длительность – 0,6999 сек.

Сравнение этих двух реплик показало, что вторая, более эмоциональная реплика реализуется в более высоком регистре. Начало второй реплики на 52 Гц (4 пт.) выше первой, пиковая часть выше на 95 Гц (4,5 пт.). Обе реплики имеют сходный мелодический контур. Относительно меньшего интервала понижения в финале второй реплики можно сказать, что это междометие хотя и оформлено как самостоятельная синтагма, однако за ним следует продолжение, что не позволяет реализоваться конечному понижению в полной мере. То же самое можно сказать о длительности этих реплик, меньшая длительность второй реплики (0,6999 сек. vs. 0,8359 сек.) так же обусловлена этим фактором.

Можно сделать предварительное заключение, что более сильные эмоции удивления вызывают повышение частотного регистра звучания, однако не влияют на длительность и форму мелодического контура высказывания.

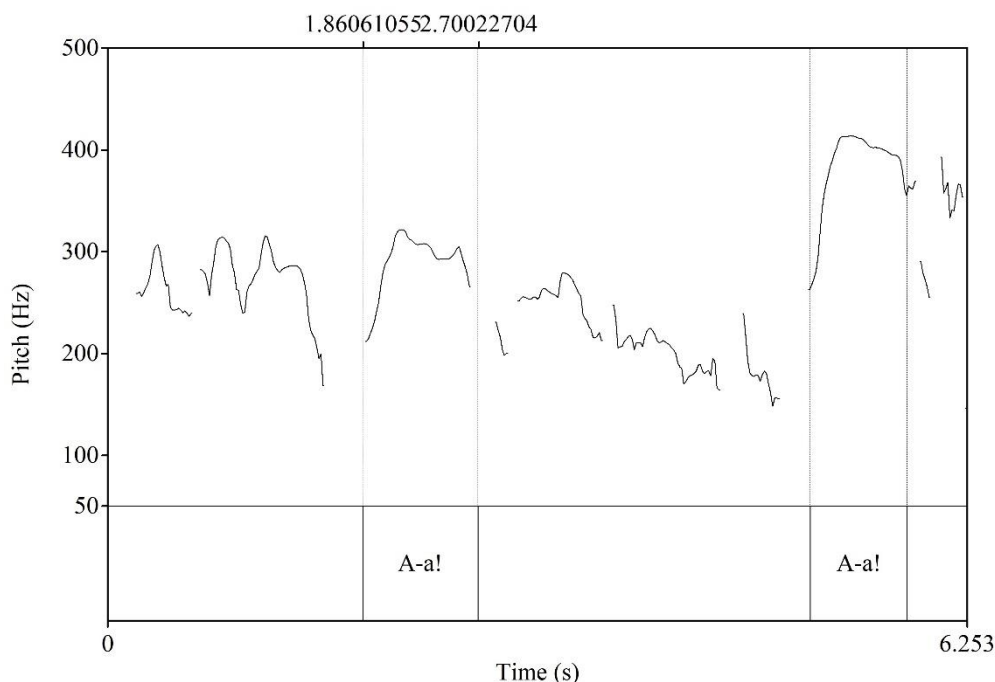

Рис. 8. Мелодический контур двух ответных реплик, выраженных междометием *Aa!* (агинский подговор)

Fig. 8. Pitch contour of two responses, expressed by the interjection *Aa!* (Aga subdialect)

Обсуждение

Таким образом, можно говорить об особой интонационной конструкции в бурятском языке, использующейся для выражения различных эмоционально насыщенных значений. На сегодняшний день собранный материал позволил выявить три значения, выражаемых такой интонацией: интенсификация, согласие, удивление. Однако мы полагаем, что этот список далеко не полон, и он будет дополняться в ходе дальнейших исследований.

Более ярко выявить функцию интонации можно при замене эмотивного интонационного контура на нейтральный. При таком эксперименте мы видим, что в четырех из шести приведенных примерах нейтральная интонация превращает высказывания в повествовательные, происходит снижение эмоциональности, однако значение интенсивности, уверенности сохраняется. Эти значения выражаются лексически (слова-интенсификаторы, частицы) и синтаксически (вынесением ремы в начало высказывания). Тем самым интонация является дополнительным средством, ее роль заключается в усилении уже имеющегося значения, выраженного другими языковыми средствами. Интонация привносит эмоциональную оценку говорящего, передает его отношение.

Однако в двух примерах замена интонации влечет за собой изменение семантики высказывания. Например, во фразе *Зүгөөд үдэр ябажэ-э байдаггүй* 'Не носят это днем постоянно (об украшении)' вместе со сменой интонации меняются и смысловые оттенки. При произнесении этого высказывания с нейтральной интонацией оно приобретает значение либо прохибитива, означающего, что такое действие запрещено, либо констатацию факта, что такое действие обычно не имеет места. Исследуемый же интонационный контур смягчает категоричность прохибитива, делается упор на то, что такое действие не принято совершать длительно или часто.

Ответные реплики, выраженные междометием *Aa!*, при произнесении нейтральной интонацией также меняют смысл. Вместо разной степени удивления приобретается оттенок безразличного отношения к услышанному. Если выразить их значение лексически, то при эмоциональном произнесении это можно сделать словами *Неужели!? Правда!?*, которое со сменой интонации на нейтральную меняется на *Понятно. Ясно.*

Первый тип высказываний, в котором интонация несет дополнительную нагрузку, а выражение эмоций является дополнительной коммуникативной задачей, являются по терминологии

Л. А. Пиотровской, эмоционально окрашенными. Второй тип высказываний, в которых смена интонации влечет смену значения, являются собственно эмотивными. В таких высказываниях выражение эмоций является доминирующей коммуникативной задачей [Пиотровская 2019: 145]. Исследуемая эмотивная интонационная конструкция может быть использована как в эмоционально окрашенных, так и в собственно эмотивных высказываниях.

Предварительно можно отметить, что исследуемый интонационный контур имеет возрастную и территориальную стратификацию. Так, он наиболее частотен в речи агинских бурят и более характерен для речи старшего поколения.

В дальнейшем мы планируем рассмотреть интонационное оформление собственно эмотивных высказываний, так как следует предположить, что интонационное оформление эмотивных высказываний является более выразительным, чем в эмоционально окрашенных высказываниях.

Список литературы

- Абаева Ю. Д. Диалектный корпус как средство сохранения и изучения бурятской просодии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 3 (29). С. 9–19.
- Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика. Ч. I. М.: Наука, 1980. С. 102–121.
- Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. 340 с.
- Дамбуева П. П. Категория модальности в современном бурятском языке. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2000. 252 с.
- Ибрахим И. С. Использование интонации для передачи коммуникативного типа и эмоциональной окраски высказывания в японском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 27 с.
- Панов В. А. Бурятские заключительные частицы в ареально-типологической перспективе // Урало-алтайские исследования. 2016. № 4 (23). С. 101–127.
- Пиотровская Л. А. Эмоции: речевая деятельность и язык // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2014): Сб. науч. тр. Санкт-Петербург, 12–14 апреля 2014 г. Ч. 1. СПб.: Санкт-Петербург. гос. ун-т технологии и дизайна, 2015. С. 187–193.
- Пиотровская Л. А. Теоретические основы изучения эмотивной функции интонации // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. Т. 2. № 4. С. 41–49.
- Пиотровская Л. А. Дифференцированный подход к изучению эмотивной функции интонации // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Т. 5. № 3. С. 143–163.
- Светозарова Н. Д. Интонационная система языка. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 176 с.
- Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. Изд. 2-е, испр. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 112 с.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. В 2-х т. Т. I. А–Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. 636 с.
- Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 312 с.

References

- Abaeva Yu. D. Dialektnyy korpus kak sredstvo sokhraneniya i izucheniya buryatskoy prosodii [The dialectal corpus as a mean of maintaining and analyzing of the Buryat prosody]. *Tomsk journal of linguistics and anthropology*. 2020, no. 3 (29), pp. 9–19. (In Russ.)
- Bryzgunova E. A. Intonatsiya [Intonation]. In: *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, Nauka, 1980, pt. I, pp. 102–121. (In Russ.)
- Dambueva P. P. *Kategoriya modal'nosti v sovremennom buryatskom yazyke* [Category of modality in modern Buryat language]. Ulan-Ude, BSU Publ., 2000, 252 p. (In Russ.)
- Grammatika buryatskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Buryad grammar. Phonetics and morphology]. Moscow, Vost. lit., 1962, 340 p. (In Russ.)
- Ibrakhim I. S. *Ispol'zovanie intonatsii dlya peredachi kommunikativnogo tipa i emotsional'noy okraski vyskazyvaniya v yaponskom yazyke* [The usage of intonation to manifest the communicative

type and emotion of an utterance in Japanese]. Abstract of cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2011. (In Russ.)

Panov V. A. Buryatskie zaklyuchitel'nye chastitsy v areal'no-tipologicheskoy perspective [Buryat final particles in an areal-typological perspective]. *Ural-altaic studies*. 2016, no. 4 (23), pp. 101–127. (In Russ.)

Piotrovskaya L. A. Emotsii: rechevaya deyatel'nost' i yazyk [Emotions: language behaviour and language]. In: *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniya – 2014)*: Sb. nauch. tr. [The press and word of St. Petersburg (Petersburg readings – 2014): Coll. of sci. works]. St. Petersburg, 2015, pp. 187–193. (In Russ.)

Piotrovskaya L. A. Teoreticheskie osnovy izucheniya emotivnoy funktsii intonatsii [Basic principles for studying intonation emotive function]. *Theoretical and applied linguistics*. 2016, vol. 2, no. 4, pp. 41–49. (In Russ.)

Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkiy slovar'*. V 2-kh t. [Buryat-Russian dictionary. In 2 vols.]. Ulan-Ude, Respublikanskaya tip., 2010, vol. I. A–N. 636 p.

Svetozarova N. D. *Intonatsionnaya sistema yazyka* [Russian intonation]. Leningrad, Leningrad Univ. Publ., 1982, 176 p. (In Russ.)

Torsueva I. G. *Intonatsiya i smysl vyskazyvaniya*. [Intonation and meaning of utterance]. 2nd ed. Moscow, Librokom, 2009, 112 p. (In Russ.)

Yanko T. E. *Intonatsionnye strategii russkoy rechi v sopostavitel'nom aspekte* [Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect]. Moscow, LRC Publishing House, 2008, 312 p. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

27.10.2023

Сведения об авторе

Абаева Юлия Догоржаповна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: julaba@yandex.ru

ORCID 0000-0002-3353-6659

Information about the Author

Iuliia D. Abaeva – Candidate of Philology, Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: julaba@yandex.ru

ORCID 0000-0002-3353-6659

УДК 811.512.151
DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-32-41

Назализованные гласные алтайского языка по данным назографии и спектрографии

Т. В. Тимкин

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Статья посвящена явлению назализации гласных в алтайском языке. На первом этапе исследования проведен эксперимент с использованием методики назографии: программа исследования была записана в произнесении диктора – носителя языка – при помощи системы из двух микрофонов, раздельно фиксирующих ротовой и носовой канал. Сравнением уровня сигналов определен коэффициент назализации в его временном развертывании. Показано, что гласные перед носовыми согласными имеют слабую назализацию; гласные после носовых согласных отличаются сильной назализацией. Гласные в интерназальном контексте совмещают оба типа. На втором этапе сопоставлены спектры назализованных гласных: в соответствии с акустической моделью и типологическими ожиданиями, назализованные гласные реализуются с пониженным уровнем первой форманты.

Ключевые слова

алтайский язык, назализованные гласные, назография, назометрия, экспериментальная фонетика

Для цитирования

Тимкин Т. В. Назализованные гласные алтайского языка по данным назографии и спектрографии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51). С. 32–41. DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-32-41

Nasalized vowels in the Altai language based on nasography and spectrography

T. V. Timkin

Institute of Philology SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The paper presents the examination of the vowel nasalization in the Altai language. The study involved an experiment on nasography. A native speaker of the Altai language recited a program comprising 180 lexemes in an isolated context, repeating it three times. The speech was captured by the icSpeech dual-microphone system that allows sound from the mouth and nose to be recorded separately. The recordings were annotated using the Praat software and then analyzed with the Emu-SDMS corpus system using the R programming language. The nasality coefficient was calculated by comparing sound levels across channels. Vowels before nasal consonants exhibited a slow increase in nasality coefficient, gradually transitioning from a low to a medium level during vowel lengthening. Vowels following nasal consonants exhibited pronounced nasalization, with a heightened nasality level at the vowel onset and a consistent mid-level nasality

© Т. В. Тимкин, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51)

throughout its duration. Vowels between two nasal consonants had a combination of these two types: high nasality level in the beginning, then nasality fall followed by slow growth. The average nasality coefficients for pure vowels were 6030 units, for prenasal vowels were 9860 units, for postnasal vowels were 16990 units, and for internasal vowels were 18290 units. Next, the spectra of nasalized and non-nasalized vowels were compared. The formant frequencies and levels were measured using the Praat software. The data shows a significant decrease in F1 level for nasalized vowels as opposed to non-nasalized vowels. The phenomenon can be attributed to the initial nasal antiresonance, correlating with acoustical models and typological data.

Keywords

Altai language, nasalized vowels, nasography, nasometry, experimental phonetics

For citation

Timkin T. V. Nazalizovannye glasnye altayskogo yazyka po dannym nazografii i spektrografii [Nasalized vowels in the Altai language based on nasography and spectrography]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 32–41. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-32-41

Введение

Назализация остается одним из наименее исследованных фонетических признаков. Артикуляционная природа этого явления достаточно хорошо описана: она заключается в опускании небной занавески, которое открывает для воздушного потока проход в носоглотку и носовую полость. Однако акустическое описание назализации связано со значительными трудностями. При физическом моделировании ротовых звуков вокальный тракт от голосовых связок до губ можно представить как систему из последовательно соединенных резонаторов, образующую гортанную и ротовую полости. Как показали опыты по акустическому моделированию речепорождения, подобную систему можно эффективно свести к небольшому числу элементов.

Так, в классической работе Г. Фанта обоснована трехпараметрическая модель, дающая хорошее приближение к экспериментальным данным. Согласно этой модели, вокальный тракт описывается как система из двух резонаторов, разделенных сужением, которое вызывается движением языка. Тембр гласного определяется положением сужения, величиной сужения и наличием огубленности [Фант 1964]. При этом акустическое моделирование назализованных гласных представляется гораздо более сложной задачей. Носовой резонатор включается параллельно ротовому, в результате чего образуется многокомпонентная система, в которой сложно взаимодействуют резонансы ротовой и носовой полостей.

Еще до акустической модели Г. Фанта была накоплена обширная и противоречивая информация о параметрах назализации. Среди акустических коррелятов назализации наиболее последовательно обнаруживалось значительное ослабление первой форманты по сравнению с неназализованным звуком. Как показали расчеты Г. Фанта, носовая полость, включаясь параллельно вокальному тракту, оказывает шунтирующее действие, характер которого зависит от степени взаимосвязи носового и ротового резонатора.

Носовая полость добавляет в итоговый спектр пары из резонансов (носовых формант, полюсов) и антирезонансов (нулей). Эти дополнительные носовые частоты взаимодействуют с формантами вокального тракта. Таким образом, не может существовать универсальных тембральных характеристик назализованных согласных. Назализация проявляется только в сопоставлении с чистыми гласными, и характер этого противопоставления зависит от качества гласного, фонологической структуры языка и индивидуальных особенностей диктора.

Естественно, что при описании языков народов Сибири указание на наличие или отсутствие назализации является одним из важных параметров, который обязательно описывается в работах, посвященных отдельным элементам звуковой системы. Так, для барабинского языка охарактеризована спорадическая назализация гласного *o* у некоторых дикторов [Рыжикова 2021]. Для башкирского языка также описана назализация гласного *o* в конечной позиции [Уртегешев 2020]. Наличие обусловленной и необусловленной назализации постулируется также и для отдельных говоров тувинского языка [Кечил-оол 2015]. Указанные работы выполнены на основе методики МРТ путем отслеживания положения небной занавески. Назализация по акустическим данным анализируется, например, в работе [Курбанова 2018] на мате-

риале французского языка. Назализация гласных в алтайском языке отмечена А. А. Шалдановой. По данным рентгенографии, у отдельных дикторов регистрируется назализованное произношение гласных, которое, по мнению автора, не является смысловозначительным признаком [Шалданова 2003].

Это говорит об актуальности исследования назализации и привлечения данных по разным языкам с использованием новых методик. Настоящая работа посвящена исследованию назализации гласных в алтайском языке с использованием методики назографии. Цель работы – экспериментально оценить акустические параметры назализации гласных в алтайских словоформах и выявить типы назализованных гласных, которые реализуются в различных консонантных контекстах.

Материалы и методы

Вслед за устоявшейся традицией, мы понимаем назализацию как артикуляцию звуков речи (главным образом гласных), заключающуюся в опускании нёбной занавески и одновременном выходе воздушной струи через рот и нос [ЛЭС]. Вместе с тем для удобства изложения мы также пользуемся словом *назальность*, калькированным с англоязычного термина *nasality*. Под назальностью мы понимаем опускание небной занавески, вызывающее прохождение воздушной струи через носовую полость, которое не обязательно сопровождается прохождением воздуха через рот. Назальность является неотъемлемой чертой носовых согласных, а для гласных является дополнительной артикуляцией, формирующей назализацию.

В настоящем исследовании рассматривается назализация коартикуляционной природы, при которой назальность носового согласного переходит на контактный гласный. Степень назальности мы определяем как соотношение воздушных потоков ротовой и носовой полостей, возникающее при разных положениях мягкого нёба. Нулевая назальность характерна для ротовых звуков, которые артикулируются без участия носового резонатора. Полная назальность характерна для носовых согласных, у которых воздух проходит только через нос.

Исследование основано на данных фонетического эксперимента, проведенного с информантом – носителем диалекта алтай-кижи – при помощи экспериментального оборудования Rose Solutions Nasal Microphone [Portable nasometry unit].

Прибор представляет собой два направленных микрофона, разделенных звукоизолирующей пластиной, которая прижимается к лицу информанта между носом и губами таким образом, что один микрофон направлен в нос испытуемому, а другой – в рот. Звук от двух микрофонов фиксируется раздельно на два канала цифровой аудиозаписи, которые могут быть смикшированы для получения общего звучания.

В ходе эксперимента была записана программа объемом 180 лексем. Диктор получал русскоязычный стимул и троекратно изолированно произносил соответствующую алтайскую лексему. Всего было проанализировано 878 гласных сегментов, а также 244 сегмента, соответствующего носовым согласным.

Запись производилась при помощи программного обеспечения icSpeech Professional. Основным параметром, который измерялся в ходе эксперимента, был коэффициент назализации, он вычислялся программой в автоматическом режиме на основании разницы интенсивности звука в носовом и ротовом каналах. Коэффициент назализации записывался в файл в реальном времени с частотой дискретизации 16000 Гц. Полученные файлы были аннотированы в программе Praat [Boersma, Weenink 2024] с использованием знаков Международного фонетического алфавита.

Исследование выполнялось в два этапа. На первом этапе файлы из Praat и icSpeech были загружены в корпусную систему Emu-SDMS [Winkelmann, Harrington, Jänsh 2024] для статистической обработки и визуализации при помощи языка программирования R. Были получены контуры назальности и характеристики назализации отдельных звуков. По итогам этого этапа гласные были разделены на назализованные и неназализованные. На втором этапе при помощи программы Praat были получены спектрограммы назализованных и неназализованных звуков и определены акустические корреляты назализации.

Результаты назографии

Данные назографии показывают, что записанные звуки реализуются в широком диапазоне значений коэффициента назальности: от 0 до 30000 единиц.

Для оценки контекстного влияния на назальность гласные звуки разделены на группы: 1) чистые (pure) – реализуются не в контакте с носовыми согласными; 2) преназальные (pre-nasal) – реализуются перед носовыми согласными; 3) постназальные (postnasal) – реализуются после носовых согласных; 4) интерназальные (internasal) – реализуются между носовыми согласными.

На рис. 1 представлены коробчатые диаграммы разброса коэффициента назальности для указанных типов гласных. Для сопоставления на том же графике показан разброс коэффициента назальности для носовых согласных (nasal).

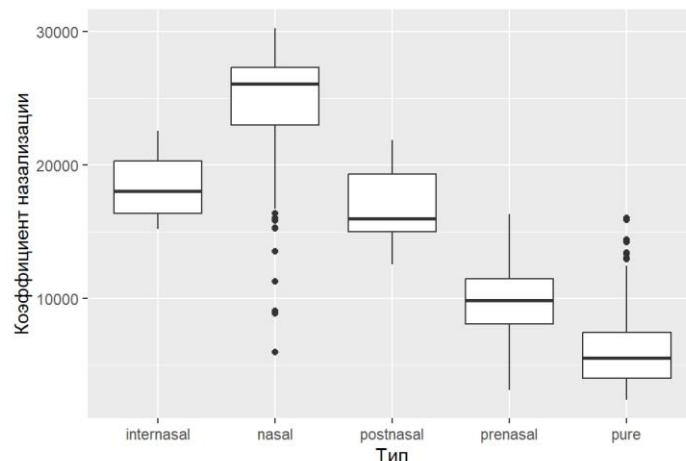

Рис. 1. Распределение коэффициента назальности в выборке гласных различного типа
Fig. 1. Nasality coefficient distribution across different types of vowels

Данные эксперимента демонстрируют, что чистые гласные, не находящиеся в контакте с носовыми согласными, могут иметь ингерентную назальность в пределах 2390–16000 единиц при среднем значении 6030 единиц. Наличие ингерентной назальности требует отдельного исследования, но, по предварительным данным, оно не является фонологически значимым и возникает в результате опускания небной занавески вследствие ослабления артикуляции. Гласные, предшествующие носовому согласному, имеют коэффициент назальности 3130–16300 при среднем значении 9860. В постпозиции к носовому согласному назализация достигает значений 12550–21840 при среднем 16990. Наконец, гласные в положении между носовыми согласными имеют коэффициент назальности в пределах 15210–22520 при среднем значении 18290.

Указанные данные получены усреднением коэффициента назальности по всей длительности гласного, однако для понимания сущности назализации необходимо учесть также динамический аспект процесса. Для этого на рис. 2 покажем обобщенные контуры назальности указанных типов звуков.

По горизонтальной оси отложено нормализованное время, т. е. время от начала звукового сегмента, измеренное как доля от его общей длительности, где 0 – это начальная граница звука, а 1 – конечная граница.

Сравнение контуров показывает, что преназальные гласные (синий контур) имеют в начале своей длительности низкий коэффициент назальности порядка 2,5 тыс. единиц, сопоставимый с чистым гласным. Затем в течение длительности звука его назальность плавно нарастает, что говорит о постепенном приоткрывании небной занавески. К концу фонации гласного коэффициент назальности имеет значения порядка 15 тыс. единиц, что занимает среднее положение между носовыми согласными с одной стороны и неносовыми согласными и гласными с другой.

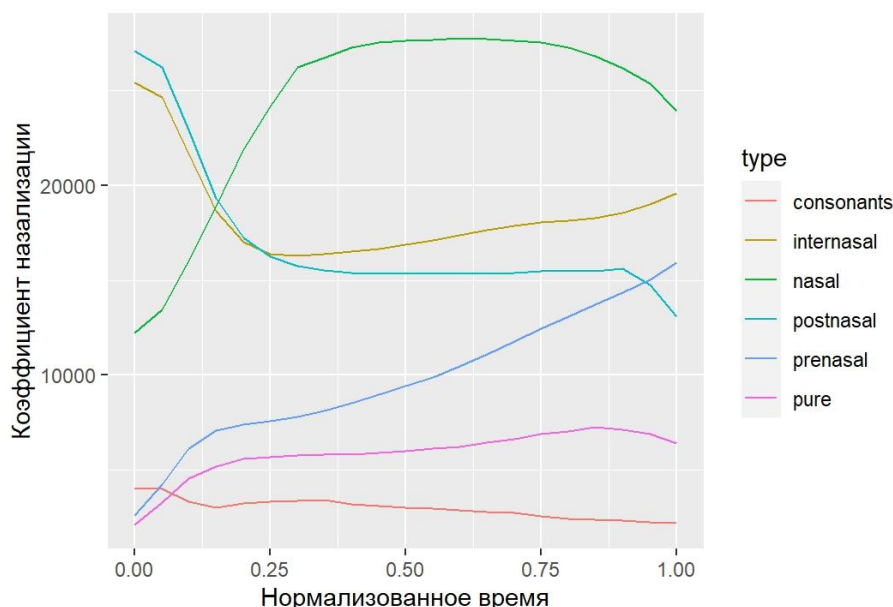

Рис. 2. Обобщенные контуры назальности в выборке звуков различного типа

Fig. 2. Summarised nasality contours across different sound types

Постназальные гласные (бирюзовый контур) имеют на начальной границе высокий уровень назальности более 25 тыс. единиц, сопоставимый с уровнем назальности носового согласного. В течение первых 25 % длительности звука наблюдается резкое падение уровня назальности до промежуточного значения порядка 15 тыс. единиц, которое продолжается на протяжении всей реализации звука.

Назализация интерназальных гласных (коричневый контур) представляет собой соединение двух типов назализации, характерных для преназальных и постназальных звуков. Как и постназальные звуки, интерназальные характеризуются высоким уровнем носового коэффициента в начале с его резким падением в течение первых 25 % длительности до промежуточного уровня. Однако далее промежуточный уровень не удерживается постоянным, как у постназальных, а постепенно нарастает, как это характерно для преназальных.

Таким образом, в алтайском языке существует аккомодация по назальности двух типов: слабая регрессивная и сильная прогрессивная. Двусторонняя назализация реализуется как наложение контуров левой и правой назализации. Гласные в преназальной позиции являются слабоназализованными, в постназальной и интерназальной – сильноназализованными.

Результаты спектрографии

На первом этапе данные назографии позволили разделить записанные гласные на назализованные и неназализованные. На втором этапе эксперимента для оценки акустического эффекта назализации были исследованы следующие спектральные характеристики гласного:

- частота первых трех формант (F1, F2, F3);
- интенсивность первых трех формант (A1, A2, A3);
- частота и интенсивность основного тона (F0, P0);
- наличие дополнительной назальной форманты (FN) в области между F1 и F2.

Для исследования были взяты статические спектрограммы, вычисленные на полной длительности гласного. Для каждой гласной фонемы из всей базы лексем, обследованных на назографе, было выбрано по одной назализованной и неназализованной реализации. В качестве примеров назализованного тембра были отобраны по возможности гласные первого слога в интерназальном контексте. Для фонем, которые не были представлены в базе в таком контексте, были выбраны реализации в первом слоге после назального согласного. В качестве сравнения выбирались реализации того же гласного в первом слоге после неносового согласного, гомоорганного носовому согласному в сопоставляемой паре, не перед носовым согласным.

Формантные частоты рассчитывались при помощи алгоритмов программы Praat на основе методики линейного предсказания речи. Для измерения интенсивности форманты выбиралась гармоника, ближайшая по частоте к рассчитанному значению формантной частоты.

На рис. 3 и 4 показаны спектральные срезы реализаций гласного /a/ в лексемах *мангы* ‘галоп его’ и *бала* ‘ребенок’, построенные при помощи программы Praat.

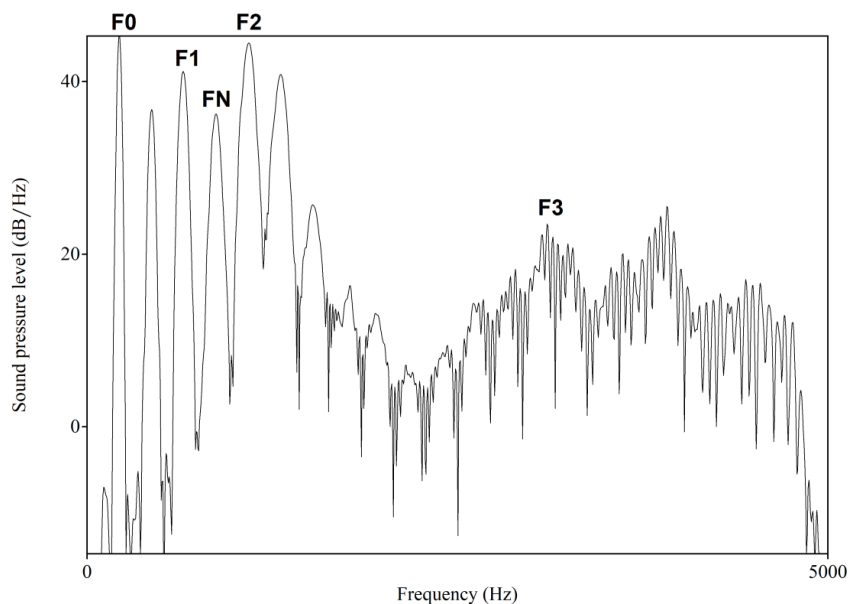

Рис. 3. Спектрограмма назализованной реализации фонемы /a/ в лексеме *мангы* ‘галоп его’
Fig. 3. Spectrogram of a nasalized realization of the phoneme /a/ in the lexeme *мангы* ‘his gallop’

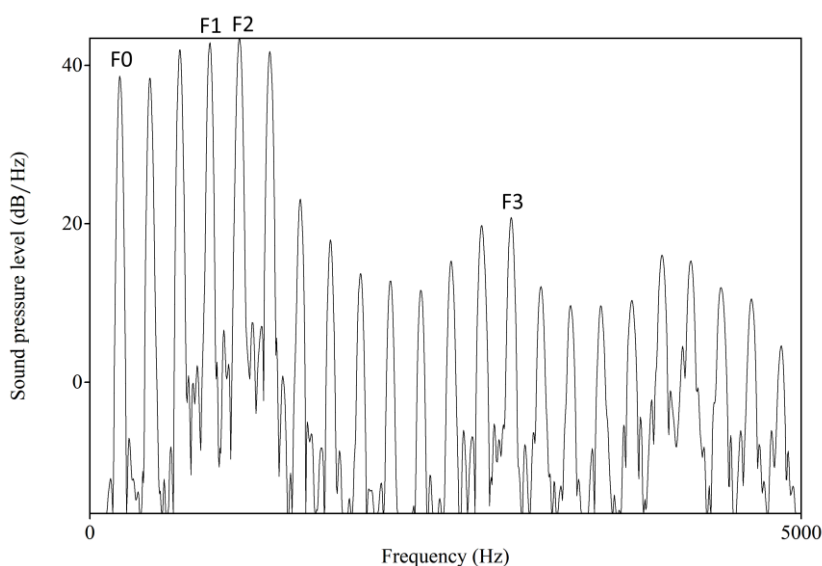

Рис. 4. Спектрограмма неназализованной реализации фонемы /a/ в лексеме *бала* ‘ребенок’
Fig. 4. Spectrogram of a non-nasalized realization of the phoneme /a/ in the lexeme *бала* ‘a child’

Аббревиатуры на графиках соответствуют традиционным обозначениям, принятым в акустической фонетике: F0 – основной тон; F1, F2, F3 – соответственно первая, вторая, третья форманты; FN – пик между F1 и F2, обусловленный носовым резонансом.

Первый гласный в паре реализуется в позиции между носовыми согласными, по результатам назографии имеет назальный коэффициент 15,5 тыс. единиц и может быть отнесен к назализованным гласным. Второй гласный записан в контакте с ротовыми согласными, имеет коэффициент назальности 4,3 тыс. единиц и является чистым гласным.

Сравнение спектров показывает, что для назализованного гласного резонансные пики первой и второй форманты значительно менее выражены, при этом третья форманта лежит в об-

ласти более низких частот. Соответствующие различия выражаются в количественных параметрах: частота F1 назализованного гласного понижена по сравнению с неназализованным; F2 и F3 повышены; уровень первой форманты понижен, тогда как уровни второй и третьей повышены.

Аналогичные сопоставления были проведены для пар назализованных и неназализованных реализаций других гласных тембров. Как показывает сравнение, ни один признак по отдельности не позволяет разграничить назализованные и неназализованные тембры.

Так, частота основного тона достаточно последовательно повышается у назализованного гласного, однако для гласной *ы* эта закономерность нарушается. Частота первой форманты, как правило, повышается у назализованного гласного по сравнению с неназализованным, но исключением являются центральные *а* и *ы*. Частота второй форманты не ведет себя последовательно. Третья форманта, как правило, повышается, но это не соблюдается для гласных верхнего подъема *и* и *у*.

Уровни интенсивности формант сами по себе не дают однозначных результатов. Более продуктивным представляется сопоставлять уровень отдельных формант с уровнем основного тона. Так, измерив разницу между уровнем первой форманты и уровнем основного тона, мы приходим к выводу, что у назализованных гласных этот параметр ниже, чем у неназализованных. Характерным исключением для этого является гласный *ы*.

Таким образом, наиболее показательными коррелятами назализации в проведенном эксперименте являются следующие:

- частота основного тона повышена;
- частота первой форманты повышена;
- частота третьей форманты повышена;
- интенсивность первой форманты относительно основного тона понижена.

В этих видоизменениях тембра можно увидеть влияние носовых резонансов и антрирезонансов, которые в соответствии с акустической моделью речепорождения Г. Фанта влияют на области первой и третьей формант.

В табл. 1 содержатся количественные данные, наиболее последовательно характеризующие спектры назализованных гласных: частоту основного тона, уровень первой форманты относительно уровня основного тона, частоту третьей форманты.

Таблица 1

**Количественные характеристики спектров
назализованных и неназализованных гласных**

Table 1

Quantity characteristics of spectra of nasalized and non-nasalized vowels

Фонема	Реализация	Частота основного тона, Гц	Уровень первой форманты относительно уровня основного тона, дБ	Частота третьей форманты, Гц
/a/	назализованная	215	-3,9	3107
/a/	неназализованная	211	4,2	2954
/e/	назализованная	240	-2	3187
/e/	неназализованная	213	2,6	3171
/ÿ/	назализованная	257	-14,2	2849
/ÿ/	неназализованная	256	-13,4	2588
/и/	назализованная	234	-15,1	3331
/и/	неназализованная	210	-13,6	3450
/у/	назализованная	249	-4,9	3279
/у/	неназализованная	241	2,8	3906
/o/	назализованная	253	1,7	2739
/o/	неназализованная	202	5	2727

/ы/	назализованная	235	-2,2	2839
/ы/	неназализованная	251	-10,2	2813
/ö/	назализованная	219	2,1	2753
/ö/	неназализованная	211	5,4	2580

Обсуждение и выводы

Проведенное нами исследование подтверждает наличие назализации гласных в алтайском языке и позволяет выявить два типа. Слабая регрессивная назализация наблюдается перед носовыми согласными и характеризуется плавным нарастанием коэффициента назальности в течение всей длительности гласного. Сильная прогрессивная назализация реализуется в постпозиции к носовым согласным, характеризуется высоким уровнем назализации в начале фонации и устойчивым промежуточным уровнем назализации в течение произнесения. Гласные, находящиеся между двумя носовыми согласными, совмещают оба типа назализации, что приводит к появлению наиболее назализованных оттенков.

Тембральные характеристики назальности гласных в алтайском языке в значительной степени непоследовательны, что характерно для этого явления и в других языках. Так, по утверждению Г. Фанта, признаком, наиболее устойчиво проявляющимся у назализованных гласных, является понижение уровня первой форманты, вызванное действием первого носового антирезонанса. Наши данные согласуются с этим: на алтайском материале также явно наблюдается понижение уровня первой форманты у назализованных гласных, однако гласные верхнего подъема *и, ы, ү* остаются исключением.

Изучение назализации в период акустической фонетики после Г. Фанта привело к накоплению обширной и противоречивой информации, поэтому для оценки типологического контекста мы опираемся на работу [Styler 2015], выполненную на материале английского и французского языков и подкрепленную акустическими расчетами, а также на обобщающую статью в пособии [Hayward 2013].

W. Styler называет следующие признаки назализации:

1) уменьшение интенсивности первой форманты относительно уровня основного тона. Как и предшественники, W. Styler говорит об уменьшении уровня первой форманты у назализованных гласных, но, в отличие от других исследователей, рассчитывает уровень первой форманты не в абсолютном выражении, а относительно уровня основного тона, указывая, что такое измерение точнее. Наши данные по алтайскому языку согласуются с этим в полной мере: данный признак не только характерен для назализованных гласных, но и проявляется более последовательно, чем отдельное измерение первой форманты;

2) спектральный наклон. Данный признак заключается в том, что у назализованных гласных уменьшен уровень высоких формант из-за влияния второго носового антирезонанса. Для измерения этого признака W. Styler измерял разницу между уровнем третьей форманты и уровнем основного тона. По его мнению, этот признак оказывается значимым не во всех языках: так, для английского его значение выше, чем для французского. В нашем материале этот признак не проявляется. В то же время более последовательно мы наблюдаем повышение частоты третьей форманты, которое может быть влиянием спектрального наклона;

3) длительность. Назализованные гласные имеют значительную тенденцию к сокращению, и это может быть использовано как дополнительный различительный признак. Наши данные пока недостаточны для того, чтобы подтвердить или опровергнуть это утверждение.

В пособии К. Hayward также отмечается, что назализация проявляется в «уплощении» первой форманты, то есть уменьшении ее интенсивности при увеличении ширины. Также среди важных признаков назализации упоминается появление между первой и второй формантами дополнительной форманты, обусловленной первым носовым резонансом. Однако этот признак не обнаруживается последовательно в нашем материале.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. В алтайском языке подтверждается наличие назализации гласных, обнаруженное ранее А. А. Шалдановой по результатам рентгенографии. Выявлены два типа контактной назализации – слабая регрессивная и сильная прогрессивная, каждая из которых отличается характерным контуром коэффициента назализации. В соответствии с акустической моделью показано, что назализация характеризуется ви-

доизменением первой форманты гласного, которое проявляется в уменьшении ее интенсивности. Эта особенность хорошо согласуется с другими работами и, по-видимому, является языковой универсалией. В спектрах алтайских гласных можно увидеть и другие признаки назализации, которые, однако, не являются последовательными, а именно появление дополнительной форманты между F1 и F2, а также спектрального наклона, видоизменяющего третью форманту.

Список литературы

- Кечил-оол С. В. Фонетические особенности вокализма в говоре жителей с. Кунгуртуг Республики Тыва // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 11-2(53). – С. 76-79.
- Курбанова К. И. Носовые гласные в вальдостанском варианте французского языка // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1. – С. 135-146.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
- Рыжикова Т. Р. Артикуляторные особенности барабинско-татарской фонемы о /ö/ (по данным МРТ) // Сибирский филологический журнал. – 2021. – № 1. – С. 191-208.
- Уртегешев Н. С. О-образные гласные восточного диалекта башкирского языка: по данным МРТ // Научное обозрение Саяно-Алтая. – № 3 (27), 2020. С. 47-51.
- Фант Г. Акустическая теория речеобразования. М.: Наука, 1964. 284 с.
- Шалданова А. А. Вокализм диалекта алтай-кижи в сопоставительном аспекте. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. 280 с.
- Boersma P., Weenink D. Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.1.17, retrieved 15 June 2023 from <http://www.praat.org/>
- Hayward K. Experimental phonetics. London, New York: Routledge. 596 с.
- Portable nasometry unit [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://icspeech.com/nasometry.html>. Дата обращения 9.07.24.
- Styler W. On the Acoustical and Perceptual Features of Vowel Nasality. University of Colorado, 2015. 189 с.
- Winkelmann R., Harrington J., Jänsh K. EMU-SDMS: Advanced speech database management and analysis in R // Computer Speech & Language. 2017. Т. 45. С. 392–410.

References

- Boersma P., Weenink D. *Praat: doing phonetics by computer*. Computer program. Version 6.1.17. <http://www.praat.org/> (accessed 15.06.23)
- Fant G. *Akusticheskaya teoriya recheobrazovaniya* [Acoustic theory of speech production]. Moscow, 1964, 284 p. (In Russ.)
- Hayward K. *Experimental phonetics*. London, New York, Routledge, 596 p.
- Kechil-ool S. V. Foneticheskie osobennosti vokalizma v govore zhitel'ey s. Kungurtug Respubliki Tyva [The phonetic peculiarities of vocalism in the dialect of the residents of Kungurtug sumon of the Tyva republic]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015, no. 11(53), pt. 2, pp. 76–79. (In Russ.)
- Kurbanova K. I. Nosovye glasnye v val'dostanskom variante frantsuzskogo yazyka [Nasal vowels in Aostan French]. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. 2018, no. 1, pp. 135–146. (In Russ.)
- Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. V. N. Yartseva (Ed.). Moscow, Sov. entsikl., 1990, 688 p. (In Russ.)
- Portable nasometry unit. <https://icspeech.com/nasometry.html> (accessed 09.07.24)
- Ryzhikova T. R. Artikulyatornye osobennosti barabinsko-tatarskoy fonemy o /ö/ (po dannym MRT) [Articulatory peculiarities of the Baraba-Tatar phoneme o /ö/ (on MRI data)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2021, no. 1, pp. 191–208. (In Russ.)

Shaldanova A. A. *Vokalizm dialekta altay-kizhi v sopostavitel'nom aspekte* [Altai-Kizhy vocalism in comparative aspect]. Novosibirsk, Sova, 2007, 280 p. (In Russ.)

Styler W. *On the Acoustical and Perceptual Features of Vowel Nasality*. University of Colorado, 2015, 189 p.

Urtegeshev N. S. O-obraznye glasnye vostochnogo dialekta bashkirskogo yazyka: po dannym MRT [The “O”-type vowels of the eastern dialect of the Bashkir language: the MRI data]. *Sayan-Altai scientific review*. 2020, no. 3 (27), pp. 47–51. (In Russ.)

Winkelmann R., Harrington J., Jänsch K. EMU-SDMS: Advanced speech database management and analysis in R. *Computer Speech & Language*. 2017, vol. 45, pp. 392–410.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
27.05.2024

Сведения об авторе

Тимофей Владимирович Тимкин – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: timkin@yandex.ru

ORCID 0000-0001-9001-4729

Information about the Author

Timofey V. Timkin – Candidate of Philology, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: timkin@yandex.ru

ORCID 0000-0001-9001-4729

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

УДК 811.512

DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-42-49

Заемствования из русского языка в тувинской речи как способ эвфемизации

Н. М. Монгуш

*Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия*

Аннотация

Рассматриваются русские заимствования в тувинской речи, которые, заменяя табу, используются в качестве эвфемизмов. Эта группа лексем распределяется на пять групп: эвфемизмы, называющие различные болезни и связанные с ними явления; эвфемизмы, связанные с физиологической, анатомической и половой сферой; эвфемизмы, связанные с понятием смерти; эвфемизмы, связанные с обозначениями нежелательных социальных явлений; эвфемизмы, отражающие трансформации в этическо-эстетических представлениях и восприятии человека в современном обществе. В семантическом плане описываются случаи вторичной (или повторной) эвфемизации; процессы сужения или специализации исконного значения лексемы в языке-доноре или расширение ее значения при эвфемизации. Анализ проводился на основе записей речи на тувинском языке в сети Интернет, социальных сетях, мессенджерах, а также наблюдений за повседневной речью современных носителей тувинского языка.

Ключевые слова

тувинский язык, русский язык, заимствованные слова, эвфемизация, эвфемизмы-заимствования

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 23-28-10294 «Заемствования из русского языка в зеркале развития тувинского» (2023–2024 гг., руководитель – Б. Ч. Ооржак).

Для цитирования

Монгуш Н. М. Заемствования из русского языка в тувинский как способ эвфемизации // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51). С. 42–49. DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-42-49

Borrowings from Russian to Tuvan as a way of euphemization

N. M. Mongush

*Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research
under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russian Federation*

Abstract

The paper considers Russian loanwords in Tuvan speech, the ones that are used as euphemisms. The analysis was conducted by utilizing recordings of speech in the Tuvan language collected from the Internet, social networks, and instant messengers, as well as through observations of the daily speech of contemporary

© Н. М. Монгуш, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51)

speakers of the Tuvan language. The borrowings identified as euphemisms can be divided into five groups: (1) denoting various diseases and related phenomena, (2) related to the physiological, anatomical, and sexual spheres, (3) associated with the concept of death, (4) associated with the designation of undesirable social phenomena, and (5) associated with the ethical and aesthetic perception of a person. The first group comprises borrowed names of diseases and related concepts. Native speakers tend to regard medical terms as uncomfortable and rude. The second group encompasses words perceived as unpleasant, disgusting, and shameful, such as words and phrases related to human physiology and the sexual sphere. The absence of these lexemes in Tuvan language dictionaries serves as evidence of their exclusive usage in colloquial discourse. The third group represents the means of euphemistic portrayal of death, which is a common characteristic found in all cultures. The fourth group includes euphemisms linked to societal challenges and undesirable social phenomena. The fifth comprises euphemisms that reflect the evolving perceptions of individuals in contemporary Tuvan society, with transformations caused by the modern level and life expectancy, changing social roles, and changing aesthetic ideas.

Keywords

Tuvan language, Russian language, borrowed words, euphemization, euphemisms-borrowings

Acknowledgements

The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-10294 “Borrowings from the Russian language in the mirror of Tuvan development” (2023–2024, under the leadership of B. Ch. Oorzhak).

For citation

Mongush N. M. Borrowings from Russian to Tuvan as a way of euphemization *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 42–49. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-42-49

Введение

Займствование из других языков является одним из главных средств обогащения и пополнения словарного состава любого языка. Оно обусловлено культурно-историческими контактами народов. Влияние русского языка на тувинский язык стало наиболее активным с начала XX в. [Сат 1973: 101; Монгуш, Татаринцев 1985: 10]. Наиболее активно заимствования происходят на уровне лексики.

Б. И. Татаринцев выделял три этапа проникновения в тувинский язык заимствованных слов из русского языка: 1) с конца XIX в. до начала 30-х гг. XX в. – период индивидуального билингвизма и устного заимствования; 2) с начала 30-х до середины 40-х гг. XX в. – период группового (культурного) билингвизма и преобладающего письменного пути заимствования; 3) со второй половины 40-х гг. до наших дней – период массового билингвизма и сосуществования устного и письменного путей заимствования (современный период) [Татаринцев 1974: 14].

Сегодня тувинское общество, как и весь мир, вовлечено в стремительные изменения на глобальном уровне. Явления глобализации отражаются в социально-экономической, культурной жизни и языке. Так, в словарный фонд тувинского языка в огромном количестве проникает заимствованная лексика из русского и посредством русского из других языков.

Обычно причинами заимствований оказываются необходимость обозначения новых реалий, связанных с бытовыми, социально-экономическими, политическими и культурными изменениями. Иногда причины заимствований определить проблематично. Так, в современном тувинском языке имеются случаи параллельного употребления исконного тувинского слова и заимствованного или замены исконного тувинского словосочетания одной заимствованной лексемой. И дело не только в стремлении к экономии языковых средств. Данный вопрос остается пока открытым и требует подробных исследований.

Целью нашей статьи является анализ заимствованных из русского языка лексем, которые выполняют роль эвфемизмов. Такого рода явления имеют место и в других языках и становятся объектом исследования в немногочисленных работах. К ним относится статья И. Н. Никитиной, в которой рассматривается эвфемистическая функция заимствований на материале английских эвфемизмов [Никитина 2013].

Русские заимствования как эвфемизмы

Эвфемизмы – это «...смягченные слова и выражения. К эвфемизмам говорящий прибегает всякий раз, когда предполагает, что тема разговора может обидеть, принести боль или смущение собеседнику» [Сеничкина 2008: 5]. Отмечается, что появление в языке заимствованных эвфемизмов обусловлено психологическими причинами, культурно-этическими изменениями норм в обществе. В новых реалиях и нормах «иноязычные слова меньше шокируют и кажутся более благородными» [Видлак 1967: 275].

Вопросы эвфемизации табуированных понятий в тувинском языке изучались Ш. Ч. Сатом. В статье «Табу и эвфемизмы в тувинском языке» он рассматривает группы эвфемизмов с семантикой «Смерть» и «Рожать», названия болезней, хищных зверей и эвфемизмы, используемые при обращении к старшим [Сат 2006: 65]. Об эвфемизмах, заменяющих понятие смерти в стихах конкретного автора, писала К. Б. Доржу в статье «Эвфемизмы в поэзии Антона Уержаа» [Доржу 2017: 149]. Анализу эвфемизмов в охотничьем и рыболовном промыслах посвящены статьи Н. Д. Сувандии и Е. М. Куулар [Сувандии 2016: 138; Куулар 2018: 49].

Для разграничения заимствований-эвфемизмов и других заимствованных слов в тувинском языке мы, вслед за Е. П. Сеничкиной [Сеничкина 2012: 23–24], предлагаем три основных условия, при которых можно считать заимствованные в русский язык термины эвфемизмами 1) это слово должно быть иноязычным; 2) тувинский язык должен располагать синонимичным незаимствованным термином с прозрачной внутренней формой; 3) внутренняя форма тувинского наименования должна обладать отрицательной коннотацией.

В настоящей статье предпринимается первая попытка систематизации и анализа значений эвфемизмов-заимствований из русского языка, объяснения причин их появления в тувинской речи. Источниками материала послужили примеры из записей речи на тувинском языке из социальных сетей в интернете, мессенджеров, а также наблюдений за повседневной речью современных носителей тувинского языка.

Русскую заимствованную лексику, которая выполняет роль эвфемизмов в тувинском языке, мы распределили по следующим группам:

- 1) эвфемизмы, называющие болезни;
- 2) эвфемизмы, связанные с физиологической, анатомической и половой сферой;
- 3) эвфемизмы, связанные с понятием смерти;
- 4) эвфемизмы, обозначающие нежелательные социальные явления;
- 5) эвфемизмы, связанные с этико-эстетическими восприятиями человека;

Первые две группы слов-эвфемизмов, заимствованных из русского языка, составляют слова, перешедшие в большинстве своем в медицинскую терминологию. Исследователи отмечают, что данные группы слов больше всего подвергаются эвфемизации [Мадайени Авал, Сейед-Агаи Резаи 2017: 108].

1. Первую группу составляют заимствованные из русского языка эвфемизмы – названия болезней и эвфемизация связанных с ними понятий. В речи используются медицинские термины, заменяющие тувинские понятия, которые воспринимаются носителями языка как неудобные и грубые. Например, используется термин *онкология* вместо обозначения болезни *рак* с использованием метода генерализации; прилагательное *педикулезтуг* (*педикулез-туг*, где *-туг* является аффиксом обладания) вместо *быттыг* ‘вшивый’, прилагательное *бесплодный* в форме мужского рода употребляется применительно к женщине вместо *төлдөмөс* ‘не способная иметь детей’; глагол *выкидышта* (*выкидыш=та*, где *=та* является глаголообразующим аффиксом¹) вместо *уруг дүжүрер* (букв.: ребенка опустить).

2. Носители того или иного языка часто прибегают к заимствованиям, непосредственно называющим неприятное, отвратительное, постыдное явление, действие или их результаты, принятые как таковые в их традиционном обществе, но по каким-то причинам не являющиеся табу в языке-доноре. Эти заимствованные слова и словосочетания эвфемизируются, воспринимаются как стилистически нейтральные по отношению к той лексике, которая подвергается табуизации. Так, к заимствованным эвфемизмам можно отнести лексемы *кал* и *стул* (вместо

¹ Здесь и далее в тексте встречается аффикс =ла / =ле, =на / =не, =та / =те, самый продуктивный при образовании глаголов от имен существительных.

мьяк), моча (вместо сидик) и др., которые употребляются в медицинской сфере. Причем эвфемизмы *кал* и *моча* обязательно употребляются в сочетании с лексемой *анализ* (*кал анализи* ‘анализ кала’, *моча анализи* ‘анализ мочи’) – так происходит их терминологизация. И хотя в тувинском языке имеются тувинские эвфемизмы *кадыг албан* (букв.: твердая нужда), *суук албан* (букв.: жидкая нужда) и общая для обоих понятий лексема *албан* ‘нужда’, в сочетании с лексемой *анализ* они не употребляются.

Экскременты домашних животных не воспринимаются как нечто неприятное, называются лексемой *өдек*. По отношению к экскрементам крупного рогатого скота (*инек* ‘корова’) употребляют и сочетание *инек мыя*, при этом оно воспринимается носителями языка как норма.

Прямое наименование половых органов человека в тувинском языке, как и в других языках, табуировано и считается неприличным, постыдным. Они обозначаются иносказательно словами *хөнегеш*, *кокунак* – уменьшительно-ласкательными названиями половых органов мужчины. В словарях тувинского языка такого рода лексемы не фиксируются, чем доказывается использование их только в разговорной речи. Но и эти эвфемизмы сейчас табуируются и заменяются заимствованными из русского языка эвфемизмами *половой орган*, *пиписька*. Таким образом, происходит двойная эвфемизация.

В речи употребляется и глагол, образованный от заимствованного эвфемизма-существительного, например, его используют родители в разговоре с детьми: *Писа-писа дээр бе?* ‘Хочешь пописать?’ (букв.: хочешь писа-писа делать?).

3. Эвфемизация смерти и связанных с ними действий является типичной для всех культур. Уже имеющийся в тувинском языке эвфемизм *кижи ажаары* (букв.: человека уход) в значении ‘похоронить умершего человека’ в современной речи очень часто заменяется существительным *похорон* (от рус. *похороны*). От него образуется глагол *похоронна* = (*похорон*=на=), который обозначает «хоронить кого-то; ходить на похороны». Например: *Дуун похороннааш келдим* ‘Вчера сходил на похороны’ [И 1]; *Ол хайлыг хун соонда, похорон соонда, дөргүл-төрөл бар чүвени шуптузун аразында үлөжип аппарган чүве* ‘После того проклятого дня, после похорон родственники поделили между собой все оставшееся имущество [ВК].

Лексема *суицид* заменяет тувинские эвфемизмы *бодунга четтинер* (букв.: достать самого себя), *тынынга четтинер* (букв.: достать свою жизнь, дыхание), например: *Ол кижии суицид кылыпкан-дыр* ‘Тот человек совершил суицид’ [И 4]; *Суицид кылыпкан улус кайы оранга баар ирги? Таныырым эр суицид кылыпкан, муңгаранчыг, чоктаксанчыг-даа бооп тур* ‘Люди, которые совершили суицид, в какой мир уходят? Мой знакомый совершил суицид, грустно, не хватает его’ [ВК].

Мы считаем, что рассмотренные случаи употребления лексем *похорон* и *суицид* в тувинской речи можно рассматривать как вторичную (повторную) эвфемизацию, когда существующий эвфемизм заменяется новым заимствованным эвфемизмом. Ниже можно наблюдать случаи сужения или специализации значения лексемы в результате ее использования в функции эвфемизма.

Русское понятие *несчастный случай* при заимствовании для обозначения несчастного случая, повлекшего смерть человека, сужается. И вместе с эвфемизацией происходит специализация понятия, например: *Тудугга ол кижии-биле несчастный случай болган-дыр* ‘С этим человеком на стройке произошел несчастный случай (в результате которого он умер)’ [И 3].

Понятие *хай-халап*, обозначающее несчастный случай, в тувинской речи часто заменяется аббревиатурой *ЧП* (чрезвычайное происшествие). Тут также имеет место сужение значения понятия *ЧП*, например: *Орукка ЧП болган* ‘На дороге произошло ЧП’ [И 2]; *Ол ЧП-ге таварышкан уруг үш ажы-төлдүг деп турду* ‘Говорят, что у девушки, которая попала в ЧП, трое детей’ [ВК].

В сегодняшней речи также стали часто употребляться новые эвфемизмы *груз-200*, *груз-300* или даже просто *200* и *300*, например: *Алдан-Маадыр чурттуг эжим эр груз-200 кылдыр чанып келди* ‘Мой друг, родом из села Алдан-Маадыр, вернулся домой грузом-200’ [И 1]; *Ол частышкын соонда 300-тер биле 200-тер хэй болган* ‘После того взрыва 300 и 200 было много’ [ВК].

4. В группу эвфемизмов, связанных с нежелательными социальными явлениями, входят лексемы *зон(а)* вместо *кара-бажың* ‘тюрьма’ (букв.: черный дом), глагол *кризистел* = ‘попадать в кризис’ (*кризис*=те=л=, где =л является показателем медиального залога, который отчасти

выражает пассивное значение, при этом под кризисом понимают именно финансовый кризис, денежные затруднения); *провалдан*- ‘попадать в провальную ситуацию в результате того, что он не смог что-либо сделать’ (*провал*=*да*=*н*=, где *н* является формой возвратного залога), например: *Ол кижжи зонда* ‘Этот человек в зоне’ [И 1]; *Шагонар зону биле канчаар харылзаиша эки чувел? Начальниктин номерин болур бе?* ‘Как можно связаться с зоной Шагонара? Можно номер начальника?’ [ВК]; *Калымнап чоруп тур мен* ‘Я калымлю’ [И 3]; *Сожителим ажыл чок, «бичии калым кылып тур мен» дээр, ээкээр акшазы-даа чок боор* ‘Мой сожитель безработный, говорит, что делает калым, но денег не приносит’ [ВК]; *Акша берип шыдавас мен. Бодум кризистелип тур мен* ‘Не могу дать денег. Я сам переживаю кризис’ [И 1]; *Отпускудан чаа үнүп келген болгаш, элээн үр үе дургузунда кризистелип, ажылче безин чадаг ажылдап эгеледим* ‘От того, что только вышел из отпуска, в течение долгого времени переживаю кризис, даже на работу иду пешком’ [ВК]; *Экзаменде провалданып кагдым* ‘Я провалил экзамен’ [ВК]; *Бо чылын та чеже ажы-төл провал кылыр – ОГЭ, ЕГЭ?* ‘В этом году сколько детей провалят экзамены (букв.: будут делать провал) – ОГЭ, ЕГЭ?’ [ВК].

В этой же группе мы рассматриваем заимствования-эвфемизмы, выражающие отношения человека к имуществу и деньгам, например, *малоимуций* вместо эвфемизма *чединмес* ‘испытывающий недостаток’: *Малоимуций өг-бүлелерге хамааржыр силер бе?* ‘Вы относитесь к малоимущим семьям?’ [ВК].

5. Современное тувинское общество претерпело определенные трансформации в традиционном этико-эстетическом восприятии человека. Они связаны с современным уровнем жизни и ее продолжительностью, сменой социальных ролей, изменениями в эстетических представлениях. Например, русские лексемы *бабушка*, *баба* и *дедушка*, *деда* употребляются вместо *кырган-ава* ‘бабушка’ и *кырган-ача* ‘дедушка’ по отношению к относительно молодым людям. Такое употребление можно объяснить тем, что современные бабушки и дедушки, как правило, выглядят моложе прежних, не чувствуют себя старыми, чтобы применительно к ним можно было сказать *кырган-ава* (букв.: старая-мать) и *кырган-ача* (букв.: старый-отец). Последние лексемы употребляются в таком случае применительно к живым еще прабабушкам и прадедушкам. Таким образом, тувинская лексема *кырган* ‘старик, старый’ тоже табуизируется. Рассмотрим примеры: *Оо, бабушка, дедушка болган ышкажыл силер!* ‘Оо, вы же стали бабушкой и дедушкой!’ [ВК]; *Уже ынчаар өөрени берген бис, бабушка, дедушка улус-тур бис* ‘Мы уже так привыкли, мы же бабушка, дедушка’ [ВК].

По отношению к пожилому человеку в современной тувинской речи употребляется еще одна заимствованная лексема *пенсионер*, ставшая эвфемизмом лексемы *кырган* ‘старый’. Собственное значение лексемы *пенсионер* передает юридический и социальный статус человека, имеющего право получать пенсию: ПЕНСИОНЕР, а, м. Человек, к-рый получает пенсию [Ожегов, <https://znachenie-slova.ru/>]. Например: *Пенсионер кижжи ынаар баргаш чоор сен, аңаа колдуунда аныктар турар* ‘Тебе, пенсионеру, не стоит туда идти, там в основном будет молодежь’ [ВК]; *Үнүп кээримге, алдан харны шагда ашкан ийи пенсионер соңгамны бичии даштар биле дажавышаан, курзук диштери-биле чадай-чадай хөлчок сыгырышкан тур* ‘Когда я вышла, стояли два пенсионера далеко за шестьдесят и бросали камушки в мое окно, пытаюсь свистеть беззубыми ртами’ [Монгуш 2007: 40].

Стандарты красоты у современной молодежи также меняются. Если в традиционном портрете цвет кожи человека *хүрең* или *хүрең-кызыл* ‘смуглый’ (букв.: ‘коричневый’ и ‘коричнево-красный’) считался красивым, то теперь смуглый человек больше не считается красивым, особенно в среде городской молодежи. В повседневной речи о смуглом человеке говорят *кара кижжи* (букв.: черный человек), например: *Ол кижжиңерни көргөн мен, ызыр кара эр-ле чорду* ‘Я видел этого вашего человека, здоровый черный мужчина’ [И 3].

Обозначения цвета *хүрең* или *хүрең-кызыл* ‘смуглый’ сохраняются в литературе и фольклоре. Поэтому вместо того, чтобы сказать, например, *Ол хүрең (кара) кешитиг* ‘У него смуглая кожа’, сейчас говорят: *Смуглый кижжи* ‘Смуглый человек’; *Кежим смуглый мен. Чаагым достак черинде 2 талазында мелдерлерлиг, канчап чидирип болур. Косметологка аштадыр болза кандыг ирги?* ‘У меня смуглая кожа. На скулах с двух сторон веснушки, как их удалить. Можно очистить у косметолога?’ [ВК].

В современной речи в роли эвфемизмов употребляются русские лексемы, характеризующие телосложение человека: *полный* вместо *семис* ‘полный, упитанный’, *миниатюрный* или *мини*

вместо *арган* ‘худой’. При этом прилагательные используются исключительно в форме мужского рода, например: *Мен полный улустуң проблемазын билбес турган мен, семириринге бодаарга арыптары белен деп бодап чораан мен* ‘Я не понимала проблему полных людей, думала, что похудеть легче, чем потолстеть’ [ВК].

Обозначение грязи, нежелательных запахов передается заимствованными лексемами *анти-санитария* вместо *хир-чут* ‘сильная грязь, неопрятность’, *аромат* вместо *багай чыт* ‘плохой запах’ (при этом в русском языке лексема *аромат* обозначает приятный запах). Например: *Ол өрээлде берге аромат бар чорду* ‘В той комнате есть трудный аромат’ [И 2]; *Чуттуг улустуң чанындан эртерге безин ароматтыг болур ышкажык* ‘Даже когда проходишь мимо таких неопрятных людей, чувствуется аромат же’ [ВК]; *Ии, бо кижси билбейн аромат үндүрүптерге шуут ыяткаш, арны-бажы кызааш, мени кончуп кааптар* ‘Эх, когда я нечаянно выпускаю аромат, у него краснеет лицо и отругает меня’ [ВК]; *Бажыңының ишти шуут антисанитария!* ‘В доме полная антисанитария!’; *Оода өске улус кээр деп турда, антисанитария турбас кылдыр кызыдыңар аа!* ‘Хотя бы перед приходом других людей постарайтесь, чтобы не было антисанитарии!’ [ВК].

Заключение

Таким образом, в современной тувинской речи мы наблюдаем наличие заимствований-эвфемизмов из русского языка, которые функционируют как иносказания для лексем со значениями, вызывающими страх, чувство неудобства, стыда тувинском языке. Причем в некоторых случаях имеет место вторичная (или повторная) эвфемизация: когда существующий эвфемизм в тувинском языке, утратив свои функции, заменяется новой заимствованной лексемой-эвфемизмом. Отмечаются процессы сужения или специализации исконного значения лексемы в языке-доноре или расширение ее значения. Данная работа является первой попыткой анализа процессов эвфемизации путем заимствования из русского языка и требует дальнейшего изучения этого вопроса.

Список литературы

- Видлак С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология. 1965 (Материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам). М.: Наука, 1967. С. 267–284.
- Доржу К. Б. Эвфемизмы в поэзии Антона Уержаа // Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2017. С. 149–155.
- Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996. 402 с.
- Куулар Е. М. Эвфемизмы в охотничье-рыболовной лексике тувинского языка // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2018. № 26. С. 49–51.
- Мадайени Авал А. Х., Сейед-Агаи Резаи М. Х. Заимствование как распространенный способ эвфемизации в русском и персидском языках // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3. С. 106–116.
- Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 509 с.
- Монгуш Д. А., Татаринцев Б. И. Проблемы изучения функционирования русского языка в Туве // Русский язык в Туве. Кызыл, 1985. С. 3–15.
- Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 58–70.
- Никитина И. Н. Эвфемистическая функция заимствований // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (19). С. 124–126.
- Сат Ш. Ч. Формирование и развитие тувинского литературного языка. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1973. 191 с.
- Сат Ш. Ч. Табу и эвфемизмы в тувинском языке // Эртем ажилдарының чыындызы. Кызыл: ТывГУ, 2006. С. 65–70.
- Сеничкина Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка: спецкурс: учебное пособие. М.: Флинта, 2012. 121 с.

Сувандии Н. Д. Табу и эвфемизмы в охотничьей лексике тувинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5–2 (59). С. 138–141.

Сюй М. Влияние заимствованных эвфемизмов на эвфемизмы русского языка // Приоритетные научные направления: от теории к практике: Сборник материалов XLI Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 08–31 августа 2017 года / Под общ. ред. С. С. Чернова. Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Центр развития научного сотрудничества», 2017. С. 87–92.

Татаринцев Б. И. Русские лексические заимствования в современном тувинском языке. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1974. С. 113.

Тишина Н. В. Национально-культурные особенности эвфемии в современном английском и русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 292 с.

Филиппова И. Н. Эвфемизмы-заимствования в русском и немецком языках // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2020. № 3 (38). С. 194–206.

Монгуш Ш. В. Ужар кизи. Кызыл: Тыва полиграф, 2007. 167 с. (на тув. яз.)

Интернет-источники

БК – https://vk.com/tuva_komu_za_30

Информанты

И 1 – Ооржак Алаш-оол Делег-оолович, 1989 г.р.

И 2 – Монгуш Альбина Анатольевна, 1986 г.р.

И 3 – Хертек Артыш Анатольевич, 1993 г.р.

И 4 – Хертек Саита Эвилеловна, 1985 г.р.

References

Dorzhu K. B. Evfemizmy v poezii Antona Uerzhaa [Euphemisms in the poetry of Anton Uerzhaa]. *Vestnik of Tuvan State University. Issue 1. Social sciences and humanities*. 2017, 149 p. (In Russ.)

Filippova I. N. Evfemizmy-zaimstvovaniya v russkom i nemetskom yazykakh [Euphemisms-borrowings in Russian and German]. *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2020, no. 3 (38), pp. 194–206. (In Russ.)

Krysin L. P. Inoyazychnoe slovo v kontekste sovremennoy obshchestvennoy zhizni [A foreign language word in the context of modern social life]. In: *Russkiy yazyk kontsa 20 stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the end of the 20th century (1985–1995)]. E. A. Zemskaya (Ed.). Moscow, 1996, 402 p. (In Russ.)

Kuular E. M. Evfemizmy v okhotnich'e-rybolovnoy leksike tuvinskogo yazyka [Euphemisms in the hunting and fishing vocabulary of the Tuvan language]. *Vestnik KhGU im. N.F. Katanova*. 2018, no. 26, pp. 49–51. (In Russ.)

Madayeni Aval A. Kh., Seyed-Agai Rezai M. Kh. Zaimstvovanie kak rasprostranennyy sposob evfemizatsii v russkom i persidskom yazykakh [Borrowing as a common way of euphemization in Russian and Persian]. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2017, no. 3, pp. 106–116. (In Russ.)

Marinova E. V. Inoyazychnye slova v russkoy rechi kontsa 20 – nachala 21 vv.: problemy osvoeniya i funktsionirovaniya [Foreign words in Russian speech of the late 20th – early 21st centuries: problems of development and functioning]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Moscow, 2008. (In Russ.)

Mongush D. A., Tatarintsev B. I. Problemy izucheniya funktsionirovaniya russkogo yazyka v Tuve [Problems of studying the functioning of the Russian language in Tuva]. In: *Russkiy yazyk v Tuve* [Russian language in Tuva]. Kyzyl, 1985, pp. 3–15. (In Russ.)

Mongush Sh.V. *Uzhar kizhi* [Flying Man]. Kyzyl, Tyva poligraf, 2007, 168 p. (In Tuv.)

Moskvina V. P. Evfemizmy: sistemnye svyazi, funktsii i sposoby obrazovaniya [Euphemisms: system connections, functions and methods of education]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 2001, no. 3, pp. 58–70. (In Russ.)

Nikitina I. N. Evfemisticheskaya funktsiya zaimstvovaniy [The euphemistic function of borrowings]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2013, no. 1 (19), pp. 124–126. (In Russ.)

Sat Sh. Ch. *Formirovanie i razvitie tuvinskogo literaturnogo yazyka* [Formation and development of the Tuvan literary language]. Kyzyl, Tyvin. kn. izd., 1973. (In Russ.)

Sat Sh. Ch. Tabu i evfemizmy v tuvinskom yazyke [Taboos and euphemisms in the Tuvan language]. In: *Ertem azhyldarynyn chyyndyzy* [Collection of scientific papers]. Kyzyl, TyvSU, 2006, pp. 65–70. (In Russ.)

Senichkina E. P. *Slovar' evfemizmov russkogo yazyka* [Dictionary of euphemisms of the Russian language]. Moscow, Nauka, 2008, 464 p. (In Russ.)

Senichkina E. P. *Evfemizmy russkogo yazyka: spetskurs* [Euphemisms of the Russian language: a special course]. Moscow, Flinta, 2012, 120 p. (In Russ.)

Suvandii N. D. Tabu i evfemizmy v okhotnich'ey leksike tuvinskogo yazyka [Taboos and euphemisms in the hunting vocabulary of the Tuvan language]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016, no. 5–2 (59), pp. 138–141. (In Russ.)

Syuy M. Vliyanie zaimstvovannykh evfemizmov na evfemizmy russkogo yazyka [The influence of borrowed euphemisms on the euphemisms of the Russian language]. In: *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike: Sbornik materialov 41 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Novosibirsk, 08–31 avgusta 2017 goda* [Priority scientific directions: from theory to practice: Collection of materials of the 41st International Scientific and Practical Conference, Novosibirsk, 08–31 August 2017]. S. S. Chernova (Ed.). Novosibirsk, OOO “Tsentr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva,” 2017, pp. 87–92. (In Russ.)

Tatarintsev B. I. *Russkie leksicheskie zaimstvovaniya v sovremenном tuvinskom yazyke* [Russian lexical borrowings in the modern Tuvan language]. Kyzyl, Tyvin. kn. izd., 1974, 14 p. (In Russ.)

Tishina N. V. *Natsional'no-kul'turnye osobennosti evfemii v sovremenном angliyskom i russkom yazyke* [National and cultural features of euphemism in modern English and Russian]. Abstract of cand. philol. sci. diss. Moscow, 2006. (In Russ.)

Vidlak S. Problema evfemizma na fone teorii yazykovogo polya [The problem of euphemism against the background of the theory of the language field]. In: *Etimologiya. 1965: materialy i issledovaniya po indoevropeyskim i drugim yazykam*. [Etymology. 1965: Materials and research on Indo-European and other languages]. Moscow, Nauka, 1967, 275 p. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
21.11.2023

Сведения об авторе

Монгуш Начын Михайлович – главный специалист сектора словарей Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл, Россия)

E-mail: mongusnachyn@mail.ru

ORCID 0000-0001-8784-3323

Information about the author

Nachyn M. Mongush – Chief Specialist of the Sector of Dictionaries, Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russian Federation)

E-mail: mongusnachyn@mail.ru

ORCID 0000-0001-8784-3323

УДК 811.512.31 + 811.512.33
DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-50-61

**Названия традиционно разводимых пяти видов скота
в окинском говоре бурятского языка
(в сравнении с монгольскими когнатами)**

А. В. Мазарчук

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Рассматриваются особенности употребления половозрастных наименований животных, относящихся к пяти видам, в окинском говоре бурятского языка, в сопоставлении с их монгольскими когнатами. Показано, что при исчислении возраста в окинском говоре не учитывается год беременности, значение некоторых терминов не совпадает со значением когнатов в монгольском языке, терминов, составляющих систему наименования пяти видов скота, в окинском говоре меньше, чем в монгольском языке, монгольская классификация скота более дробная, что связано с различиями в образе жизни и форме скотоводства у монголов и окинских бурят и сойотов. Материал собран в процессе полевых исследований в 2022 г. в Окинском районе Республики Бурятия.

Ключевые слова

скотоводческая лексика, монгольские языки, бурятский язык, окинский говор, полевые исследования

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект» (2022–2024 гг., руководитель – С. М. Трофимова).

Для цитирования

Мазарчук А. В. Названия традиционно разводимых пяти видов скота в окинском говоре бурятского языка (в сравнении с монгольскими когнатами) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51). С. 50–61. DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-50-61

**On the terms denoting the five kinds of livestock
in the Oka subdialect of the Buryat language
(compared with Mongolian cognates)**

A. V. Mazarchuk

Institute for Linguistic Studies RAS, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article addresses the terms denoting the five kinds of livestock animals of different ages and sex in the Oka subdialect of the Buryat language. The semantics of these terms is compared with that of their Khalkha cognates, paying attention to the Oka and Khalkha livestock naming systems as a whole. The linguistic mate-

© А. В. Мазарчук, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51)

rials were collected during fieldwork conducted in the Okinsky District of the Republic of Buryatia in 2022. The Oka speakers were found to employ a method of counting the age of an animal that aligns with the traditional Russian approach, which differs from the Mongol tradition of adding the duration of pregnancy to the age of the animal as a year, regardless of the actual length of the pregnancy. As a result, the animals designated as one-year-olds in Oka and two-year-olds in Khalkha, two-year-olds in Oka and three-year-olds in Khalkha, and so on, are essentially of the same age. Moreover, the semantics of certain terms in Oka and Khalkha may not be entirely consistent. For example, the word spelled in Mongolian as *teke* (from the Old Turkic *tekä*) means ‘wild goat’ in Khalkha and ‘stud goat’ in Oka. The Oka livestock naming system has fewer terms than the Khalkha system. Consequently, the Khalkha classification of livestock is more detailed. It can be supposed that the reasons for the latter fact may be rooted in the distinctive lifestyle of Oka speakers, which differs considerably from that of Mongols.

Keywords

cattle-breeding vocabulary, Mongolic, Buryat, Oka subdialect, fieldwork

Acknowledgments

The research was funded by the Russian Science Foundation, project № 22-18-00060 “Investigation of Turkic and Mongolic vocabulary of material culture related with traditional cattle breeding: a comparative historical aspect (2022–2024, Project Lead – S. M. Trofimova).

For citation

Mazarchuk A. V. Nazvaniya traditsionno razvodimykh pyati vidov skota v okinskom govore buryatskogo yazyka (v sravnenii s mongol'skimi korrelyatami) [On the terms denoting the five kinds of herd animals in the Oka subdialect of the Buryat language (compared with Mongolian cognates)]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 50–61. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-50-61

Введение

Понятие ок. *табан хушуу мал*, монг. *таван хошуу мал* ‘пять видов скота’ – один из базовых концептов монгольской культуры. Под «пятью видами скота» понимаются лошади, крупный рогатый скот («монгольские коровы», яки и их метисы), овцы, козы и верблюды, которых традиционно разводят в регионах, где проживают монголоязычные народы. Однако не все монгольские народы занимались разведением всех пяти видов скота. Так, окинские буряты никогда не держали верблюдов, а жившие по соседству сойоты занимались оленеводством, поэтому оленеводческая терминология вошла в лексикон окинского говора бурятского языка.

Скотоводческая лексика в целом – базовый пласт лексикона подавляющего большинства монгольских языков. Изучая его, можно делать выводы о связях монгольских языков с другими языками и об изменениях, произошедших в монгольских идиомах после их расхождения. Сейчас в связи с необходимостью создания базы знаний, подтверждающих или опровергающих алтайскую теорию, в очередной раз активизировались исследования лексики монгольских и тюркских языков. Полевые материалы, опубликованные в статье, дополняют эту базу, поэтому данная работа является актуальной.

Скотоводческая лексика окинского говора бурятского языка представляет особый интерес, поскольку она используется в среде, которую еще двести лет назад можно было охарактеризовать как тюрко-монгольскую: сойоты еще помнили свой язык, и буряты говорили на своем. Взаимное влияние языков было неизбежно. Однако сейчас сойотский язык утрачен, и мы можем только регистрировать особенности бурятского языка, на котором говорят жители Оки.

Скотоводческая лексика окинцев подробно описана С. В. Бадмацыреновой в кандидатской диссертации «Лексика традиционного хозяйства окинских бурят и сойотов в сопоставлении с монгольской» [Бадмацыренова 2006]. Отдельный раздел посвящен лексике, обозначающей крупный рогатый скот, лошадей, оленей и мелкий рогатый скот, приводятся термины, используемые для обозначения мастей животных, их болезней, продуктов животноводства и т. д. Большое внимание животноводческой лексике окинских бурят и сойотов уделял также В. И. Рассадин [Рассадин 1985, 1987, 1989, 1996; Рассадин, Цыренова 1996].

Животноводческая лексика окинского говора бурятского языка носит в основном общемонгольский характер [Бадмацыренова 2006: 147], и большая часть общемонгольской скотоводческой лексики, в свою очередь, имеет тюркские параллели [Рассадин 2015: 163].

Поскольку большое количество исследований посвящено этимологии скотоводческой лексики монгольских народов, сосредоточимся на некоторых любопытных частностях, которые

можно наблюдать синхронно в окинском говоре бурятского языка. Цель статьи – выявить различия между системой половозрастных наименований домашнего скота в окинском говоре и аналогичной системой, используемой в современном монгольском языке.

В лексике этих двух идиомов отражаются разные типы скотоводства. Жители Окинской долины разводят крупный рогатый скот. Повсеместно можно наблюдать, как пасутся яки (или на местном русском *сарлыки*). Также у окинцев есть лошади, овцы и совсем немного коз. До 1963 г. разводили оленей. Сейчас в Оке предпринимаются попытки возродить оленеводство, но эти попытки единичны. Окинское скотоводство соответствует определению отгонного, или полукочевого. Современные окинцы кочуют два раза в год, переселяясь из летнего дома в зимний и обратно, заготавливая на зиму сено. Окинский ландшафт, изобилующий растительностью, с его реками, долинами и горами, не похож на голую монгольскую степь. У монголов скотоводство кочевое. Монголы, с войлочной юртой и всем своим скарбом, кочуют четыре раза в год между закрепленными за ними стоянками, следуя в те места, где животные могут сами найти себе пропитание, в том числе зимой, раскапывая снег (если снега выпадает слишком много, то животные остаются без корма, и случается падеж скота – монг. *зуд*).

Количество носителей изучаемых идиомов несоразмерно: монгольский – официальный язык государства с населением около 3,5 млн. чел.¹; население же Окинского района составляет около 5 тыс. чел.², и их говор должен выдерживать конкуренцию с литературным бурятским и русским языками. Монгольский язык в меньшей степени (по сравнению с негосударственными языками) подвержен разного рода деструктивным процессам, а сами монголы сохранили кочевой быт и культуру своих предков, и это отчасти позволило им сохранить лексику, используемую в традиционном быту. В компаративистике принято рассматривать литературный монгольский язык, в основе которого лежит халха-монгольский диалект, как некий эталон, с которым сравнивают все остальные монгольские языки и диалекты.

Исследование проведено на полевом материале, собранном во время экспедиции в начале августа 2022 г. в Окинском районе Республики Бурятия – в частности, в населенных пунктах Сорок, Орлик и на заимках местных скотоводов. Полевой материал по окинскому говору сопоставляется с монгольской лексикой, зафиксированной в научной литературе.

Система половозрастных наименований скота в окинском говоре бурятского языка

Система половозрастных наименований лошадей, крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и оленей в окинском говоре бурятского языка насчитывает 41 термин (см. табл. 1), плюс три термина, обозначающих верблюда *тэмээн*, верблюдицу *энгин* и верблюжонка *ботогон*.

Наименования каждого вида животных можно разделить как минимум на пять категорий: 1) видовое наименование животного (например, весь крупный рогатый скот в целом, независимо от пола и возраста – *ухэр*, любые лошади – *адуун* и т. д.); 2) наименование производителя; 3) наименование приплода; 4) наименование кастрированного самца; 5) наименование самки, дающей потомство.

Этот минимум категорий выделяется также при анализе терминов, обозначающих коз, которых окинцы разводят в небольших количествах: 1) видовое наименование – *ямаан*; 2) наименование производителя – *тэхэ*; 3) наименование потомства – *шизэгэн* ‘козленок любого пола с рождения до двух лет’; 4) наименование кастрированного самца – *хиинэг*; 5) наименование самки, дающей потомство, – *ямаан* (возможно использование уточняющего описательного термина *эмэ ямаан* ‘коза-самка’). Отдельного названия для двухлетних, трехлетних и т. д. коз и козлов в окинской системе нет. Можно предположить, что точный возраст взрослых коз не имеет для жителей Окинской долины решающего значения, поскольку козы не считаются важной частью поголовья в домашнем хозяйстве, в отличие, например, от крупного рогатого скота.

¹ Countymeters // countymeters.info [Электронный ресурс].

URL: <https://countymeters.info/ru/Mongolia>; дата обращения: 11.11.2023.

² Bankgorodov // bankgorodov.ru [Электронный ресурс].

URL: <https://bankgorodov.ru/area/okinskii-raion>; дата обращения: 11.11.2023.

Таблица 1

Система половозрастных наименований скота в окинском говоре бурятского языка

Table 1

The naming system for Buryat Oka livestock classes

Категория	Лошади		Крупный рогатый скот		Овцы		Козы		Олени	
Название вида	адуун		үхэр (монгол үхэр, сарлаг, ортоомо)		хонин		ямаан		сагаан	
Производитель	азарга		буха		хуса		тэхэ		этэр	
Холощенный самец	морин		шар		эрэ хонин		хиинэг		зари	
Молодняк	унаган		тугал		хурьган		эшэгэн		инзаган	
1 год	дааган		буруун		зунаг				даспаан	
2 года	шүдэлэн		хашараг		түлгэ		тэхэ / хиинэг	эмэ ямаан		
3 года	гунан	гүүн	гунан	гунжан (гунан эмэ)	хуса / эрэ хонин	эмэ хонин				
4 года	дүнэн		дүнэн	дүнжсэн (дүнэн эмэ)						
5 лет и старше	үрээ		бух / шар	үнеэн						
Пол	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф

В системе наименований оленей категория «детеныши» разделена на две группы: *инзаган* «оленок до 1-го года» и *даспаан* «оленок от 1-го до 3-х лет», но их разделения по полу (в лексике) не происходит. Пол оленей отражается в наименованиях животных от 3-х лет: *этэр* «олень-производитель», *зари* «кастрированный бычок от 3-х лет», *эмэ сагаан* «самка оленя». Сравнительно небольшое количество терминов в системе наименования оленей объясняется тем, что окинцы массово не занимаются оленеводством уже более пятидесяти лет, из-за чего часть терминов была забыта [Бадмацыренова 2006: 78].

В системе наименований лошадей, крупного рогатого скота и овец детеныши представлены в трех группах терминов: 1) молодняк – *унаган* «жеребенок до 1-го года», *тугал* «теленка до 1-го года», *хурьган* «ягненок до 1-го года»; 2) однолетки – *дааган* «жеребенок-однолетка», *буруун* «теленка-однолетка», *зуһаг* «ягненок-однолетка»; 3) двухлетки – *шүдэлэн* «жеребенок-двухлетка», *хашираг* «двухлетний теленок коровы, яка или гибридов», *түлгэ* «ягненок-двухлетка». Дифференциация двухлетних детенышей по полу в лексике не отражается.

Отдельные термины для самок и самцов начинают использоваться в окинском говоре, когда козлятам исполняется два года, а жеребят, телятам, ягнятам и оленятам – три.

Взрослые овцы, козы, олени обоих полов по возрастам лексически не дифференцируются. К этому ряду примыкают также кобылы – *гүүн*, которые, в отличие от коней, не имеют отдельного наименования в три, четыре года и начиная с пяти лет. Для обозначения коней трех и четырех лет используются те же термины, что и для быков этого возраста – *гунан* «трехлетка» и *дүнэн* «четырёхлетка». Для обозначения коров трех и четырех лет соответственно используются аналогичные термины – *ок. гунжан* и *дүнжэн*¹. Коней пяти лет окинцы называют *үрээ*, а говоря о быках пяти и более лет, используют термины, указывающие на их способность вос-

¹ В монгольских языках нет противопоставления существительных по грамматическому роду, но есть особые существительные, обозначающие коров – трехлеток и четырехлеток (письм. монг. *yunačīn* и *dünejīn* соответственно), и прилагательные, обозначающие масть самки (письм. монг. *ulaγaγčīn üniy-e* «рыжая корова», *qaraγčīn gegün* «вороная кобыла»), а также цвет символа года в 60-летнем цикле, если символ года – самка (в названии года используется название вида, а не термин, обозначающий самку): *siraγčīn üker jīl* «год желтой коровы». Слова, оформленные суффиксами *-čīn-* / *-jīn-* и *-γčīn-*, противопоставляются соответствующим нейтральным существительным и прилагательным.

производить потомство: *шар* ‘вол, кастрированный бык’ и *буха* ‘бык-производитель’. Отдельного термина, указывающего на возраст быка пяти и более лет, не зафиксировано.

Крупный рогатый скот в целом (ок. *үхэр*) подразделяется на следующие виды: 1) *үхэр* ‘коровы’ (термин *үхэр* употребляется либо как гипероним, обозначающий все виды крупного рогатого скота – коров, яков и их гибридов, либо как название непосредственно для коров; для уточнения может использоваться термин *монгол үхэр* ‘монгольские коровы’); 2) *сарлаг* ‘яки’; 3) *хайнаг* ‘хайнаки’ (помесь коровы с яком); 4) *ортоомо* ‘помесь хайнака с быком или яком’. Половозрастные наименования для этих видов животных не различаются.

Верблюдов окинцы не разводят и в рамках общей осведомленности знают слова ок. *тэмээн* (общее обозначение для всех верблюдов), *энгин* ‘верблюдица’ и *ботогон* ‘верблюжонок’.

Система половозрастных наименований скота в монгольском языке

Практика указания возраста животных у монголов и окинцев имеет одно существенное различие: окинцы не прибавляют к возрасту животного период внутриутробного развития, а монголы прибавляют. «...В первый день Цагаан-сара все люди добавляли к своему возрасту один год. До переноса начала года с сентября на февраль то же самое делали в сентябре. Более того, в сентябре и к возрасту скота добавлялся год. Старики-буряты до сих пор соблюдают этот обычай. Весенний приплод за лето подрастал, и осенью жеребенок превращался уже в однолетку-*лончака*, а теленок становился однолеткой-*бурууном*» [Жуковская 1988: 55–56]. Н. Л. Жуковская называет теленка-*буруун*’а и жеребенка-*лончак*’а однолетками, указывая номинальный период, прошедший с момента рождения детеныша, – условный год (хотя фактически это около полугода). Так же высчитывают возраст приплода и окинцы. Когда интервьюер просит информанта-окинца перечислить наименования разных возрастов одного животного, например коровы, типичным ответом будет: «Приплод – *тугал*, однолетка – *буруун*, двухлетка – *хашиараг*, трехлетка-бычок – *гунан*, трехлетка-телка – *гунжан*». Монголы перечисляют возрасты животного, начиная с одного года.

В словарях толкования половозрастных наименований животных различаются, что обусловлено разными традициями, смешением понятий «годовалый» и «первого года жизни», «двухлетка» и «второго года жизни» и т. д., а также тем фактом, что наименования монг. *шүдлэн*, *хязаалан*, *соёолон* связаны с особенностями роста зубов у животных, и козы и лошади в разное время становятся, например, *хязаалан*. В словарях даются следующие толкования слова *хязаалан*: ‘четырёхгодовалое домашнее животное (лошадь, корова) или трёхгодовалое (баран, коза)’ [БАМРС 2002: 231; МХТТ 2011: 1630; Цэвэл 1966: 770; Mostaert 1968: 420]; ‘лошадь четырех лет’ [Голстунский 1893: 439]; ‘четырёхгодовалый (о животных)’ [МОТ 1957: 595]; *kiḡayalan itayun* ‘двухлетний козел’ [Ковалевский 1849: 2541]. В [Баттулга 2006: 30] *хязаалан* – это исключительно трехлетки (лошади, коровы, овцы и козы). В [МНТТ 2014: 355, 360, 474] – лошади, овцы и козы трехлетки (по отношению к коровам этот термин не употребляется). Опрошенные информанты, проживающие в населенном пункте Чандмань-Ундэр Хубсугульского аймака Монголии, урянхайцы, употребляют термин *хязаалан* для обозначения трехлеток у лошадей, крупного рогатого скота, овец и коз. По-видимому, в монгольском языке произошел семантический сдвиг в наименованиях, мотивированных особенностями роста зубов, в результате которого первоначальная мотивация забылась и способ наименования коней повлиял на способ наименования мелкого скота.

Итак, в монгольской системе половозрастных наименований скота пяти видов (монг. *таван хошуу мал*) и одомашненных северных оленей насчитывается около 70 терминов. Точное количество может варьировать в зависимости от того, какие словосочетания считать терминологизированными. В таблице 2 (основана на таблице, приведенной в учебнике по страноведению [Баттулга 2006: 30]¹) указаны 45 наименований только для крупного рогатого скота, лошадей,

¹ В книге [Баттулга 2006: 30] сразу после строки «Молодняк» (монг. *Төл мал*) идет строка *Хоёр настай* ‘Два года’, минуя логически возможное *Нэг настай* ‘Один год’, по причине, описанной выше. В данной статье, чтобы облегчить сравнение терминов из разных идиомов, в переводе терминов указан фактический возраст животного (без учета периода беременности), структура табл. 2 с монгольским материалом идентична структуре табл. 1 с окинскими терминами (в обеих есть строка «1 год»).

овец, коз и верблюдов. Кроме них, далее в статье будут описаны специфические названия для отдельных видов молодняка, гибридов и оленей.

Таблица 2
Система половозрастных наименований скота в халха-монгольском языке

Table 2

The system for naming Khalkha livestock classes

Категория	Лошади		Крупный рогатый скот		Овцы		Козы		Верблюды	
Название вида	адуу		үхэр		хонь		ямаа		тэмээ	
Производитель	азарга		бух		хуц		ухна		буур	
Холощепный самец	морь		шар		ирэг		сэрх		ат	
Молодняк	унага		тугал		хурга		ишиг		ботго	
1 год	даага		бярүү		төлөг		борлон		тором	
	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф	М	Ф
2 года	шүдлэн		шүдлэн		шүдлэн хонь		шүдлэн		гуна / гунан тайлаг	
	үрээ	байдас	гуна	гунж					гунж	
3 года	хязаалан		хязаалан		хязаалан	зусаг	хязаалан	зусаг	дөнө / дөнөн тайлаг	
	үрээ	байдас	дөнө	дөнж					дөнж	
4 года	соёолон		соёолон шар		соёолон хонь		соёолон		тайлаг буур / тайлаг	
	үрээ	байдас								
5 лет	хавчиг соёолон	гүү	шар	үнээ	ирэг	эм хонь	сэрх	эм ямаа	буур / атан-цар	
6 лет	морь									
7 лет и старше									буур / ат	

В таблице 2 видно, что среди наименований животного любого вида есть видовое название и отдельные названия для самца-производителя, кастрированного самца, молодняка и самки, дающей потомство. В терминологии, обозначающей молодняк до двух лет, не отражаются половые различия – одинаковый термин используется и для самцов, и для самок. Начиная с двух лет у лошадей и крупного рогатого скота остаются обобщающие наименования (и для самцов, и для самок), но к ним параллельно добавляются отдельные наименования для самцов и отдельные для самок.

Так, в два года все лошади и коровы обоих полов попадают под определение монг. *шүдлэн*; у овец и коз в этом возрасте так называют только самцов; обобщающего названия начиная с двух лет у овец и коз нет; овец-самок двух, трех и четырех лет называют *зусаг*. Параллельно обобщающему монг. *шүдлэн* ‘корова или лошадь двух лет’ существуют наименования для коней (самцов) двух, трех и четырех лет – монг. *үрээ*, для кобыл (самок) того же возрастного диапазона – монг. *байдас*. Двухлетних быков называют монг. *гуна*, телок – монг. *гунж*. Те же термины используются для верблюдов и верблюдиц этого возраста.

В три года самцы и самки у коров и лошадей и самцы у овец и коз (бараны и козлы) называются монг. *хязаалан*.

В четыре года обобщающее название для коней и кобылиц – *соёолон*. У крупного рогатого скота, овец и коз так называют только четырехлетних самцов.

Для животных пяти лет и старше объединяющие термины не используются.

Так же, как и в окинском бурятском, в монгольском языке слово *үхэр* имеет два значения: 1) весь крупный рогатый скот, куда входят коровы (монгол *үхэр*), яки (*сарлаг*), хайнаки (*хайнаг*) и помеси хайнаков с быками и яками (*ортоом* или *усан гүзээ* (букв.: водяное брюхо)); 2) только коровы, для которых также используют уточняющий термин *монгол үхэр*.

В монгольском языке, кроме того, бытуют различные термины для разных видов хайнаков и их гибридов: *наран хайнаг* ‘бык + ячиха’ (букв.: солнечный хайнак); *саран хайнаг* ‘як + корова’ (букв.: лунный хайнак); *наран ортоом* ‘самка хайнака + бык’ (букв.: солнечный гибрид); *усан ортоом* ‘самка хайнака + як’ (букв.: водяной гибрид) [МНТТ 2014: 430–431].

В [МНТТ 2014: 355 (овцы), 360 (козы), 424 (коровы), 474 (лошади), 540–541 (верблюды)] дается более подробная классификация названий приплода. Для новорожденных ягнят используется термин монг. *сагсаг* (букв.: лохматый), для новорожденных козлят – монг. *багзаг* (ср. *багзгар* ‘пушистый’), ячонок до года – монг. *торой*, ячонок от года до двух лет – монг. *боолторго* (ср. *боолт* ‘повязка, перевязка’). Довольно подробная классификация используется верблюдоводами: помимо общего названия монг. *ботго* для верблюжат до 1-го года, существуют также термины монг. *чойрон* ‘верблюжата 1–7 дней от роду’, монг. *бундир* ‘одномесечные верблюжата’; терминами монг. *уяат* (букв.: на привязи) и *ногтот* (букв.: с недоуздом, обузданные) обозначают верблюжат 12-ти месяцев от роду. Термины, указанные в таблице 2, известны широкой массе носителей монгольского языка. Классификации из [МНТТ 2014] используются в первую очередь скотоводами.

Особое внимание следует обратить на наименования самцов в зависимости от их способности производить потомство. Коней обычно кастрируют в возрасте двух лет [МНТТ 2014: 492]. С этого возраста начинают различать жеребцов *азарга* и мерин (кастрированных жеребцов) *морь*. Для уточнения возраста, если они младше пяти лет, могут использоваться словосочетания *азарган үрээ* ‘жеребец двух, трех или четырех лет’ и *үрээ морь* ‘мерин двух, трех или четырех лет’. Отдельно термины *үрээ* ‘конь от двух до пяти лет’ и *хавчиг соёолон* ‘конь пяти лет’ указывают на возраст и пол коня, но не на его способность производить потомство.

Бычков кастрируют на втором году жизни, когда их называют *бярүү* [МНТТ 2014: 447]. Термины *бух* ‘бык-производитель’ и *шар* ‘вол’ используются несимметрично: первый может сочетаться с обозначением двухлеток *бярүү* (*бухан бярүү*), второй – нет. Однако оба они могут употребляться с терминами, уточняющими возраст с двух до пяти лет: *гунан бух*, *дөнөн бух*, *соёолон бух* vs. *гунан шар*, *дөнөн шар*, *соёолон шар*.

Самый благоприятный период для кастрации ягнят (*хурга*) и козлят (*ишиг*) – с 30-го по 45-й день после их рождения [МНТТ 2014: 374]. Термины *ирэг* и *сэрх* не принято употреблять в отношении кастрированных баранов и козлов младше двух лет (*шүдлэн*), хотя фактически молодняк до 1-го года и однолетки (у баранов *хурга* и *төлгө*, у козлов *ишиг* и *борлон*) могут быть кастрированными. Названия производителей и кастрированных самцов у мелкого рогатого скота, так же как у крупного рогатого скота, не выстраиваются в симметричную систему. Термин *хуц*, обозначающий барана-производителя, сочетается с названиями даже самых младших животных: *хурган хуц* ‘баран-производитель 1-го года жизни’, *төлгөн хуц* ‘однолетний баран-производитель’, *шүдлэн хуц* ‘двухлетний баран-производитель’, *хязалан хуц* ‘трехлетний баран-производитель’, *соёолон хуц* ‘четырёхлетний баран-производитель’. Название же кастрированного барана *ирэг* не употребляется с терминами *хурга* и *төлгө*, но может встречаться в словосочетаниях *шүдлэн ирэг* ‘двухлетний валух (кастрированный баран)’, *хязалан ирэг* ‘трехлетний валух’, *соёолон ирэг* ‘четырёхлетний валух’. Аналогично термин *ухна* ‘козел-производитель’ может быть частью словосочетаний *ишгэн ухна* ‘козел-производитель 1-го года жизни’ и *борлон ухна* ‘однолетний козел-производитель’, в то время как термин *сэрх* ‘кастрированный козел’ по отношению к однолеткам и двухлеткам не употребляется.

Верблюдов кастрируют либо на первом году жизни, если нужно улучшить шерстистость верблюда, либо на втором, если нужно увеличить его мясистость, либо на третьем, чтобы он вырос сильным и выносливым [МНТТ 2014: 571]. Система наименований кастрированных и некастрированных верблюдов наименее симметрична из всех описываемых в статье систем. С пяти лет взрослый производитель называется *буур*. Кастрированный самец в пять-шесть лет – *атанцар*, с семи лет – *ат*. Верблюд-производитель двух-четырёх лет – *тайлаг буур*, кастрированный самец такого же возраста – *тайлаг* [МНТТ 2014: 541]. Для уточнения возраста кастрированных верблюдов двух и трех лет используются термины *гунан* и *дөнөн* соответственно (*гунан тайлаг*, *дөнөн тайлаг*).

Оленеводческие термины используются в монгольском языке, но не относятся к системе наименований пяти видов скота. В [БАМРС] зафиксированы следующие половозрастные наименования одомашненных северных оленей: *цаа буга* ‘одомашненный северный олень’ (ви-

довой термин), *этэр* ‘самец северного оленя’, *зарь* ‘кастрированный северный олень’, *манжиг* ‘самка северного оленя’, *хугаиш* ‘детеныш северного оленя’, *донгор* ‘двухгодовалый северный олень’, *дасван* ‘трехлетний северный олень’, *дунгуй* ‘трехлетняя северная олениха’.

Сравнение систем

Система половозрастных наименований скота в окинском говоре бурятского языка и аналогичная система в монгольском имеют ряд сходств и различий.

Сходства заключаются в следующем:

1) Обе системы включают пять видов животных. Четыре из них совпадают: это крупный рогатый скот (коровы, яки и их гибриды), лошади, овцы, козы (см. табл. 3).

Таблица 3

Наименования скота, совпадающие в монгольском языке и окинском говоре бурятского языка

Table 3

Common Mongolian and Oka terms denoting livestock

№	Ок.	Монг.	Письм. монг.	Перевод
1	<i>үхэр</i>	<i>үхэр</i>	<i>üker</i>	крупный рогатый скот
	<i>монгол үхэр</i>	<i>монгол үхэр</i>	<i>mongyol üker</i>	монгольская корова
	<i>сарлаг</i>	<i>сарлаг</i>	<i>sarluy</i>	як
	<i>хайнаг</i>	<i>хайнаг</i>	<i>qayinuy</i>	хайнак
	<i>ортоомо</i>	<i>ортоом</i>	<i>ortoom</i>	гибрид самки хайнака и быка или яка
2	<i>адуун</i>	<i>адуу</i>	<i>adaun</i>	лошадь
3	<i>хонин</i>	<i>хонь</i>	<i>qonin</i>	овца
4	<i>ямаан</i>	<i>ямаа</i>	<i>imayān</i>	коза

Несовпадающие виды животных – верблюд у монголов и олень у окинцев.

2) В совпадающих видах названия приплода (новорожденные животные) являются когнатами (см. табл. 4).

Таблица 4

Наименования приплода четырех видов скота

Table 4

Terms denoting offspring of the four kinds of herd animals

№	Возраст	Ок.	Монг.	Письм. монг.	Перевод
1	взрослые животные	<i>үхэр</i>	<i>үхэр</i>	<i>üker</i>	крупный рогатый скот
		<i>монгол үхэр</i>	<i>монгол үхэр</i>	<i>mongyol üker</i>	монгольская корова
		<i>сарлаг</i>	<i>сарлаг</i>	<i>sarluy</i>	як
		<i>хайнаг</i>	<i>хайнаг</i>	<i>qayinuy</i>	хайнак
		<i>ортоомо</i>	<i>ортоом</i>	<i>ortoom</i>	гибрид самки хайнака и быка или яка
	приплод	<i>тугал</i>	<i>тугал</i>	<i>tuγul</i>	теленка
2	взрослые животные	<i>адуун</i>	<i>адуу</i>	<i>adaun</i>	лошадь
	приплод	<i>унаган</i>	<i>унага</i>	<i>unayān</i>	жеребенок
3	взрослые животные	<i>хонин</i>	<i>хонь</i>	<i>qonin</i>	овца
	приплод	<i>хурьган</i>	<i>хурга</i>	<i>qurayān</i>	ягненок
4	взрослые животные	<i>ямаан</i>	<i>ямаа</i>	<i>imayān</i>	коза
	приплод	<i>эшэгэн</i>	<i>ишиг</i>	<i>išigen</i>	козленок

Однако даже в тех случаях, когда термины являются когнатами (например, монг. *гуна*, ок. *гунан*), фактический возраст животных может отличаться на один год. Монг. *гуна* следует трактовать как ‘третьего года жизни’ (то есть ‘двухлетка’), ок. *гунан* – как ‘трехлетка’.

Отличаются значения терминов ок. *тэхэ* и монг. *тэх* (письм. монг. *teke*). В монгольском языке это слово обозначает дикого горного козла (поэтому его нет в таблице наименований скота), в окинском говоре бурятского языка – козла-производителя.

Монгольская классификация скота по полу и возрасту более дробная, чем окинская. В окинской системе отсутствуют следующие термины, имеющиеся в монгольской:

– монг. *соёолон* – обобщающий термин, обозначающий лошадей и коней четырех лет, а также четырехлетних козлов; кроме того, элемент *соёолон* входит в состав терминов *соёолон шар* ‘четырёхлетний вол (кастрированный бык)’, *соёолон хонь* ‘четырёхлетний баран’ и *хавчиг соёолон* ‘пятилетний конь’;

– монг. *шүдлэн* употребляется в монгольской системе терминов по отношению к достигшим двухлетнего возраста лошадям и коням, бычкам и телкам, баранам и козлам; в окинской системе когнат *шүдлэн* обозначает только лошадей; бычки и телки двух лет на окинском говоре называются *хашираг*; монг. *хашираг* обозначено в [МХТТ 2011] как слово баргутского диалекта и определяется как ‘телка в возрасте между *бярүү* и *гунж*’;

– монг. *ирэг* ‘кастрированный баран пяти лет и старше’; аналогом в окинской системе служит *эрэ хонин*;

– монг. *ухна* ‘козел-производитель’; в окинской системе – *тэхэ*;

– монг. *борлон* ‘ягненок 1-го года’; окинцы до наступления двух лет продолжают называть козлят *эшгэн*;

– монг. *сэрх* ‘кастрированный козел пяти лет и старше’; в окинской классификации для обозначения кастрированных козлов всех возрастов начиная с двух лет используется термин *хиинэг* (ср. монг. *сийнэг* устар. ‘двухлетний козел’);

– монг. *зусаг* используется для овечек и козочек 2–4-х лет; окинский когнат *зуһаг* обозначает только овец и баранов в возрасте одного года.

Заключение

Системы наименований домашнего скота разного пола и возраста не являются застывшими и могут иметь вариации в современных монгольских языках. В монгольском языке и в окинском говоре бурятского языка используются похожие по фонетическому облику термины, являющиеся когнатами (см. табл. 5). Некоторые из них не полностью идентичны по семантике и могут обозначать животных фактически разного возраста. Еще большее расхождение в семантике, чем сдвиг возраста, наблюдается между словами монг. *тэх* ‘дикий горный козел’ и ок. *тэхэ* ‘домашний козел-производитель’, монг. *сийнэг* ‘двухлетний козел’ (устар.) и ок. *хиинэг* ‘кастрированный козел’, монг. *янзага* ‘детеныш сайги или антилопы’ и ок. *инзаган* ‘домашний олененок до 1-го года’.

Объединяет монгольскую и окинскую системы наличие таких категорий терминов, как «вид животного», «приплод», «самец-производитель», «кастрированный самец» и «самка, дающая потомство».

Слова, используемые для обозначения видовых названий животных и приплода первого года жизни, в монгольском языке и окинском говоре бурятского языка фонетически и семантически идентичны.

В монгольском языке система наименований скота разработана более дробно, чем в окинском говоре бурятского языка. Это объясняется различиями в образе жизни и форме скотоводства у монголов и окинских бурят и сойотов.

Таблица 5

Сходные термины монгольской и окинской системы

Table 5

Identical Oka and Mongolian terms

Ок.	Монг.	Перевод
үхэр	үхэр	1) крупный рогатый скот; 2) корова (видовое наименование)
монгол үхэр	монгол үхэр	корова (букв.: монгольская корова) (видовое наименование)
сарлаг	сарлаг	як (видовое наименование)
хайнаг	хайнаг	хайнак (видовое наименование)
ортоомо	ортоом	гибрид самки хайнака и быка или яка (видовое наименование)
тугал	тугал	теленек первого года жизни (любого пола)
хашираг	хашираг	ок. двухлетний теленок (любого пола) монг. барга. двухлетняя телка (между <i>бярүү</i> и <i>гунж</i>)
адуун	адуу	лошадь (видовое наименование)
унаган	унага	жеребенок первого года жизни (любого пола)
хонин	хонь	овца (видовое наименование)
хурьган	хурга	ягненок первого года жизни (любого пола)
ямаан	ямаа	коза (видовое наименование)
эшигэн	ишиг	козленок первого года жизни (любого пола)
дааган	даага	жеребенок-однолетка (любого пола)
бүрүүн	бярүү	теленек-однолетка (любого пола)
түлгэ	төлөг	ок. ягненок-двухлетка (любого пола) монг. ягненок-однолетка (любого пола)
зунаг	зусаг	ок. ягненок-однолетка (любого пола) монг. овечка 2–4-х лет
шүдэлэн	шүдлэн	ок. лошадь-двухлетка (любого пола) монг. 1) лошадь-двухлетка (любого пола); 2) двухлетний крупный рогатый скот любого пола; 3) баран-двухлетка; 4) козел-двухлетка
гунан	гуна	ок. 1) конь-трехлетка; 2) бык-трехлетка монг. 1) верблюд-трехлетка; 2) бык-трехлетка
гунжан	гунж	ок. корова-трехлетка (самка) монг. 1) корова-трехлетка; 2) верблюдица-трехлетка
дүнэн	дөнө	ок. 1) конь-четырёхлетка; 2. бык-четырёхлетка монг. 1) верблюд-четырёхлетка; 2. бык-четырёхлетка
дүнжэн	дөнж	ок. корова-четырёхлетка (самка) монг. 1) корова-четырёхлетка; 2. верблюдица-четырёхлетка
үрээ	үрээ	ок. конь 2–4-х лет монг. конь 5 лет и старше
морин	морь	кастрированный конь
гүүн	гүү	ок. кобыла от трех лет монг. кобыла от пяти лет
шар	шар	кастрированный бык
үнеэн	үнээ	ок. корова от пяти лет монг. корова от четырех лет
эмэ хонин	эм хонь	ок. овца от трех лет монг. овца от пяти лет
эмэ ямаан	эм ямаа	ок. коза от двух лет монг. коза от пяти лет
азарга	азарга	жеребец
буха	бух	бык-производитель
хуса	хуц	валух
тэмээн	тэмээ	верблюд (видовое наименование)
энгин	ингэ	ок. верблюдица любого возраста монг. верблюдица от 4-х лет
ботогон	ботго	ок. верблюжонок монг. верблюжонок до 1-го года
инзаган	янзага	ок. 'домашний олененок до 1-го года

		монг. 'детеныш сайги или антилопы
даспаан	дасван	ок. олененок 1–2-х лет монг. трехлетний северный олень
зари	зарь	кастрированный олень от трех лет
этэр	этэр	олень-производитель
тэхэ	тэх	ок. домашний козел-производитель монг. дикий горный козел
һшинэг	сийнэг	ок. кастрированный козел монг. двухлетний козел (устар.)

Список литературы

- Бадмацыренова С. В. Лексика традиционного хозяйства окинских бурят и сойотов в сопоставлении с монгольской: Дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2006. 157 с.
- Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Т. 3. СПб, 1893. 491 с.
- Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. 194 с.
- Рассадин В. И. Лексические особенности говора окинских бурят // Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка. Улан-Удэ, 1985. С. 3–20.
- Рассадин В. И. Промысловая лексика в говоре окинских бурят // Диалектная лексика в монгольских языках. Улан-Удэ, 1987. С. 3–19.
- Рассадин В. И. Особенности звукового строя языка окинских бурят и сойотов // Звуковой строй монгольских языков. Улан-Удэ, 1989. С. 50–73.
- Рассадин В. И. Животноводческая лексика в языке окинских бурят и сойотов // Проблемы бурятской диалектологии. Улан-Удэ, 1996. С. 45–57.
- Рассадин В. И. О тюркском влиянии на сложение комплекса скотоводческой лексики монгольских языков. Уч. зап. ЗабГГПУ. Серия: Филология, история, востоковедение. Чита, 2009. С. 158–164.
- Рассадин В. И. Тюрко-монгольские названия крупного и мелкого рогатого скота в халха-монгольском языке. *Oriental Studies*. 2015. Т. 8. № 3. С. 107–111.
- Рассадин В. И., Цыренова Д. Б. Лексика материальной культуры окинских сойотов // Проблемы бурятской диалектологии. Улан-Удэ, 1996. С. 58–99.
- Баттулга Ч. Амар байна уу? Монгол орон судлалын унших бичиг [Как поживаете? Учебник по страноведению Монголии]. IV. Улаанбаатар, 2006. 125 с.
- МНТТ – Монгол нүүдэлчдийн тайлбар толь [Энциклопедия кочевого быта монголов]. Улаанбаатар, 2014. 611 с.
- МОТ – Монгол орос толь [Монгольско-русский словарь] / Гл. ред. А. Лувсандэндэв. М., 1957. 715 с.
- МХТТ – Монгол хэлний тайлбар толь [Толковый словарь монгольского языка]. Улаанбаатар: Монсудар, 2011. 1890 с.
- Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь [Краткий словарь монгольского языка]. Улаанбаатар, 1966. 911 с.
- Mostaert A. Dictionnaire Ordos par Antoine Mostaert, C.I.C.M. Seconde Édition. A-Ž. Tables Alphabétiques. New-York; London, 1968. 951 p.

References

- Badmatsyrenova S. V. *Leksika traditsionnogo khozyaystva okinskikh buryat i soyotov v sopostavlenii s mongol'skoy* [Oka Buryat and Soyot traditional household vocabulary compared with Mongolian]. Cand. philol. sci. diss. Ulan-Ude, 2006. (In Russ.)
- Battulga Ch. *Amar baina uu? Mongol oron sudlalyn unshih bichig* [How do you do? A textbook on country studies of Mongolia]. Ulaanbaatar, 2006, 125 p. (In Mong.)
- Golstunskiy K. F. *Mongol'sko-russkiy slovar', sostavlenniy professorom S.-Peterburgskogo universiteta K. F. Golstunskim* [A Mongolian-Russian dictionary compiled by a professor of St.-Petersburg University K. F. Golstunskiy]. St. Petersburg, 1893, vol. 3, 491 p. (In Mong., In Russ.)

Mongol khelnii tailbar toli [Mongolian dictionary]. Ulaanbaatar, Monsudar, 2011, 1890 p. (In Mong.).

Mongol nuudelchdiin tailbar toli [Mongolian Nomadic encyclopedia]. Ulaanbatar, Monsudar, 2014, 611 p. (In Mong.).

Mongol oros toli [Mongolian-Russian dictionary]. A. Luvsandendev (Ed.). Moscow, 1957, 715 p. (In Mong., In Rus.).

Mostaert A. *Dictionnaire Ordos par Antoine Mostaert*. C.I.C.M. 2nd ed. A–Ž. Tables Alphabétiques. New-York, London, 1968, 951 p.

Rassadin V. I. Leksicheskie osobennosti govora okinskikh buryat [Special features of the Oka sub-dialect lexis]. In: *Leksiko-frazeologicheskoe svoeobrazie buryatskogo yazyka* [Lexical-phraseological diversity of the Buryat language]. Ulan-Ude, 1985, pp. 3–20. (In Russ.)

Rassadin V. I. Osobennosti zvukovogo stroya yazyka okinskikh buryat i soyotov [Special phonetic features of the language spoken by Oka Buryats and Soyots]. In: *Zvukovoy stroy mongol'skikh yazykov* [Mongol languages phonetics]. Ulan-Ude, 1989, pp. 50–73. (In Russ.)

Rassadin V. I. O tyurkskom vliyaniy na slozhenie kompleksa skotovodcheskoy leksiki mongol'skikh yazykov [Turkic influence on the formation of cattle breeding vocabulary of the Mongolic languages]. In: *Uchenye zapiski ZabGGPU. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie* [Scholarly notes of Transbaikalian state university. Series: Philology, history, oriental studies]. Chita, 2009, pp. 158–164. (In Russ.)

Rassadin V. I. Promyslovaya leksika v govore okinskikh buryat [Cropping vocabulary of the Oka buryats' subdialect]. In: *Dialektnaya leksika v mongol'skikh yazykakh* [Dialectal lexis in the Mongolic languages]. Ulan-Ude, 1987, pp. 3–19. (In Russ.)

Rassadin V. I. Tyurko-mongol'skie nazvaniya krupnogo i melkogo rogatogo skota v khalha-mongol'skom yazyke [Turkic-Mongolian names of neat and small cattle in the Khalkha Mongolian language]. *Oriental Studies*. 2015, vol. 8, no. 3, pp. 107–111. (In Russ.).

Rassadin V. I., Tsyrenova D. B. Leksika material'noy kul'tury okinskikh soyotov [Material culture vocabulary of the Oka Soyots]. In: *Problemy buryatskoy dialektologii* [Problems of Buryat dialectology]. Ulan-Ude, 1996, pp. 58–99. (In Russ.).

Rassadin V. I. Zhivotnovodcheskaya leksika v yazyke okinskikh buryat i soyotov [Livestock farming vocabulary in the language spoken by Oka Buryats and Soyots]. In: *Problemy buryatskoy dialektologii* [Problems of Buryat dialectology]. Ulan-Ude, 1996, pp. 45–57. (In Russ.)

Tsevel Ya. *Mongol khelnii tovch tailbar toli* [A concise Mongolian dictionary]. Ulaanbaatar, 1966, 911 p. (In Mong.).

Zhukovskaya N. L. *Kategorii i simbolika traditsionnoy kul'tury mongolov* [Categories and symbols in the traditional culture of Mongols]. Moscow, 1988, 194 p. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

11.11.2023

Сведения об авторе

Мазарчук Анна Владимировна – младший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: anja_av@rambler.ru

ORCID 0000-0003-3679-2858

Information about the Author

Anna V. Mazarchuk – Junior Researcher, Institute for Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

E-mail: anja_av@rambler.ru

ORCID 0000-0003-3679-2858

МОРФОЛОГИЯ

УДК 811.512

DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-62-75

Функционально-семантическое поле «Время» в тувинском и монгольских языках (система настоящего времени)

Б. Ч. Ооржак

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Анализируются особенности языковой репрезентации значения настоящего времени в грамматических системах тувинского и монгольских языков – халха-монгольского, бурятского и калмыцкого. Выявлены типологические значимые семантические соответствия в национальных моделях концептуализации настоящего времени: значение настоящего актуального времени осложнено эвиденциальным компонентом засвидетельствованности действия; значение общего настоящего времени включает компоненты длительности действия; на базе значения длительности формируется семантика вне-временности; формы, передающие значение настоящего общего времени, могут выражать также будущее время; формы, исторически выражавшие общее значение непрошедшего времени, в современных языках показывают разную степень специализации в сторону будущего времени.

Ключевые слова

тувинский язык, халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык, функционально-семантическое поле времени, настоящее время, грамматические показатели, временные формы

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 23-18-00659 «Тюрко-монгольский мир Центральной Азии: языковые, исторические, этнокультурные процессы в диахронии и синхронии» (2023–2025 гг., руководитель – Ж. М. Юша).

Для цитирования

Ооржак Б. Ч. Функционально-семантическое поле «Время» в тувинском и монгольских языках (система настоящего времени) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51). С. 62–75. DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-62-75

© Б. Ч. Ооржак, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51)

Functional and semantic field “Tense” in Tuvan and Mongolian languages (Present tense system)

B. Ch. Oorzhak

Institute for Linguistic Studies of the RAS, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract

The article examines how the present tense is linguistically represented in Tuvan and Mongolian languages, specifically Khalkha-Mongolian, Buryat, and Kalmyk, focusing on the unique aspects of this representation. The expression of present tense temporal values shows typological semantic correspondences among the compared languages. Actions and events in the present tense revolve around the moment of speech. The incorporation of fragments from both past and present extends the sphere of the present. The utilization of the present tense can indicate two main aspects. Firstly, it signifies the continuous progression of an action extending from the past to the future. Secondly, it reveals the incompleteness of the action in this context. The present tense can surpass the constraints of time and embody values that are considered timeless. The speaker directly observes the present tense actions, thus actualizing them, with some traces of the historical undifferentiation of the spheres of the present and future time still remaining. To summarize, the present tense in Tuvan and Mongolian languages can be described by the following linguistic features. (1) Adding an evidential component to the present tense makes its meaning more intricate. (2) Aspects of aspectuality are inherent in the common present tense. (3) Timelessness is derived from the aspectual meaning of duration. Modern languages retain elements of the historical blending of present and future tenses, which originally conveyed a general sense of the non-past, but now exhibit varying degrees of specialization towards the future tense.

Keywords

Tuvan language, Khalkha-Mongolian language, Buryat language, Kalmyk language, functional and semantic field of tense, present tense, grammatical indicators, tense forms

Acknowledgements

The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00659 “The Turkic-Mongolian world of Central Asia: linguistic, historical, ethnocultural processes in diachrony and synchrony” (2023–2025, under the leadership of J. M. Yusha).

For citation

Oorzhak B. Ch. Functional and semantic field “Tense” in Tuvan and Mongolian languages (present tense system). *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 62–75. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-62-75

Введение

Интерес к исследованию исторических отношений и вопросов о генетическом родстве монгольских и тюркских языков был и является актуальным [Владимирцов 1911; Санжеев 1964; 1973; Баскаков 1981; Рассадин 1995, 2007, 2008; Тенишев 1997; и др.]. Отмечается, что количество монгольских и тюркских общих элементов в грамматике достигает 50 %, в лексике – 25 % [Котвич 1962: 351].

Языковые связи тувинского и монгольских языков изучались преимущественно с точки зрения сравнительно-исторического и сравнительного языкознания [Татаринцев 1976; Бадарч 2020; Саая, Баярсайхан 2021]. Рассмотрение тувинского и монгольских языков актуально также и с позиции современной антропоцентрической парадигмы. Общность истории, духовной и религиозной культуры, уклада жизни влияет на формирование представлений человека о мире. Материалы данных языков на современном этапе показывают определенную общность выражаемых значений в лексике и грамматике при материальном различии их проявления. И по нашему глубокому убеждению, грамматические показатели, в которых в самом «концентрированном» и синтезированном виде содержатся скрытые языковые смыслы и отношения, являются наиболее выпукло представления о мире того или иного народа, и именно грамматическая система языка показывает особенности концептуализации знаний о мире. Такой взгляд на модальные грамматические системы глагола в тюркских и монгольских языках представлен в статье Б. Ч. Ооржак [2021].

Целью данной статьи является анализ особенностей языковой репрезентации значения настоящего времени как фрагмента реальности в грамматических системах тувинского и мон-

гольских языков. Основой для сопоставительного анализа и выявления семантических принципов организации настоящего времени послужили исследования по тувинскому языку Б. Ч. Ооржак [2014]. Анализ проводится на материале тувинского, халха-монгольского, калмыцкого и бурятского языков. Материал по монгольским языкам получен из имеющихся описаний данных языков.

1. Функционально-семантическое поле настоящего времени в тувинском и монгольских языках

1.1. Всякое действие, явление, состояние, имеющие место в объективной реальности, связаны с непрерывным течением физического времени, в котором события находятся в постоянном движении. Язык концептуализирует, упорядочивает восприятие реального времени по отношению к условному моменту – моменту речи как прошедшее, настоящее и будущее. Языковое время определяется как грамматическая категория глагола, являющаяся специфическим языковым отражением объективного времени и служащая для темпоральной (временной) локализации события или состояния, о котором говорится в предложении [ЛЭС 1990: 89].

Настоящее время характеризуется как определенный отрезок времени, включающий момент речи: актуализируется сам факт наличия того или иного действия в момент речи. Или время действия в настоящем охватывает более или менее обширное временное пространство вокруг момента речи, включая отрезки прошлого и будущего. Само действие в настоящем времени может представляться как длительный поток продолжающегося процесса либо некоторое повторяющееся действие. Представление о наличии действия в настоящем времени говорящий может получить как непосредственно в результате собственного наблюдения и участия, так и другими органами чувств. Поэтому значения форм, входящих во временную систему тувинского языка, являются комплексными, совмещающими в той или иной степени временные, аспектуальные и эвиденциальные значения [Ооржак 2014: 18]. Поэтому в современных тюркских языках временные системы являются многочленными, выделяется по несколько форм в каждой временной сфере: прошедшего (до 5–6 ед.), настоящего (2–3 ед.) и будущего (1–2 ед.).

Системы времен современных монгольских языков также включают временные и аспектуальные характеристики [Дарбеева 1997: 46; Пюрбеев 1997: 80; Яхонтова 1997: 117]. При меньшем количестве временных показателей в монгольских языках по сравнению с тюркскими, обнаруживается обширная система причастий, одним из свойств которых является (как и в тюркских), финитная функция и выражение времени действия. Поэтому при описании временных значений настоящего мы учитываем также значения форм монгольских причастий.

1.2. В сфере настоящего времени в тувинском языке выделяются сложные формы, восходящие к аналитическим формам аспектуального типа, тогда как в монгольских языках настоящее время выражается преимущественно синтетическими формами, а единственный аналитический показатель имеет тенденцию к синтезации.

План настоящего времени в тувинском языке включает три формы, состоящие из форм деепричастий и вспомогательных глаголов: 1) форма настоящего актуального времени на $=n$ *тур* = $\emptyset$ / *олур* = $\emptyset$ / *чор* = $\emptyset$ / *чыдыр* = $\emptyset$; 2) форма настоящего общего времени на $=n$ *турар* / *олурар* / *чорур* / *чыдар*; 3) эвиденциальная форма настоящего времени на $=a$ -дыр. Первыми компонентами выступают две формы деепричастия: слитное ($=a$ / $=\dot{y}$) и соединительное ($=n$). В качестве вторых компонентов используются вспомогательные глаголы, восходящие к глаголам позиции или способа нахождения в пространстве: *тур* = ‘стоять’, *олур* = ‘сидеть’, *чит* = ‘лежать’, а также глагол движения или перемещения в пространстве *чор* = ‘идти, быть в движении’. Образование данных форм имеет разную хронологию: предположительно форма на $=a$ -дыр / $=\dot{y}$ -дыр / $=e$ -дир / $=u$ -дир, более синтезированная в этом ряду, возникла раньше. Элемент -дыр, который в современном тувинском языке стал уже частицей, представляет собой грамматикализованный глагол *тур* = ‘стоять’ [Насилов 1976: 45, 48]. Две последние формы, сохраняющие аналитизм, произошли сравнительно поздно.

Формы настоящего актуального времени образованы на базе «чистых» основ вспомогательных глаголов *тур* = ‘стоять’, *олур* = ‘сидеть’, *чор* = ‘идти, быть в движении’, кроме вспомогательного глагола *чит* = ‘лежать’, который оформлен узким вариантом формы настоящего-будущего времени на $=p$ / $=ar$ / $=\dot{y}p$ / $=up$ / $=ur$ / $=\dot{y}r$ – *чыдыр* =. При этом вспомогательные глаголы в составе форм настоящего общего времени имеют при себе

остальные широкие варианты формы настоящего-будущего времени на *=p*. Узкие и широкие варианты могут дифференцироваться и участвовать в формировании разных грамматических форм [Ширалиев 1997: 165]. Особое оформление вспомогательного глагола *чыл=ыр* и *чыл=ар* в структуре форм настоящего времени «говорит в пользу того, что глагол *чыл=* позже остальных бытийных глаголов втянулся в систему времени тувинского языка» [Ооржак 2014: 102].

Общeturкская синтетическая форма настоящего-будущего времени на *=p* выступает основной самостоятельной формой будущего времени, в определенных контекстах она передает значение настоящего общего времени. На периферии зоны настоящего времени функционирует также форма прошедшего-настоящего времени на *=бышаан / =бишаан / =вышаан / =вишаан / =пышаан / =пишаан*, выражающая действие, начавшееся до момента речи и продолжающееся в настоящее время.

1.3. Значение непроедшего времени в древних монгольских языках передавалось формами на *=м / =муи* и *=нум* [Орловская 1997: 24; Пюрбеев 2012: 133–134]. Исследования показывают, что в современных монгольских языках форма на *=м / =муи* осталась только в монгольском, монгорском и баонском языках в качестве формы будущего времени, а основной формой настоящего-будущего времени выступает форма на *=на / =нам*. Она является полисемантической и передает значения будущего, настоящего общего и настоящего актуального времен [Санжеев 1964: 187]. В сфере настоящего времени функционирует также аналитическая форма, образованная на базе соединительного деепричастия на *=ж* и вспомогательного глагола *бай=* ‘быть’ [Тодаева 1951: 106; Дарбеева 1997: 44; Пюрбеев 1997: 81].

Кроме того, в сфере настоящего времени выделяются причастные формы: в халха-монгольском и бурятском – *=даг / =дэг / =дог* [Бадмаева 2011: 82], в калмыцком – *=дг* [ГКЯ 1983: 212]. В калмыцком и халха-монгольском языках отмечаются также формы на *=а / =э* и *=аа / =гаа*, которые передают длительное действие, начавшееся до момента речи и продолжающееся в момент речи [Там же]. Причастие на *=ха / =х* в бурятском и калмыцком языках выделяется как показатель настоящего-будущего времени, в халха-монгольском – как форма причастия будущего времени [Санжеев 1964: 198].

2. Сфера настоящего времени в тувинском языке

Значения настоящего времени в тувинском языке могут передаваться пятью формами.

2.1. Форма настоящего актуального времени на *=п тур= / олур= / чор= / чыдыр=* употребляется для выражения действия, наблюдаемого говорящим в момент речи. Например:

(1) *Бажыңның хоолайындан ыш үнүп тур.*

бажың=ның	хоолай=ын=дан	ыш	{үн=үп	тур}
дом=GEN	труба=POSS.3=ABL	дым	{выходить=CV	AUX:стоять.PR.3}

‘Из трубы дома выходит дым.’

(2) *Бажың мурнунда хүннээрэкте кырган-авам дааранып олур.*

бажың	мурнун=да	хүннээрэкте	кырган=авам
дом	перед=LOC	освещенное солнцем место=LOC	бабушка=POSS.1
{дааран=ып	олур}		
{шить=CV	AUX:сидеть.PR.3}		

‘На солнышке перед домом бабушка сидит-шьет.’

(3) *Бедикте көк дээрде ак-ак булуттар көжүп чор.*

бедик=те	көк	дээр=де	ак-ак
высота=LOC	синий	небо=LOC	белый-белый
булут=тар	{көж=үп	чор}	
облако=PL	{кочевать=CV	AUX:идти.PR.3}	

‘Высоко в синем небе плывут белые облака.’

(4) *Дуңмам удуп чыдыр.*

дуңма=м	{уд=уп	чыдыр}
братик=POSS.1	{спать=CV	AUX:лежать.PR.3}

‘Мой братик спит.’

2.2. Настоящее общее время на *=n турар / олурар / чоруур / чыдар* обозначает весь спектр длительных временных оттенков, включающих момент речи и границы, раздвигающие его до определенных пределов. Поэтому можно говорить о настоящих неактуальных временах, которые выражают обычные действия и процессы:

(5) *Оглум ийи класста өөренип турар.*

огл=ум ийи класс=та {өөрен=ип тур}=ар
сын=POSS.1 два класс=LOC {учиться=CV AUX:стоять}=PR.3
‘Мой сын учится во втором классе.’

(6) *А хөлдүн үстүү ужун ийи кадарчы ээлеп олурар.*

а хөл=дүн үстүү уж=у=н ийи
а озеро=GEN верхний сторона=POSS.3=ACC два
кадарчы {ээ=ле=п олур}=ар
скотовод {хозяин=VBLZ=CV AUX:сидеть}=PR.3
‘А на верхней части озера два скотовода хозяйничают.’

(7) *Мен дуңмаларымга кандыг-даа таварылгада дузалап чоруур мен.*

мен дуңма=лар=ым=га кандыг-даа
я брат=сестра=PL=POSS.1=DAT любой
таварылга=да {дуза=ла=п чору}=ур мен
ситуация=LOC {помощь=VBLZ=CV AUX:идти}=PR 1
‘Я помогаю своим братьям и сестрам в любой ситуации.’

(8) *Хар эрип чыдар.*

хар {эри=п чыд}=ар
снег {таять=CV AUX:лежать}=PR.3
‘Снег тает.’

2.3. Настоящее эвиденциальное время на *=а-дыр / =е-дир / =и-дир / =ы-дыр / =у-дур / =ү-дүр / =й-дир* передает представление о том, что сообщаемая информация получена из аудио-визуальных источников: то или иное действие субъекта в момент речи находится в поле зрения говорящего (пример 9) или доступно слуховому восприятию (пример 10) (см. об этом подробнее в [Ооржак 2014: 105–111]):

(9) *Кедээр даг баарында аъттыг кижиге көстү-дүр.*

кедээр даг баарында аът=тыг кижиге көст=ү-дүр
вдалеке гора перед конь=POSSV человек виднеться=PR.3
‘Вдалеке под горой виднеется всадник.’

(10) *Аргада дүнеки куш эде-дир.*

арга=да дүнеки куш эд=е-дир
лес=LOC ночной птица кричать=PR.3
‘В лесу кричит (слышно) ночная птица.’

2.4. Формой настоящего-будущего времени на *=р / =ар / =ыр / =ур / =үр* передаются два значения: настоящего общего времени (пример 11) и вневременного действия (пример 12):

(11) *Эртенги үеде авазы инек саап чоруптарга, беш-алды харлыг уруглары өгге отту салыр.*

эртенги үе=де аваз=зы инек {са=ап
утренний время=LOC мать=POSS.3 корова {доить=CV
чор=упт=ар=га} беш-алды хар=лыг уруг=лар=ы
AUX:идти=PFV=PF=DAT} пять-шесть год=POSSV ребенок=PL=POSS.3
өг=ге от=ту сал=ыр
юрта=DAT огонь=ACC разжигать=PR.FUT.3

‘Когда утром мать уходит доить коров, пяти-шестилетние дети (обычно) разжигают в юрте огонь.’

- (12) *Аалга кирген кижиг аяк эриг ызырар, арга кирген кижиг саат дайнаар* (посл.).

аал=га кир=ген кижиг аяк эри=и ызыр=ар
аал=DAT заходить=PP человек пиала край=POSS.3 кусать=PR.FUT.3
арга кир=ген кижиг саат дайна=ар
лес заходить=PP человек смола жевать=PR.FUT.3
‘Зашедший в юрту чай пьет, пошедший в лес смолку жуёт.’

2.5. Формой на =бышаан / =бишаан / =вышаан / =вишаан / =пышаан / =пишаан, которая передает длительное действие, начавшееся до момента речи и продолжающееся в настоящее время, выражается связь настоящего со сферой прошедшего времени. Например:

- (13) *Даштын хар чагбышаан*

даштын хар чаг=бышаан
снаружи снег идти=PAST.PR.3
‘На улице все еще идет снег.’

Поле настоящего времени в тувинском языке основано на базовом значении времени, совпадающем с моментом речи и включающем момент речи. Особенностью тувинского языка является наличие характеристик аспектуальности и эвиденциальности, а также семантика вневременности, формирующаяся на основе значения длительного (обычного) настоящего времени. Семантическая связь настоящего времени с будущим передается формой настоящего-будущего времени на =р, с прошедшим – формой на =бышаан.

3. Сфера настоящего времени в монгольских языках

3.1. В монгольских языках настоящее актуальное время или время действия в момент речи передается аналитической формой на =ж байна (х.монг.), =жа байна (бур.), образованной на базе деепричастия на =ж и вспомогательного глагола бай= ‘быть’. В калмыцком языке она синтезировалась в форму на =жана¹ [Тодаева 1951: 106; Дарбеева 1997: 44; Пюрбеев 1997: 81]:

- (14) х.монг. *Бид эгчидээ очхыг хүсэж байна.*

бид эгч=ид=ээ очх=ыг {хүсэ=ж бай=на}
мы сестра=DAT=POSS.3 ехать=ACC {хотеть=CV AUX:быть=PR}
‘Мы хотим поехать к своей сестре’ [Тодаева 1951: 106].

- (15) бур. *Эжы ном уншажа байна.*

эжы ном {унша=жа бай=на}
мама книга {читать=CV AUX:быть=PR}
‘Мама читает книгу’ [Цыдендоржиева 2016: 50].

- (16) калм. *Не, харһсчнь нанд йир сэн болжана* [КНК, ЭК, ЫХ].

не харһ=сн=чнь нан=д йир сэн бол=жана
ну встречаться=PP=POSS.2 я=DAT очень хорошо AUX:быть=PR
‘Ну, то, что ты встретился, мне очень приятно (букв.: хорошо)’ [Абдуллаев 2021: 9].

¹ Ц. Б. Будаев со ссылкой на записи Г. Ф. Миллера указывает, что в XVIII в. калмыцкая форма настоящего времени на =жана была еще аналитической: *хараджиг байна* ‘видит’, *ябаджиг байна* ‘ходит’ и т. д. Он отмечает, что в современных булагатских говорах бурятского языка прослеживается тенденция к синтезации показателя настоящего времени на =жа байна; наблюдается его параллельное употребление как в аналитической форме (*хуужа байна* ‘сидит’), так и в синтетической (*хуужайна* ‘сидит’) [Будаев 1992: 81]. В южных диалектах бурятского языка, например в речи южноселенгинских и тункинских бурят, произошла синтезация данной формы [Будаев 1992: 81–82; Абашеев 1965: 24]. Но в бурятском литературном и халха-монгольском языках тенденции к синтезации нет [Будаев 1992: 81–82].

Семантика бурятской аналитической формы на =жа байна описывается следующим образом: «При аналитической форме настоящего времени (*хаража байна*) фиксируется внимание на момент совершающегося действия, очевидцем которого является говорящий» [Дарбеева 1997: 44]. В калмыцком языке эта форма обозначает также будущие действия [ГКЯ 1983: 212].

3.2. Во всех монгольских языках имеется полисемантическая форма настоящего-будущего времени на =на / =нэ / =но. Она выражает целый спектр значений: актуального настоящего, общего настоящего, а в пословицах и поговорках относит действие во вневременную сферу [ГКЯ 1983: 206–211; ГБЯ 1962: 263–264; Дамбуева 2019: 6; Санжеев 1964: 123].

3.2.1. Рассмотрим примеры с формой на =на в значении настоящего актуального времени:

(17) бур. *Дарима тоһо барижа ороно.*

Дарима тоһо бари=жа оро=но
Дарима масло держать=CV заходить=PR
'Входит Дарима, держа в руках масло' [Дамбуева 2019: 6].

(18) калм. *Бокта яһад амндан ус балһсн юмн кевтэ сууна...*

Бокта яһад амн=дан ус балһ=сн юмн кевтэ суу=на
Бокта почему рот=LOC вода набирать=PP что как сидеть=PR
'Почему Бокта сидит, как в рот воды набравши...' [Мушаев и др. 2019: 23].

(19) х.монг. *Жаа! гэж цаад хүн хэлээд хоёр гардаж сүсэглэн авна.*

жаа гэ=ж цаад хүн хэл=ээд хоёр гар=да=ж
да говорить=CV DEM человек говорить=CV два рука=VBLZ=CV
сүсэг=лэ=н ав=на
складывать.руки=VBLZ=CV брать=PR
'Да, сказал человек, который стоял за ним, и взял обеими руками.'

3.2.2. Форма на =на в значении настоящего общего времени:

(20) х.монг. *Тамирыг сайжруулах сайнчанарын хоол өгнө.*

тамир=ыг сайжруул=ах сайнчанар=ын хоол өг=нө
здоровье=ACC проправлять=PF доброкачественность=GEN питание давать=PR
'Чтобы поправить здоровье, дают усиленное питание' [Тодаева 1951: 106].

(21) калм. *Мана хальмг улс герт ишкрхд, килнц гинэ* [КНК, ЭК, НХ].

мана хальмг улс гер=т ишкр=х=д килнц ги=нэ
мы=GEN калмыцкий народ дом=LOC свистеть=PRP=DAT грех= говорить=PR
'Калмыцкие люди говорят, что свистеть в доме – это грех' [Абдуллаев 2021: 15].

(22) бур. *Ходо айдаһамни хүрэнэ: газаагуур үйлсөөр буу шуу хүрэхэ, хажуугаар энэ доктор ноёншни харааха.*

ходо айдаһамни хүрэ=нэ газаагуур үйлс=өөр буу шуу
постоянно страх испытывать=PR снаружи улица=INSTR выстрел
хүрэ=хэ хажуу=гаар энэ доктор ноёншни хараа=ха
раздаваться=PR.3 сторона=INTSR этот доктор господин ругать=PR.FUT
'Я все время испытываю страх: то на улице раздаются выстрелы, то тут еще этот господин доктор ругается' [ГБЯ 1961: 264].

3.2.3. Форма на =на употребляется для выражения значения обязательного будущего времени (см. об этом подробнее в [Тодаева 1951: 106; ГКЯ 1983: 211; ГБЯ 1961: 264]).

3.2.4. Форма на =на используется для передачи внемерженного действия:

(23) х.монг. *Хөл хөлдөө түшиг болно. Гар гартаа хүч нэмнэ.*

хөл хөл=д=өө түшиг бол=но гар гар=та хүч нэм=нэ
нога нога=DAT=POSS.3 опора AUX:быть=PR рука рука=DAT сила прибавлять=PR

‘Нога ноге – опора. Рука руке прибавляет силу’ [Тодаева 1951: 106].

(24) бур. *Газар болбол Нарые тойрон эргьедэнэж.*

Газар болбол Нар=ые тойрон эргьедэ=нэ
Земля есть Солнце=ACC вокруг вращаться=PR.3
‘Земля вращается вокруг Солнца’ [ГБЯ 1962: 264].

(25) калм. *Үнн кезэдчн үнндэн үлднэ.*

үнн кезэдчн үнн=д=эн үлд=нэ
правда всегда правда=DAT=POSS.3 оставаться=PR.3
‘Правда всегда остается правдой’ [ГКЯ 1983: 207].

3.3. Формы многократного причастия на =даг / =дэг / =дог (бур.), =дг (калм.) и =даг / =дэг (х.монг) передают обычные, постоянные действия субъекта. В бурятском и калмыцком языках они выражают также значение вневременных действий [Бадмаева 2011: 82; ГКЯ 1983: 212; Тодаева 1951: 140]:

(26) бур. *Энэ үнэр гансал ханза нээхэдэл гутадаг.*

энэ үнэр гансал ханза нээ=хэ=д=эл гута=даг
этот запах только сундук открывать=PF=DAT=PTCL появляться=PR
‘Этот запах появляется только тогда, когда открывают сундук’ [Бадмаева 2011: 82].

(27) калм. *Батаг үзх болндан дөөглдмн.*

Бата=г үз=х болнндан дөөгл=д=мн
Бату=ACC видеть=PF каждый раз насмехаться=PR=PTCL
‘Каждый раз как увидят Бату, издеваются’ [ГКЯ 1983: 213].

(28) х.монг. *Манай улсад малчин ардуудаа их хүндэтгэдэг.*

манай улс=ад малчин ард=ууд=аа их хүндэтгэ=дэг
мой страна=LOC скотовод арат=PL=POSS.3 очень уважать=PR
‘В нашей стране очень уважают аратов-скотоводов’ [Тодаева 1951: 140].

Форму на =дг называют «настоящим качественным временем», так как ее семантика постоянного действия перерастает в указание на постоянный признак-качество по действию [ГКЯ 1983: 213].

(29) калм. *Туула жилд һурв кичглдмн.*

туула жил=д һурв кичгл=д=мн
заяц год=LOC трижды плодиться=PR=PTCL
‘Заяц в году плодится трижды’ [ГКЯ 1983: 213].

(30) бур. *Загаһан уһан соо амидардаг.*

загаһан уһан соо амидар=даг
рыба вода в жить=PR
‘Рыба живет в воде’ [Цыдыпов 1972; цит. по: Рассадин, Трофимова 2010: 137].

Форма на =дг используется в калмыцких пословицах [ГКЯ 1983: 213]:

(31) калм. *Төмрин сээг давтж меддг, мөрнэ довтлж меддг.*

төмр=ин сээ=эг давт=ж мед=дг мөр=нэ довтл=ж мед=дг
железо=GEN благо=ACC ковать=CV знать=PR конь=GEN скакать=CV знать=PR
‘Качество железа познается при ковке, а достоинство коня – в скачке’ [ГКЯ 1983: 213].

3.4. Форма причастия на =х / =ха / =хэ / =хо в монгольском языке выделяется как форма настоящего-будущего времени, в бурятском и калмыцком языках она является формой будущего времени [Санжеев 1964: 187]. Контекстуально в бурятском и калмыцком языках она может

выражать значение настоящего неактуального времени. Например:

(32) бур. *Хэбтэһэн хүн хээли алдаха, ябаһан хүн яһа зууха.* (посл.)

хэбтэ=һэн хүн һээр алда=ха
 лежать=PPR человек живот лишаться=PR.FUT
 яба=һан хүн яһа зуу=ха
 ходить=PPR человек кость грызть=PR.FUT
 ‘Лежащий человек худеет, ходячий человек кость грызет.’

(33) калм. *Күүкд улс гертэ суух, олна көдлми тарад кевтх, тиигж болшиго.*

күүкд улс гер=тэ суу=х олна көдлми
 женщины дом=DAT сидеть=PR.FUT общественная работа
 {тар=ад кевт=х} тиигж болш=го
 {страдать=CV AUX=PR.FUT} так возможно=не

‘Так невозможно, женщины сидят дома, а общественная работа страдает’ [Мушаев 2019: 30].

3.5. Причастные формы длительного действия на =а / =э (калм.) и =аа / =гаа (х.монг.). В калмыцком языке форма на =а квалифицируется как прошедшее-настоящее время, обозначающее действие, начавшееся до момента речи и продолжающееся в момент речи [ГКЯ 1983: 212]. В халха-монгольском языке форма на =аа связана с продолжающимися действиями, охватывающими период до момента речи, включают момент речи и часть будущего времени, выражая широкое настоящее время.

(34) калм. *Кезэ нег цагт бурута-зөвтэһим йилһх гинһэд санад йовав.*

кезэ нег цаг=т бурута-зөвтэ=һи=м йилһ=х
 когда один время=LOC виноватый-правый=ACC=POSS.1 выяснять=PF
 ги=һэд {сана=д йов=а=в}
 говорить=CV {думать=CV AUX:ходить=PR=1}

‘Продолжаю думать, что когда-то все равно выяснят, прав я или виноват’ [ГКЯ 1983: 212].

(35) х.монг. *Хүү, хайчиж яваа вэ?*

хүү хайчиж яв=аа вэ
 мальчик куда идти=PR Q

‘Мальчик, ты куда идешь?’ [Тодаева 1951: 139].

Таким образом, поле настоящего времени в монгольских языках включает шесть форм. Формы на =ж бай=, =на и причастная форма на =даг присутствуют во всех трех описываемых языках; причастные формы на =а (калм.) и =аа (х.монг.) являются показателями длительного действия. Кроме них, значение неактуального настоящего времени может передавать и причастная форма на =х (см. табл. 1).

Таблица 1

Формы настоящего времени в монгольских языках и формируемые ими значения

Table 1

The forms of the present tense in the Mongolian languages and the meanings formed by them

Временные показатели	Значения настоящего времени			Вневрем.	Обязат. будущее
	Наст. актуальн.	Наст. общее	Наст. продолжающееся		
=ж бай=	+	—	—	—	—
=на	+	+	—	+	+
=даг	—	+	—	+	—
=а (калм.)	—	—	+	—	—
=аа (х.монг.)	—	—	+	—	—
=х	—	+	—	+	+

Самым широким значением обладает форма на =на. Значение настоящего актуального времени и эвиденциальное значение прямого наблюдения передаются формами на =ж бай= и =на. Формы на =на, =даг, =х, выражающие настоящее общее время, формируют и значение вневременности. Продолжающиеся незаконченные действия передаются причастными формами на =а и =аа.

Заключение

В тувинской и монгольской языковых культурах обнаруживаются типологически значимые семантические соответствия в концептуализации настоящего времени при различии средств их выражения: настоящее время формируется вокруг момента речи, вмещает фрагменты прошлого и настоящего, передавая предел длительного действия; действия в настоящем времени могут быть наблюдаемы говорящим; настоящее время может «растягиваться», выходя за пределы времени до «вневременных» значений; исторические формы непрошедшего времени обеспечивают связь настоящего с будущим; связь с прошедшим временем показывает форма прошедшего-настоящего длительного времени (см. табл. 2).

Таблица 2

Монгольские и тувинские формы настоящего времени и формируемые ими значения

Table 2

Mongolian and Tuvan forms of the present tense and the meanings they form

Временные значения	Сопоставляемые языки и временные формы			
	калм.	бурят.	х.монг.	тув.
1) настоящее актуальное, наблюдаемое	=жана =на	=жа байна =на	=ж байна =на	=п тур= / олур= / чор= / чыдыр=Ø
2) общее настоящее	=на =дг	=на =даг	=на =даг	=п турар / олурар / чоруур / чыдар
3) настоящее эвиденциальное	—	—	—	=а-дыр
4) вневременное	=на =дг	=на =даг	=на —	=п турар / олурар / чоруур / чыдар =р
5) будущее	=на =х	=на =х	=на	=р
6) прошедшее-настоящее незаконченное	=а	—	=аа	=бышаан

В сфере настоящего времени тувинского и монгольского языков реализуются следующие характеристики: значение настоящего актуального времени осложнено эвиденциальным компонентом засвидетельствованности действия; значение общего настоящего времени включает компонент длительности. На базе данного значения формируется значение вневременности; формы, способные передавать значение настоящего общего времени, могут выражать и будущее время; формы настоящего-будущего времени, первоначально (исторически) обозначавшие недифференцированную общую сферу настоящего и будущего времени, в современных языках показывают разную степень специализации в сторону будущего времени.

Список литературы

- Абашеев Д. А. Тункинский говор // Исследования бурятских говоров / Ред. Ц. Б. Цыдендамбаев, И. Д. Бураев. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1965. Вып. 1. С. 3–34.
- Абдуллаев С. Н., Мушаев В. Н., Озонова А. А. Структура и семантика оценочных полипредикативных конструкций в тюркских и монгольских языках // Модально-оценочные конструкции в монгольских и тюркских языках. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2021. С. 6–23.
- Бадарч Б. Монголизмы в речи тувинцев Северо-Западной Монголии (лексика материальной культуры) // Экосистемы Центральной Азии: исследование, сохранение, рациональное

использование. Материалы XV Убсунурского международного симпозиума / Ред. Ч. Н. Самбыла. Красноярск: Офсет, 2020. С. 337–339.

Бадмаева Ю. Д. Проблемы идентификации времени, вида и наклонения в бурятском языке // Проблемы морфологии и словообразования монгольских языков / Отв. ред. Г. А. Дырхеева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 80–101.

Баскаков Н. А. Алтайская семья языков и ее изучение. М.: Наука, 1981. 136 с.

Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты. Опыт диахронического исследования. Новосибирск: Наука, 1992. 217 с.

Владимирцов Б. Я. Турецкие элементы в монгольском языке // Зап. вост. отд-ния Императорского русского археологического общества. Т. XX. Вып. 2–3. СПб., 1911. С. 169–177.

ГБЯ – Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология / Отв. ред. Г. Д. Санжеев. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1962. 340 с.

ГКЯ – Грамматика калмыцкого языка / Отв. ред. Г. Д. Санжеев. Элиста: Калм. книж. изд-во, 1983. 335 с.

Дамбуева П. П. Категория наклонения как средство выражения объективной модальности в современном бурятском языке // Функционально-семантическое поле модальности (на материале монгольских и тюркских языков) / Ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. С. 5–21.

Дарбеева А. А. Бурятский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 37–51.

Котвич В. М. Исследование по алтайским языкам / Пер. с польск. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 371 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

Мушаев В. Н., Ишеев В. О., Лиджиева Л. А. Функционально-семантическое поле модальности в калмыцком языке // Функционально-семантическое поле модальности (на материале монгольских и тюркских языков) / Ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2019. С. 21–36.

Насилов Д. М. Конструкции *-a + турур* в древнеуйгурском языке // Сибирский тюркологический сборник / Отв. ред. В. А. Аврорин. Новосибирск, 1976. С. 42–48.

Ооржак Б. Ч. Временная система тувинского языка. М.: ЯСК, 2014. 174 с.

Ооржак Б. Ч. Модально-временные системы тюркских и монгольских языков: семантические соответствия // Модально-оценочные конструкции в монгольских и тюркских языках / Ред. В. Н. Мушаев и др. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2021. 152 с. С. 24–48.

Орловская М. Н. Старописьменный монгольский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 18–29.

Пюрбеев Г. Ц. Калмыцкий язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 73–87.

Пюрбеев Г. Ц. Памятник монгольского права XVIII в. «Халха Джирум»: Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.; Калуга: Эйдос, 2012. 270 с.

Рассадин В. И. Тюркские элементы в языке «Сокровенного Сказания Монголов» // «Тайная история монголов»: Источниковедение, филология, история / Отв. ред. Б. З. Базарова, П. Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1995. С. 108–115.

Рассадин В. И. О тюркском влиянии на развитие монгольских языков // Проблемы исторического развития монгольских языков / Отв. ред. П. О. Рыкин. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 105–111.

Рассадин В. И. О монгольских заимствованиях в тюркских языках Южной Сибири // АСТА MONGOLICA / Сост. и ред. И. В. Кульганек. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008. С. 2–6.

Рассадин В. И., Трофимова С. М. О соотношении монгольских и тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 180 с.

Саая О. М., Баярсайхан Б. Монгольские антропонимы в тувинском варианте буддийского сочинения «Улегер-Далай» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 1 (41). С. 132–138.

Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Наука, 1964. 267 с.

Санжеев Г. Д. О тюркско-монгольских лингвистических параллелях // Советская тюркология. 1973. № 6. С. 73–78.

Татаринцев Б. И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 1976. 130 с.

Тенишев Э. Р. Алтайские языки // Языки мира: Тюркские языки. М.: Индрик, 1997. С. 7–16.

Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 196 с.

Цыдендоржиева Б. Д. Практическая грамматика бурятского языка: Морфология. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2016. 80 с.

Цыдыпов Ц. Ц. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 298 с.

Ширалиев М. Ш. Азербайджанский язык // Языки мира. Тюркские языки. М.: Индрик, 1997. С. 160–172.

Яхонтова Н. С. Монгольские языки // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 10–18.

Условные обозначения в глоссах

1 – 1-е лицо, 2 – 2-е лицо, 3 – 3-е лицо, ABL – исходный падеж, ACC – винительный падеж, AUX – вспомогательный глагол, CV – деепричастие, DAT – дательный падеж, DEM – указательное местоимение, GEN – родительный падеж, INSTR – инструментальный (творительный) падеж, LOC – местный падеж, PAST.PR – прошедшее-настоящее время, PF – причастие будущего времени, PFV – законченный вид, PL – множественное число, POSS – посессивность, POSSV – форма обладания, PP – причастие прошедшего времени, PR – настоящее время, PR.FUT – настоящее-будущее время, PRP – причастие настоящего времени, PTCL – частица, VBLZ – транспонирующий суффикс, Q – вопросительная частица.

References

References

Abasheev D. A. Tunkinskiy govor [Tunka dialect]. In: *Issledovaniya buryatskih govorov* [Studies of Buryat dialects]. Ts. B. Tsydendambaev, I. D. Buraev (Eds.). Ulan-Ude, Bur. kn. izd., 1965, iss. 1, pp. 3–34. (In Russ.)

Badarch B. Mongolizmy v rechi tuvintsev Severo-Zapadnoy Mongolii (leksika material'noy ku'tury) [Mongolisms in the speech of Tuvans of Northwestern Mongolia (vocabulary of material culture)]. In: *Ekosistemy Tsentral'noy Azii: issledovanie, sokhranenie, ratsional'noe ispol'zovanie. Materialy 15 Ubsunurskogo mezhdunarodnogo simpoziuma* [Ecosystems of Central Asia: research, conservation, rational use. Proceedings of the 15th Ubsunur International Symposium]. Ch. N. Sambyla (Ed.). Krasnoyarsk, Ofset, 2020, pp. 337–339. (In Russ.)

Badmaeva Yu. D. Problemy identifikatsii vremeni, vida i nakloneniya v buryatskom yazyke [Problems of identification of tense, type and mood in the Buryat language]. In: *Problemy morfologii i slovoobrazovaniya mongol'skikh yazykov* [Problems of morphology and word formation of Mongolian languages]. G. A. Dyrheeva (Ed.). Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2011, pp. 80–101. (In Russ.)

Baskakov N. A. *Altayskaya sem'ya yazykov i ee izuchenie* [The Altai family of languages and its study]. Moscow, Nauka, 1981, 136 p. (In Russ.)

Budaev Ts. B. *Buryatskie dialekty. Opyt diakhronicheskogo issledovaniya* [Buryat dialects. The experience of diachronic research]. Novosibirsk, Nauka, 1992, 217 p. (In Russ.)

Dambueva P. P. Kategoriya nakloneniya kak sredstvo vyrazheniya ob'ektivnoy modal'nosti v sovremennom buryatskom yazyke [The category of mood as a means of expressing objective modality in the modern Buryat language]. In: *Funktsional'no-semanticheskoe pole modal'nosti (na materiale mongol'skikh i tyurkskikh yazykov): monografiya* [The functional and semantic field of modality

(based on the material of the Mongolian and Turkic languages): monograph]. G. C. Pyurbeev (Ed.). Elista, Kalm. Univ. Publ., 2019, pp. 5–21. (In Russ.)

Darbeeve A. A. Buryatskiy yazyk [Buryat language]. In: *Yazyki mira: Mongol'skie yazyki. Tunguso-man'chzhurskie yazyki. Yaponskiy yazyk. Koreyskiy yazyk* [Languages of the world: Mongolian languages. Tungusic-Manchu languages. The Japanese language. Korean language]. Moscow, Indrik, 1997, pp. 37–51. (In Russ.)

Grammatika buryatskogo yazyka. Fonetika i morfologiya [Grammar of the Buryat language. Phonetics and morphology]. G. D. Sanzheev (Ed.). Moscow, Vost. lit., 1962, 340 p. (In Russ.)

Grammatika kalmytskogo yazyka [Grammar of the Kalmyk language]. G. D. Sanzheev (Ed.). Elista, Kalm. knizh. izd., 1983, 335 p. (In Russ.)

Grammatika sovremennogo mongol'skogo yazyka. Fonetika i morfologiya [Grammar of the modern Mongolian language. Phonetics and morphology]. N. K. Dmitriev (Ed.) Moscow, AN SSSR, 196 p. (In Russ.)

Kotvich V. M. *Issledovanie po altayskim yazykam* [Research on the Altaic languages]. Transl. from Polish. Moscow, Izd. inostr. lit., 1962, 371 p. (In Russ.)

Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1990, 685 p. (In Russ.)

Mushaev V. N., Imeev V. O., Lidzhieva L. A. Funktsional'no-semanticheskoe pole modal'nosti v kalmytskom yazyke [The functional and semantic field of modality in the Kalmyk language]. In: *Funktsional'no-semanticheskoe pole modal'nosti (na materiale mongol'skikh i tyurkskikh yazykov): monografiya* [The functional and semantic field of modality (based on the material of the Mongolian and Turkic languages): monograph]. G. Ts. Pyurbeev (Ed.). Elista, Izd-vo Kalm. un-ta, 2019, pp. 21–36. (In Russ.)

Nasilov D. M. Konstruktsii -a + turur v drevneuuygurskom yazyke [Constructions -a + turur in the ancient Uighur language]. In: *Sibirskiy tyurkologicheskiy sbornik* [Siberian Turkological collection]. V. A. Avrorin (Ed.). Novosibirsk, 1976, pp. 42–48. (In Russ.)

Oorzhak B. Ch. Modal'no-vremennyye sistemy tyurkskikh i mongol'skikh yazykov: semanticheskie sootvetstviya [Modal-temporal systems of the Turkic and Mongolian languages: semantic correspondences]. In: *Modal'no-otsenochnye konstruktsii v mongol'skikh i tyurkskikh yazykakh: kollektivnaya monografiya* [Modal-evaluative constructions in Mongolian and Turkic languages: a collective monograph]. V. N. Mushaev (Ed.). Elista, Kalm. Univ. Publ., 2021, 152 p. pp. 24–48. (In Russ.)

Oorzhak B. Ch. *Vremennaya sistema tuvinskogo yazyka: monografiya* [The temporal system of the Tuvan language: monograph]. Moscow, LRC Publishing House, 2014, 174 p. (In Russ.)

Orlovskaya M. N. Staropis'menny mongol'skiy yazyk [Old-written Mongolian language]. In: *Yazyki mira: Mongol'skie yazyki. Tunguso-man'chzhurskie yazyki. Yaponskiy yazyk. Koreyskiy yazyk* [Languages of the world: Mongolian languages. Tungusic-Manchu languages. The Japanese language. Korean language]. Moscow, Indrik, 1997, pp. 18–29. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. Kalmytskiy yazyk [The Kalmyk language]. In: *Yazyki mira: Mongol'skie yazyki. Tunguso-man'chzhurskie yazyki. Yaponskiy yazyk. Koreyskiy yazyk* [Languages of the world: Mongolian languages. Tungusic-Manchu languages. The Japanese language. Korean language]. Moscow, Indrik, 1997, pp. 73–87. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. *Pamyatnik mongol'skogo prava 18 v. "Khalkha Dzhirum": Leksika. Grammatika. Translitoatsiya teksta* [Monument to the Mongolian law of the 18th century. "Khalkha Jirum": Vocabulary. Grammar. Transliteration of the text]. Moscow, Kaluga, Eydos, 2012, 270 p. (In Russ.)

Rassadin V. I. O tyurkskom vliyani na razvitie mongol'skikh yazykov [On the Turkic influence on the development of Mongolian languages]. In: *Problemy istoricheskogo razvitiya mongol'skikh yazykov* [Problems of the historical development of the Mongolian languages]. P. O. Rykin (Ed.). St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2007, pp. 105–111. (In Russ.)

Rassadin V. I. Tyurkskie elementy v yazyke "Sokrovenno Skazaniya Mongolov" [Turkic elements in the language of the "Secret Legend of the Mongols"]. In: *"Taynaya istoriya mongolov": Istochnikovedenie, filologiya, istoriya* ["The Secret History of the Mongols": Source studies, philology, history]. B. Z. Bazarova, P. B. Kononov (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 1995, pp. 108–115. (In Russ.)

Rassadin V. I. O mongol'skikh zaimstvovaniyakh v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoy Sibiri [About Mongolian loanwords in the Turkic languages of Southern Siberia]. In: *ACTA MONGOLICA* I. V. Kul'ganek (Ed.). St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2008, pp. 2–6. (In Russ.)

Rassadin V. I., Trofimova S. M. O sootnoshenii mongol'skikh i tyurkskikh grammaticheskikh elementov v sostave tyurko-mongol'skoy yazykovoy obshchnosti [On the correlation of Mongolian and Turkic grammatical elements in the composition of the Turkic-Mongolian linguistic community]. S. L. Charekov (Ed.). Elista, Kalm. Univ. Publ., 2012, 180 p. (In Russ.)

Saaya O. M., Bayarsaykhan B. Mongol'skie antroponymy v tuvinskom variante buddiyskogo sochineniya “Yleger-Dalay” [Mongolian anthroponyms in the Tuvan version of the Buddhist work “Uleger-Dalai”]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2021, no. 1 (41), pp. 132–138. (In Russ.)

Sanzheev G. D. O tyurksko-mongol'skikh lingvisticheskikh parallelyakh [On the Turkic-Mongolian linguistic parallels]. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1973, no. 6, pp. 73–78. (In Russ.)

Sanzheev G. D. *Sravnitel'naya grammatika mongol'skikh yazykov. Glagol* [Comparative grammar of the Mongolian languages. The Verb]. Moscow, Nauka, 1964, 267 p. (In Russ.)

Shiraliev M. Sh. Azerbaydzhanskiy yazyk [Azerbaijani language]. In: *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [Languages of the world. Turkic languages]. Moscow, Indrik, 1997, pp. 160–172. (In Russ.)

Tatarintsev B. I. *Mongol'skoe yazykovo vliyaniye na tuvinskuyu leksiku* [Mongolian linguistic influence on Tuvan vocabulary]. Kyzyl, Tuvin. kn. izd., 1976, 130 p. (In Russ.)

Tenishev E. R. Altayskie yazyki [Altaic languages]. In: *Yazyki mira: Tyurkskie yazyki* [Languages of the world: Turkic languages]. Moscow, Indrik, 1997, pp. 7–16. (In Russ.)

Todaeva B. Kh. *Grammatika sovremennogo mongol'skogo yazyka* [Grammar of the modern Mongolian language]. Moscow, AN SSSR, 1951, 196 p. (In Russ.)

Tsyndendorzhieva B. D. *Prakticheskaya grammatika buryatskogo yazyka. Morfologiya* [Practical grammar of the Buryat language. Morphology]. Ulan-Ude, Buryat. Univ. Publ., 2016, 80 p.

Tsydypov Ts. Ts. *Analiticheskie konstruktzii v buryatskom yazyke* [Analytical constructions in the Buryat language]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1972, 298 p. (In Russ.)

Vladimirtsov B. Ya. Turetskie elementy v mongol'skom yazyke [Turkish elements in the Mongolian language]. In: *Zap. vost. otd-niya Imperator-skogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society]. St. Petersburg, 1911, vol. XX, no. 2–3, pp. 169–177. (In Russ.)

Yakhontova N. S. Mongol'skie yazyki [Mongolian languages]. In: *Yazyki mira. Mongol'skie yazyki. Tunguso-man'chzhurskie yazyki. Yaponskiy yazyk. Koreyskiy yazyk* [Languages of the world. Mongolian languages. Tungusic-Manchu languages. The Japanese language. Korean language]. Moscow, Indrik, 1997, pp. 10–18. (In Russ.)

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
9.11.2023*

Сведения об авторе

Ооржак Байлак Чаиш-ооловна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: oorzhak.baylak@mail.ru

ORCID 0000-0001-8373-9107

Information about the Author

Baylak Ch. Oorzhak – Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russia)

E-mail: oorzhak.baylak@mail.ru

ORCID 0000-0001-8373-9107

ОРФОГРАФИЯ

УДК 811.512:81'34

DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-76-92

Проект письменности для исчезающего бесписьменного алюторского языка

Т. А. Голованева

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

К 20-м гг. XXI в. произошла стихийная унификация авторских вариантов алюторской письменности. В статье представлен анализ того варианта, который, судя по публикациям, к настоящему моменту негласно стал доминирующим. Вслед за русской системой письма для алюторской орфографии релевантны фонематический (на основе кириллического алфавита), слоговой и морфологический принципы. Востребованным оказался и традиционный (исторический) принцип, в соответствии с которым на письме отражаются глоттальный [ʔ] и эпиглоттальный [ʕ] смычные согласные. Эти согласные звуки современными алюторцами не артикулируются, но были характерны для речи монолингвов вплоть до начала XXI в. Таким образом, орфографическая запись не всегда соответствует современному звучанию алюторского слова, что вызывает определенные сложности при чтении. Система алюторской письменности развивается по инициативе составителей фольклорных сборников и лингвистов как некая система, замкнутая сама в себе, не претендующая на общественное признание и широкое распространение. Однако в ней есть и логика, и системность, что позволяет использовать ее в дальнейшем и считать нормативной.

Ключевые слова

чукотско-камчатские языки, алюторский язык, корякский язык, миноритарные языки, письменность, правила орфографии

Благодарности

Автор статьи благодарит Н. С. Уртегешева и О. Н. Морозову за ценные комментарии и за организацию трех фонетических онлайн-семинаров, посвященных проблемным вопросам фонетики алюторского языка.

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 23-28-00863 «Вариативность графики на бесписьменных языках и проблема передачи языка в его письменной форме (на примере чалканского и алюторского языков)» (2023–2024, руководитель – Н. Н. Федина)

Для цитирования

Голованева Т. А. Проект письменности для исчезающего бесписьменного алюторского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51). С. 76–92. DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-76-92

© Т. А. Голованева, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51)

The writing system project for the endangered unwritten Alutor language

T. A. Golovaneva

Institute of Philology of the Siberian Branch RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

The purpose of the article is to organize the graphic and orthographic patterns found in Alutor language publications, establish fundamental rules for Alutor writing, and provide a theoretical rationale for them. The text examined in the analysis comprised a series of books written in Alutor. The Alutor script was created under the influence of the dominant Russian and Koryak writing systems. A fundamental aspect involves phonemic representation utilizing the Cyrillic alphabet alongside specific national characters and graphical combinations Б', Г', Ы, and Ъ. Following the syllabic principle, the letters Е, Ё, Ю, and Я, as well as hard and soft signs, are utilized. The challenge is how to depict the super-short vowel sound [ə] in writing through the use of the letter Ъ. The representation of glottal [ʔ] and epiglottal [ʕ] consonants in written form poses challenges as well. Until the start of the 21st century, these consonants were a defining element of monolingual speech. Nonetheless, the impact of Russian language phonetics caused a reduction in glottal and epiglottal consonants. The morphological principle, concerning the duplication of consonants at morpheme boundaries, is significant in the context of the Alutor script. The analysis revealed the unification of the author's variants of the Alutor script by the 1820s of the 19th century. The graphical and orthographic system of the Alutor language was developed without normative guidelines by editors of national texts and linguists.

Keywords

Chukotka-Kamchatka languages, Alutor language, Koryak language, minority languages, writing systems, orthography

Acknowledgements

The author of the article would like to thank N. S. Urtegeshev and O. N. Morozova for their valuable comments and for organizing three on-line phonetic seminars on problematic issues of the phonetics of the Alutor language.

The research was conducted with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00863 "Graphic variability in unwritten languages and the problem of language in its written form (on the example of the Chalkan and Alutor languages)" (2023–2024, under the leadership of N. N. Fedina).

For citation

Golovaneva T. A. Proekt pis'mennosti dlya ischezayushchego bespis'mennogo alyutorskogo yazyka [The Writing System Project for the Threatened Unwritten Alutor Language]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 76–92. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-76-92

Введение

Алюторский язык входит в состав чукотско-корякской языковой семьи¹. Нам нем говорят коряки-нымыланы – представители одного из коренных субэтносов Камчатского полуострова. По мнению лингвистов-полевиков, численность носителей алюторского языка в настоящее время (в начале 20-х гг. XXI в.) составляет около ста человек².

Алюторский язык до сих пор формально остается бесписьменным, так как нормативного варианта алюторской письменности для него нет. В то же время с 1993 по 2024 г. было опубликовано более 20-ти книг, в которых представлены фольклорные, автобиографические и даже литературные тексты на алюторском языке³. В процессе подготовки текстов к изданию каждый

¹ Чукотско-корякская языковая семья объединяет четыре близкородственных языка: чукотский, корякский, алюторский, керекский [Бурлак, Старостин 2005: 341]. Чукотский, корякский, алюторский – живые языки, керекский характеризуется как исчезнувший в период с 1991 по 2005 г. Данная информация представлена в официальном документе «Список языков России в итогах Всероссийской переписи населения» от 28.12.23 г. [URL: [Tom5 Spisok yazykov.doc \(live.com\)](https://tom5.spisok.yazykov.doc.live.com)].

² Такую оценку дала японская исследовательница алюторского языка Юкари Нагаяма 15 сентября 2021 г. во время своего онлайн-доклада на конференции «XXIX-е Дульзоновские чтения. Комплексное изучение языков и культур аборигенных народов Сибири». Камчатский специалист по алюторскому языку А. А. Сорокин в устной беседе согласился, что эта оценка (около ста человек) соответствует реальности.

³ Список публикаций на алюторском языке представлен в статье [Голованева 2023].

из составителей создавал авторскую систему письма, опираясь на свое чувство родного (алютторского) языка и принципы русской письменности. Чрезвычайно интересно, что к началу 2020-х гг. первоначальный хаос авторских вариантов стал выстраиваться в единую систему⁴.

Цель статьи – систематизировать графико-орфографические тенденции, характерные для публикаций на алуторском языке, сформулировать основные принципы алуторской письменности, а также дать им теоретическое обоснование.

Материалом для анализа послужили опубликованные тексты, подготовленные к изданию В. М. Нутаюлгиным⁵ и А. А. Сорокиным⁶, носителями алуторского языка, серия публикаций японской лингвистики Юкари Нагаяма⁷, а также полевые расшифровки А. А. Мальцевой⁸.

Публикации на алуторском языке, предназначенные для широкого круга читателей, опираются на кириллический алфавит, исключение составляет корпус текстов в лингвистическом исследовании «Язык и фольклор алуторцев» [Кибрик и др. 2000], в котором национальные тексты представлены в упрощенной фонологической записи на латинице с дополнительными транскрипционными символами.

Проведенный нами опрос показал, что людям латиница совершенно не понятна. Все современные потомственные носители алуторского языка (коряки-нымылань) отлично владеют навыками чтения и письма по-русски, поэтому при записи и публикации текстов на алуторском языке используют правила русской письменности.

1. Применение фонематического принципа на основе русского алфавита

⁴ Значимым событием для развития алуторской письменности стало обсуждение проекта графики участниками инициативной группы в г. Петропавловске-Камчатском в июне 2010 г. В состав группы вошли носители алуторского языка В. М. Нутаюлгин, М. Н. Аммик, А. А. Сорокин и специалист по алуторскому языку А. А. Мальцева. В ходе обсуждения решили, что эпиглоттальный смычный согласный [ʕ] следует обозначать графическим сочетанием Г' ('гэ с апострофом') по аналогии с корякской системой письма. Для обозначения глоттального смычного согласного [ʔ] посчитали целесообразным использовать твердый и мягкий знаки (в зависимости от качества предшествующего согласного звука). Фрикативный согласный [χ] предполагалось обозначать буквой Ф ф ('гэ с чертой'), по аналогии с письменностью тюркских языков РФ, а сверхкраткий гласный [ə] – фонетическим символом Э ('шва'). Разработанную графико-орфографическую систему с 2010 по 2014 г. последовательно применял В. М. Нутаюлгин при публикации статей на алуторском языке в газете «Абориген Камчатки» (см. рис. 3), а также при подготовке к изданию текстов Кирилла Килпалина [Килпалин 2010: 196–222; см. рис. 2], частично данную систему использовал А. А. Сорокин [Сорокин 2015, Мифологические сказки 2017; см. рис. 4]. Однако читатели из числа коряков-нымылань и коряков-чавчуменов крайне негативно восприняли введение новых символов. Предложенная графика показалась читателям непонятной. В итоге все участники инициативной группы отказались от разработанной ими системы, но результаты этого графико-орфографического эксперимента не исчезли бесследно. В частности, японская лингвистка Юкари Нагаяма при подготовке первого тома из серии своих экспедиционных материалов, записанных от коряков-нымылань, также решила использовать сочетание Г' ('гэ с апострофом') для обозначения эпиглоттального смычного [ʕ], а для глоттального смычного [ʔ] – твердый и мягкий знаки [Нагаяма 2015]. В остальном Юкари Нагаяма стала руководствоваться правилами корякской письменности. В частности, сверхкраткий гласный она последовательно стала обозначать буквой Ё, а фрикативный согласный [χ] – русской буквой Г. После выхода публикаций, подготовленных Юкари Нагаяма, другие редакторы и исследователи (В. М. Нутаюлгин, А. А. Сорокин, А. А. Мальцева) отчасти согласились опираться на предложенную графико-орфографическую систему (см. рис. 5, 6).

⁵ Нутаюлгин Владимир Михайлович (алуторское имя *Нутаюлгын*), род. в 1964 г. в с. Вывенка Олуторского района Корякского национального округа, журналист, носитель алуторского языка, соавтор «Нымьланско-русского словаря» [Нагаяма и др. 2017; Нагаяма и др. 2019].

⁶ Сорокин Анатолий Анатольевич (алуторское имя *Юргыкамак*), род. в 1984 г. в с. Тилички Олуторского района Корякского автономного округа, лингвист, руководитель центра межкультурных коммуникаций и этнолингвистических исследований Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга.

⁷ Нагаяма Юкари, лингвист, специалист по алуторскому языку, составитель и редактор нымьланско-русского словаря, а также 5-ти выпусков экспедиционных материалов.

⁸ Мальцева Алла Александровна (1968–2018), лингвист, специалист по чукотско-корякским языкам. Работы А. А. Мальцевой представлены на официальном сайте Института филологии СО РАН. Вкладка «Сектор языков народов Сибири» > «Сотрудники сектора» > «Архивные страницы» [URL: <https://www.philology.nsc.ru/departments/siblang/people/maltseva.php>].

Одним из опорных принципов русской орфографии (а вслед за ней и алюторской) является фонематический (звукобуквенный), при котором та или иная фонема обозначается определенной буквой. В тех случаях, когда алюторская фонема сопоставима по своему звучанию с русской, ее отражение на письме при помощи соответствующей буквы русского алфавита воспринимается как самоочевидное: *átun* [atun] ‘пожалуй’, *áluk* [aluk] ‘собирать ягоды’, *amálka* [amalka] ‘хорошо, ладно’, *várat* [varat] ‘народ’, *núral* [nural] ‘снова’, *mátul* [tatul] ‘лиса’.

Алюторские согласные звуки речи [w], [q], [ŋ] не имеют полных соответствий в русской фонологической системе, однако отражение на письме данных фонем не вызывает затруднений, что обусловлено влиянием норм письменности близкородственного корякского языка, в котором для данных согласных используются обозначения В', Ъ, Ы соответственно.

В отличие от смычного взрывного русского [g], в алюторском и корякском языках звук [ɣ] фрикативный, однако на письме он передается буквой Г. Это обозначение было принято в первой корякской книге на кириллице [Жуков 1938] и используется до сих пор.

Таким образом, алюторский алфавит, как и корякский, составлен на базе русского (кириллического) алфавита с добавлением национальных букв и графических сочетаний В', Г', Ъ, Ы.

В алюторской письменности диграф В' обозначает лабиальный полугласный сонорный [w]⁹, буква Ъ обозначает увулярный смычный шумный согласный [q], буква Ы – велярный назальный сонорный согласный [ŋ], сочетание Г' обозначает эпиглоттальный смычный согласный [ʕ].

Даже не зная правил чтения и письма на национальном языке, члены корякско-алюторского языкового сообщества интуитивно понимают, какие звуки обозначены буквами Ъ, Ы, В'¹⁰. Чтение национальных слов с этими буквами сложностей не вызывает: *v'ácaɣ* [wasaq] ‘иногда’, *v'ánaɣ* [wapaq] ‘мухомор’, *v'ála* [wala] ‘нож’, *ɣánap* [qapaŋ] ‘росомаха’, *ɣamáɣa* [qamaŋa] ‘миска’, *ɣuɣluk* [quqluk] ‘продырявить’, *ɣávaɣ* [ŋavaq] ‘если’, *ɣétay* [ŋetaŋ] ‘до свидания’.

В составе корякского и алюторского алфавитов также имеется графическое сочетание Г', однако оно воспринимается носителями корякского и алюторского языков крайне негативно. Показательно, что графическое сочетание Г' применяется только в печатных изданиях. В рукописных материалах оно отсутствует.

2. Опора на традиционный (исторический) принцип письма

В лексемах, имеющих общее для корякского и алюторского языков происхождение, корякскому гортанному (=ларингальному)¹¹ фрикативному согласному [ʕ] (на письме он обозначается Г') соответствуют два алюторских смычных согласных, которые между собой различаются по месту образования: глоттальный смычный [ʔ] и эпиглоттальный смычный [ʕ]. Например, коряк. яз. [ʕujemtew'ilʕən], алютор. яз. [ʕujemtew'ilʔən] ‘человек’. Эту закономерность установили С. В. Кодзасов, И. А. Муравьева, А. Е. Кибрик в ходе фонетического исследования 1971 г. в с. Вывенка. Результаты работы были представлены ими в монографии «Язык и фольклор алюторцев» [Кибрик и др. 2000]. В этом же издании опубликован алюторско-русский словарь, в котором отражены примеры употребления глоттального и эпиглоттального смычных согласных в корневых и аффиксальных морфемах алюторского языка. В соответствии с символами международного фонетического алфавита, эти фонемы были обозначены следующим образом: [ʔ] (глоттальный смычный) и [ʕ] (эпиглоттальный смычный). После публикации в 2000-м г. алюторско-русского корневого словаря появилась возможность опираться на упрощенную фонологическую транскрипцию, представленную в нем, для дифференциации глоттального и эпиглот-

⁹ Характеристики алюторских фонем даны в соответствии с результатами исследования, проведенного в 1971 г. С. В. Кодзасовым, И. А. Муравьевой, А. Е. Кибриком [Кибрик и др. 2000: 182].

¹⁰ Свидетельством «народного признания» букв Ъ, Ы, служит тот факт, что они используются даже в электронной переписке, хотя стандартная клавиатура гаджетов опирается на графику русского языка. Для обозначения национальных букв Ъ и Ы носители корякского и алюторского языков используют дополнительные знаки, имеющиеся в стандартной раскладке. Так, национальную букву Ъ обозначают как «К'» или «К», букву «Ы» обозначают как «Н'» или «Н».

¹¹ В 1970-е гг. корякский гортанный согласный [ʕ] определяли как звук фарингального (глоточного) образования [Жукова 1972: 11]. Данная артикуляционная характеристика была дана неверно, что объясняется отсутствием в то время необходимой для исследования аппаратуры (устный комментарий Н. С. Уртегешева).

тального смычных согласных на письме, так как в настоящее время на слух это сделать невозможно.

Специалист по фонетике сибирских языков Н. С. Уртегешев¹² в 2019 г. по просьбе А. А. Мальцевой на основе подобранных ею аудиопримеров провел фонетическое исследование, посвященное специфике эпиглоттального смычного согласного в инициальной позиции в речи Веры Васильевны Васагиргиной (1944 г. р.), для которой алютторский был доминирующим языком общения. Проведенный анализ показал, что отражение на письме эпиглоттального согласного является обоснованным, так как он характеризуется специфическими характеристиками [Уртегешев, Мальцева 2019]. Кроме того, данный согласный имеет фонологический статус. В качестве примера приведем пару: [irək] ‘задеть что-то, ударившись’ – [ʕirək] ‘перейти реку вброд’. Проблема состоит в том, что в речи более молодых носителей алютторского языка эпиглоттальный смычный звучит иначе. Это изменение субъективно ощущается на слух.

В марте 2024 г. на трех Международных онлайн-семинарах по экспериментальной фонетике под руководством О. Н. Морозовой¹³ и Н. С. Уртегешева было проведено фонетическое исследование (акустико-артикуляционное и слуховое), посвященное глоттальному и эпиглоттальному смычным согласным в речи носителей алютторского языка. Объектом изучения стали аудиоматериалы, записанные от Лидии Иннокентьевны Чечулиной, 1957 г. р., уроженки с. Анапка Карагинского района Корякского автономного округа. Выбор диктора не случаен. Л. И. Чечулина отлично владеет алютторским языком, сохранила особенности национального произношения, легко вступает в диалог на алютторском языке, рассказывает монологические тексты, была лично знакома с В. В. Васагиргиной.

Оказалось, что у Л. И. Чечулиной, в отличие от В. В. Васагиргиной, существенно ослаблена артикуляция. На основе проведенного фонетического анализа Н. С. Уртегешев установил, что в речи Л. И. Чечулиной «на месте эпиглоттального смычного отмечается небольшая пауза (продолжительный глоттальный смык), который можно характеризовать как напряженный приступ в преддверие гласного»¹⁴. Как считает исследователь, «редукция алютторского согласного обусловлена влиянием русской фонетики». Фонетическое изменение закрепилось в языке буквально за одно поколение. Так, для поколения алютторцев 1930–40-х гг. р. доминирующим языком общения был алютторский, русским они владели слабо. В их речи эпиглоттальный смычный звучал отчетливо. Совсем иная ситуация владения языком у следующего поколения.

Все алютторцы конца 1950-х гг. р. и моложе прошли обучение в русских школах-интернатах, поэтому отлично владеют русским языком, живут в русскоязычной среде, доминирующим языком общения для них является русский. В связи с этим, как объясняет Н. С. Уртегешев, в языковой практике алютторцев стали преобладать артикуляционные навыки русской речи, в итоге изменилась звуковая палитра рассматриваемого языка... Ранее в алютторском языке артикуляция эпиглоттального смычного согласного производилась черпалонадгортанными складками и надгортанником [Уртегешев, Мальцева 2019: 27]. Однако в русской фонетике нет звуков, которые требуют активной работы этих органов речевого аппарата. Не будучи задействованными, они перестали работать так, как это необходимо для произнесения эпиглоттального смычного согласного¹⁵. Сложность состоит в том, что при произнесении алютторского [ʕ] работа черпалонадгортанных складок требует больших усилий и напряжения, крайне трудно подчиняется волевому контролю. То есть, «вернуть» данные звуки в фонетическую систему современного устного алютторского языка уже невозможно¹⁶.

¹² Уртегешев Николай Сергеевич – доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории экспериментальных фонетических исследований им. В. М. Наделяева сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН.

¹³ Морозова Ольга Николаевна – доктор филол. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Амурского государственного университета, научный сотрудник лаборатории экспериментальных фонетических исследований Амурского государственного университета.

¹⁴ Устный комментарий Н. С. Уртегешева.

¹⁵ Изучению специфики эпиглоттального и глоттального смычных согласных в алютторском языке было посвящено три фонетических онлайн-семинара 13, 22 и 29 марта 2024 г. под руководством Н. С. Уртегешева и О. Н. Морозовой.

¹⁶ В ходе лингвистических интервью носители алютторского языка все же стараются произносить данные звуки, что требует значительных усилий, поэтому в потоке беглой речи эти согласные исчезают.

Таким образом, обозначение эпиглоттального и глоттального смычных согласных в настоящее время (в 20-е гг. XXI в.) опирается не на фонетический принцип, а на традиционный (исторический). Исходный посыл этой орфографической традиции таков: глоттальный и эпиглоттальный согласные звуки следует отражать на письме, так как их наличие было экспериментально зафиксировано в речи алуторцев-монолингвов в 1970-е гг. Список корневых и аффиксальных морфем с указанием глоттальных и эпиглоттальных смычных содержится в Алуторско-русском словаре [Кибрик и др. 2000: 290–461].

Традиция обозначать глоттальный и эпиглоттальный смычные согласные на письме объясняется стремлением редакторов отражать «исконную» алуторскую речь (такую, какой она была до влияния русской фонетики), в которой глоттальный и эпиглоттальный смычные действительно присутствовали. Аналогичная ситуация наблюдается и в фонетической системе корякского языка.

Для корякского языка проблемным остается обозначение гортанного (глоттального или пликального) фрикативного согласного вибранта [ʃ̚]¹⁷, который не имеет аналога в русской фонетике. Этот согласный обозначается при помощи сочетания Г' ('гэ с апострофом')¹⁸. К настоящему времени исконный корякский согласный [ʃ̚] стал произноситься менее напряженно, нередко редуцируясь просто до небольшого глоттального импульса. По этой причине, тем, кто изучает корякскую письменность, не всегда понятно, какой звук обозначается сочетанием Г' – они его и не слышат, и не произносят. Показательно выступление на конференции Валентины Романовны Дедык¹⁹, учителя-методиста корякского языка, которая в своем докладе рассказывала о сложностях преподавания: «Студенты у меня спрашивают, зачем в слове *g'ymt'yn* 'собака' писать Г'?»²⁰ Этот вопрос прозвучал как риторический, не имеющий ответа. На наш взгляд, ответить на него можно следующим образом: «В слове *g'ymt'yn* пишется Г' по традиции. Исконно в данном корякском слове звучал гортанный (глоттальный или пликальный) щелевой согласный [ʃ̚]. Именно так коряки-чавчувены произносили это слово раньше, до перехода на русский язык». В настоящее время на месте [ʃ̚] звучит «мягкий» глоттальный приступ, поэтому можно было бы отказаться от «неудобного» графического сочетания Г'. С одной стороны, такое упрощение корякской орфографии сделает записи национальных слов более понятными, приближенными к современному звучанию. С другой, реформирование графики всколыхнет сообщество учителей и методистов корякского языка, а также перечеркнет созданную к настоящему времени всю линейку учебников по этому предмету. Кроме того, нет никаких оснований полагать, что реформа графики сделает корякскую письменность востребованной и популярной.

Корякская письменность далеко не всем понятна, но ей присуща системность, поэтому редакторы алуторских текстов взяли ее за основу. Опираясь на графику, разработанную для корякского языка, редакторы (В. М. Нутаюлгин, А. А. Сорокин), а также лингвисты (Ю. Нагаяма А. А. Мальцева) при публикации материалов на алуторском языке стали использовать корякское обозначение Г' для отражения на письме эпиглоттального смычного согласного [ʃ̚]: *g'umug'um* [ʃ̚ituʃ̚it] 'гусь', *g'onpa* [ʃ̚opta] 'тоже', *g'oro* [ʃ̚oro] 'потом'.

Графическое сочетание Г' резко критикуют и коряки-чавчувены, и коряки-нымыланы, однако редакторы национальных текстов и лингвисты последовательно применяют данное обозначение, не обращая внимания на негативную реакцию со стороны местного национального со-

¹⁷ Характеристика корякского согласного звука [ʃ̚], а также его обозначение даны Н. С. Уртегешевым.

¹⁸ Данное графическое сочетание впервые было использовано в 1960-м г. при издании корякско-русского словаря [Молл 1960], однако это обозначение до сих пор вызывает резкую критику со стороны носителей корякского языка. Они читают обозначение Г' как русский согласный [g], вследствие чего не могут опознать слово при чтении. Например, слово *g'el'uc* [ʃ̚el'uc] 'кукла' читают как [gel'uc], *g'ag'ak* [ʃ̚aʃ̚ak] 'тащить' – как [gag'ak].

¹⁹ Валентина Романовна Дедык, в девичестве Ивкава, 1961 г. р., уроженка с. Верхние Пахачи Олуторского района Корякского национального округа, первый освоенный язык – корякский. Кандидат филологических наук, ученица А. Н. Жуковой, автор серии учебников и методических пособий по корякскому языку.

²⁰ Выступление В. Р. Дедык с докладом «История, современное состояние и развитие литературного корякского языка» состоялось 18 октября 2023 г. в Камчатском государственном университете им. Витуса Беринга в рамках конференции «Сохраняя прошлое, создаем будущее».

общества. Таким образом, система алюторской письменности развивается по инициативе редакторов, составителей фольклорных сборников, лингвистов как некая система, замкнутая сама в себе, без учета запросов носителей алюторского и корякского языков.

Нормативное для корякской письменности обозначение сверхкраткого гласного [ə] буквой Ы применяется в подавляющем большинстве публикаций на алюторском языке. Сложность ситуации состоит в том, что носители корякского и алюторского языков при чтении слов с буквой Ы произносят соответствующий звук как долгий [i], так как опираются на правила чтения по-русски, и в результате не могут опознать прочитанное слово. Например, в отредактированном алюторском тексте слово [məri] ‘потому что’ пишется как *мыри*, соответственно, его читают: *мы-ри* [mɪr'i]. В самозаписях данное слово выглядит как: *мри*.

В авторских текстах алюторцев мы сплошь и рядом видим примеры пропуска редуцированного гласного на письме. Так, в сборнике конкурсных сочинений без редакторской правки было опубликовано автобиографическое воспоминание Л. А. Котавыниной [Котавынина 2020: 37]. Ориентируясь на свое чувство родного алюторского языка, Л. А. Котавынина не стала отражать сверхкраткий гласный [ə] на письме: *амкка* ‘много’ ([amkəka]), *эм* ‘я’ ([yəmmə]), *уанк* ‘там’ ([ʔanək]). Данный фонетико-орфографический феномен описали еще московские лингвисты в ходе своего полевого исследования 1971 г.: «Интересно отметить, однако, что алюторцы не ощущают ə как элемент своего произношения, независимо от того, вставляется ли он по стандартным правилам или его позиция в морфеме фиксирована. “Субъективные” слова алюторцев могут состоять только из согласных, при этом алюторцы хорошо делят слово на слоги: *pəŋəllə* ‘известие’ ощущается как [p|ŋ|l|l]» [Кибрик и др. 2000: 179].

В отредактированных алюторских текстах используются написания: *лыгу*, *пыса*, *мыри*, однако согласно правилам русской письменности, логичнее писать *лгу*, *пса*, *мри*..., так как длительность сверхкраткого гласного [ə] не ощущается достаточной для того, чтобы обозначать гласный звук буквой Ы.

Отказаться от обозначения сверхкраткого гласного на письме тоже не представляется возможным, иначе придется согласиться с таким вариантом записи, в котором отражаются только согласные: *Ркнк** ‘в Рекинниках’ (*Рыкыннык*), **ылџыл* ‘сон’ (*ыылџыйыл*), *нул* ‘новость’ (*пынул*). Подобный вариант записи слова противоречит правилам русской системы письма, принципы которой стали основополагающими и для алюторской.

К настоящему времени в алюторской системе письма все больше проявляется унификация вариантов отражения сверхкраткого гласного на письме. Так, в словаре имен собственных В. М. Нутаюлгин последовательно обозначает гласный [ə] буквой Ы. Например, в мужских именах: *Тыналџут* [təŋalqut], *Тынатвил* [təŋatv'il], в женских именах: *Кытџа* [kətʃa], *Нывилџав'ыт* [nəv'ilɣawət] [Нутаюлгин 2020]. В издании 2021 г. А. А. Сорокин также для обозначения сверхкраткого гласного использует букву Ы: *ыгы* ‘смотри’ [Сказки из Анапки 2021: 9], *тылэ* ‘на, возьми’ [Там же], *лыгут* ‘лучше’ [Там же: 11]. В изданиях, подготовленных японской исследовательницей Юкари Нагаяма, для обозначения редуцированного гласного последовательно также используется буква Ы: *лыгут* ‘лучше’ [Нагаяма и др. 2019: 6], *мыри* [məri] ‘потому что’ [Там же: 25], *пыкирык* ‘прибыть’ [Там же: 50], *пылэтык* ‘обуться’ [Там же: 51].

Использование буквы Ы для обозначения сверхкраткого [ə] вызывает недоумение у людей, хорошо знающих родной язык и понимающих, что написание не соответствует звучанию национального слова, однако данное орфографическое правило обусловлено не столько фонологическим принципом письменности, сколько традиционным. Традиция обозначать сверхкраткий гласный буквой Ы первоначально сформировалась в корякской письменности, а к настоящему времени перешла и в алюторскую систему письма.

С учетом сложившейся практики подготовки к изданию текстов на алюторском языке, представим алюторский алфавит в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Алуторский алфавит

Table 1

The Alutor alphabet

	Графическое обозначение	Название буквы / графического сочетания	Фонема, сочетание фонем
1.	А а	«а»	[a]
2.	В в	«вэ»	[v]
3.	В' в'	«вэ с апострофом»	[w]
4.	Г г	«гэ»	[ɣ] – фрикативный
5.	Г' г'	«гэ с апострофом»	[ʕ] – эпиглоттальный смычный
6.	Е е ²¹	«е»	[e], [je]
7.	Ё ё	«ё»	[jo]
8.	И и	«и»	[i]
9.	Й й	«и краткое»	[j]
10.	К к	«ка»	[k]
11.	Қ қ	«ка с хвостом»	[q] – увулярный
12.	Л л	«эл»	[l]
13.	М м	«эм»	[m]
14.	Н н	«эн»	[n]
15.	Ң ң	«эн с хвостом»	[ŋ]
16.	О о	«о»	[o]
17.	П п	«пэ»	[p]
18.	Р р	«эр»	[r]
19.	С с	«эс»	[s]
20.	Т т	«тэ»	[t]
21.	У у	«у»	[u]
22.	Ъ	«твёрдый знак»	[ʔ] – глоттальный смычный
23.	Ы ы	«ы»	[ə] – сверхкраткий
24.	ь	«мягкий знак»	[ʔ] – глоттальный смычный
25.	Э э	«э»	[e]
26.	Ю ю	«ю»	[ju]
27.	Я я	«я»	[ja]

Правила письма не сводятся к составу алфавита, так как под влиянием слогового принципа русской системы письма, референция между буквой и звуком не является однозначной и зависит от комбинации букв и правил чтения.

3. Применение слогового принципа

При слоговом принципе учитываются комбинации букв. В соответствии со слоговым принципом употребляются буквы Е, Ё, Ю, Я, а также твердый и мягкий знаки.

В Российской Федерации обучение правилам русской письменности является всеобщим. Навыки, полученные в школе, подкрепляются ежедневной практикой, поэтому опора на слоговой принцип русской орфографии для взрослых грамотных носителей алуторского языка является автоматической и спонтанно применяется в том числе и при записи алуторских слов.

Буквы Е, Ё, Ю, Я обозначают два звука (йот + соответствующий гласный) в следующих позициях:

1) в абсолютном начале слова: *эв'ал* [jewal] 'сирота', *ев'асатык* [jewasatək] 'жалеть', *энак* [jenak] 'выйти навстречу', *этик* [jotik] 'повторяться', *юна́тык* [junatək] 'жить', *юкки* [juk'k'i] 'положить внутрь', *якак* [jakak] 'сгибаться, согнуться';

2) после буквы, обозначающей гласный звук: *ынкыеп* [ənkəjer] 'давно', *ыёгыт* [əjoγət] 'давно', *аюп* [ajup] 'заноза', *в'аям* [wajam] 'река';

²¹ Особенности использования на письме букв Е, Ё, Ю, Я, а также функции твердого и мягкого знаков рассмотрены в следующем параграфе, посвященном реализации слогового принципа.

3) после твердого и мягкого знаков: *ивъянвын* [ivjanvən] ‘заговор от болезни’, *ауъяткок* [aŋjatkok] ‘расхваливать’, *амъев’асын* [amjewasən] ‘ну надо же!’, *имъяк* [imjaq] ‘да еще и...’.

После буквы, обозначающей согласный звук, буквы Ё, Ю, Я обозначают мягкость предшествующего консонанта: *наллёжин* [nalʲlʲoqʲin] ‘сладкий’, *унюню* [unʲunʲu] ‘ребенок’, *ляюи* [lʲaŋʲi] ‘девушка’. Однако для аллоторской системы письма проблемным является обозначение твердости-мягкости согласного в препозиции к гласному [e]. Не однозначен выбор орфографических сочетаний *ге ~ гэ, ке ~ кэ, ме ~ мэ, ре ~ рэ, се ~ сэ*. В публикациях на аллоторском языке встречаются многочисленные примеры вариативности: *гемат ~ гэмат* ‘возможно’, *кеуын ~ кэуын* ‘медведь’, *мей ~ мэй* ‘здравствуй’, *ретык ~ рэтык* ‘прийти домой’, *семавык ~ сэмавык* ‘приблизиться’. При этом, в аллоторском языке дифференциация согласных [y], [k], [m], [r], [s] по твердости-мягкости в препозиции к гласному [e] не является фонологически значимой, т. е. выбор того или иного варианта – это предмет общественного договора. Проведенный нами опрос не дал однозначного решения. Часть опрошенных нами людей высказывалась за твердый вариант, другая – за мягкий. Суть проблемы заключается в том, что согласный в препозиции к гласному [e] в аллоторском языке артикулируется иначе, чем в русском. Проанализировав аудиозаписи соответствующих аллоторских словоформ, Н. С. Уртегешев пришел к выводу, что «при фонации мягкого согласного типа «м» (например, в словах *мей* ‘здравствуй’, *меуатыкын* ‘растет’) спинка языка оттягивается к задней стенке фаринкса как при веляризованных²² в русском языке. Кроме того, фиксируется сжатие черпалонадгортанных складок, которое придает фонации акустический эффект сдавленности (фарингализации). Люди, не владеющие аллоторским языком, на слух такие согласные воспринимают как твердые или слабосмягченные. В то же время, при произнесении согласного типа «к» (например, в словах *кэуын* ‘медведь’, *кэуатыкын* ‘пинает’) тело языка располагается в средней части ротовой полости: средняя часть спинки языка смыкается со второй половиной твердого неба, произносится твердый звук [k], однако в русском языке подобная артикуляция сопровождается мягкостью – согласный среднеязычный мягкий, поэтому русскоязычные люди воспринимают аллоторский [k] в препозиции к [e] как «смягченный», так как констатируется ослабление твердости»²³.

Данная проблема актуальна и для корякского языка. В рукописях и изданиях, подготовленных носителями корякского языка Е. И. Дедык, Л. М. Бубенчиковой, М. Ф. Икавав, сплошь и рядом обнаруживаются примеры вариативного написания *кэ ~ ке, мэ ~ ме, лэ ~ ле* [Голованова 2021]. Однако нормативным для корякской системы письма является твердое написание (с буквой э): *гэмат* ‘возможно’, *вэтга* ‘сразу’, *мэй* ‘здравствуй!’, *нымэйуукин* ‘большой’. Эта норма отражена в корякско-русском словаре, а также во всех учебниках корякского языка. Выбор твердого или мягкого варианта записи в данном случае подчиняется не слоговому принципу, а традиционному.

Слоговому принципу письменности подчиняются правила использования твердого и мягкого знаков. В аллоторской орфографии сложилась практика использовать Ъ и Ь знаки для обозначения глоттального смычного согласного [ʔ]. Как объясняет Н. С. Уртегешев, «при произнесении глоттального смычного согласного фиксируется следующая артикуляция: синхронно гортань поднимается к надгортаннику, истинные, ложные голосовые и черпалонадгортанные складки плотно сжимаются между собой и друг к другу, в результате образуется сильная компрессия, после чего происходит асинхронное размыкание истинных, ложных и черпалонадгортанных складок»²⁴.

Анализ фонетических данных, отраженных в аллоторско-русском словаре [Кибрик и др. 2000: 290–461], позволил установить, что в 1970-е гг. в аллоторском языке глоттальный смычный согласный [ʔ] произносился в следующих позициях:

²² «Веляризация – дополнительная артикуляция, при которой констатируется подъем задней части спинки языка к мягкому небу. В акустическом плане она усиливает твердость согласного или ослабляет мягкость» – устный комментарий Н. С. Уртегешева. Подробный анализ феномена веляризации представлен в статьях [Уртегешев 2024а, Уртегешев 2024б].

²³ Устный комментарий Н. С. Уртегешева.

²⁴ Пояснение Н. С. Уртегешева во время фонетического онлайн-семинара 22 марта 2024 г.

1) в финале показателя атрибутива *-lʔ, -sʔ*: *вита́тылʔын* [vʲitətəlʔən] ‘работник’, *ынпы́сьын* [ənpəsʲən] ‘старший’ (суффикс атрибутива – один из самых продуктивных в словообразовательной системе аллоторского языка);

2) на границе двух морфем в составе суффикса хабитуалиса (проявления обычного действия) *-lʔat, -sʔat*: *пани́налʔамык* [pənʲinalʔatək] ‘рассказывать о прошлом’, *г’анʔасʔамык* [ʁanqasʲatək] ‘отказываться, не хотеть’; исторически первая часть данного суффикса – это показатель атрибутива *-lʔ, -sʔ*, а вторая – глагольный показатель *-at*;

3) в составе адвербиального суффикса *-sʔinaŋ* с семантикой ‘подобно’: *сосыва́сьынаŋ* [sosəvasʲinaŋ] ‘по-чавчувенски’, *милгы́таньысʔынаŋ* [mʲilʁətanŋəsʲinaŋ] ‘по-русски’; вероятно, данный суффикс был образован путем соединения двух морфем: суффикса атрибутива *-sʔ* и наречного суффикса *-inaŋ*, который в настоящее время изолированно не употребляется;

4) в финале номинализатора *-jərʔ* со значением ‘наполнение, содержимое’: *нымйы́рʔын* [nəmʲjərʲən] ‘население’, букв.: ‘содержимое селения’ (от *нымным* ‘селение, поселок’), *гажы́рʔын* [gajərʲən] ‘семья’, букв.: ‘содержимое жилища’ (от *рара́на* ‘жилище, яранга’);

5) между двумя корневыми морфемами в словоформах с редупликацией корня: *ану́бан* [anuʔan] ‘весна’, *утты́ут* [uttəʔut] ‘дерево’, *ывы́нʔын* [əvənʲən] ‘ягода’;

6) между двумя корневыми морфемами при инкорпорации в том случае, если второй корень начинается с гласного звука: *кару́ав’ым* [kaŋruʲawət] ‘камень для снятия мездры’ (*карук* ‘снимать мездру’ + *ав’ым* ‘камень для обработки шкуры’), *аю́ангыт* [ajuʲanʁət] ‘традиционный весенний праздник Аюангыт’, букв.: ‘праздник оживания’ (*аюк* ‘ожить’ + *ангыт* ‘праздник’), *туму́утту* [tumuʲuttu] ‘деревья, вынесенные прибоем на берег’ (*тумык* ‘принести прибоем’ + *утту* ‘деревья’).

В ходе проведения фонетического онлайн-семинара, посвященного специфике глоттального смычного согласного в аллоторском языке, участники семинара обратили внимание на тот факт, что глоттальный смычный согласный нередко маркирует собой морфемный шов. Таким образом, акустически слово воспринимается не как цельный звуковой комплекс, а как разделенное на звуковые фрагменты, представляющие собой отдельные морфемы, между которыми звучат короткие, но отчетливые паузы. Н. С. Уртегешев объяснил это фонетическое явление следующим образом: «Аффиксальные морфемы, отделенные паузами, на слух воспринимаются как отдельные звуковые сегменты слова. Наличие таких пауз внутри словоформ на границах морфемных швов свидетельствует, что аллоторский язык является “молодым”. Он развивался в направлении морфологизации. Процесс аффиксального образования еще заметен на фонетическом уровне. Морфемы внутри слова не настолько крепко спаяны, чтобы образовать единый звуковой комплекс, какой представляет собой словоформа в языках с завершенной морфологизацией»²⁵. В подтверждение высказанной гипотезы приведем исторические сведения. Согласно археологическим данным, формирование древнекорякской культуры восходит к V в. н. э.: «Местом формирования береговых коряков²⁶ были окрестности Тауйской губы Охотского побережья. Открытые здесь стоянки токаревской культуры (датируемые VIII в. до н. э. – V в. н. э.) обнаруживают преемственность с более поздней культурой, которую исследователи идентифицируют как древнекорякскую» [Хаховская 2023: 95].

Справедливости ради следует сказать, что глоттальный смычный присутствует не только на границе морфемных швов, но и внутри морфем. В частности:

1) в составе суффикса *-tʔul* с семантикой ‘часть, кусок’: *милы́тʔул* [mʲilətʲul] ‘мясо нерпы, нерпятину’, *кура́тʔул* [quratʲul] ‘мясо оленя, оленина’, *тыргы́тʔул* [təŋʁətʲul] ‘кусочек мяса’, *сиу́затʔуль* [sʲiŋqatʲul] ‘кусочек внутренностей рыбы’;

2) в глагольном суффиксе начала неконтролируемого (природного) действия *-giʔə*: *ити́руык* [itʲiruʲək] ‘начинаться приливу’, *алару́ык* [alaruʲək] ‘начинаться лету’, *ану́руык* [anuruʲək] ‘начинаться весне’, *ынны́руык* [ənnəruʲək] ‘начинаться ходу рыбы’;

²⁵ Комментарий Н. С. Уртегешева.

²⁶ В настоящее время для обозначения этнической общности береговых коряков официально используется термин «аллоторцы», хотя в обыденной практике он не прижился. Общепринятыми, «народными» являются этнонимы: коряки, коряки-нымыланы, береговые коряки.

3) в составе некоторых корневых морфем: *ны=мисъа=жин* [nəm'isʔaɣ'in] 'красивый', *итъръ=ат=ык* [itʔəʔatək] 'стекать'; однако не исключено, что данные корневые морфемы исторически членимы.

Тем не менее, положение глоттального смычного на стыке морфем является доминирующим.

4. Применение морфологического принципа

Морфологический принцип предполагает «единообразное написание морфем – корней и суффиксов – в разных позициях» [Немысоева и др. 2023: 5]. Применение морфологического принципа требует хорошей теоретической подготовки: пишущий должен понимать структуру слова и знать соответствующие правила. Несмотря на сложности обучения, морфологический принцип предотвращает орфографический хаос. Структура слова объективна, поэтому она может служить надежным ориентиром при выборе того или иного орфографического варианта.

Под влиянием русского языка морфологический принцип утвердился и в алюторской письменности, в которой он регламентирует удвоенное правописание согласных на стыке морфем. Алюторский относится к агглютинирующим языкам, т. е. в составе словоформы морфемы присоединяются в определенном порядке, выражая то или иное грамматическое значение или оттенки семантики. Удвоенное сочетание согласных пишется на стыке двух морфем в тех случаях, когда финальный звук первой морфемы совпадает с начальным звуком непосредственно следующей за ней. Например, в слове *вагáл=ла=т* ('сесть'=мн. ч.=3 л.) 'уселись=они' на стыке корня и суффикса пишется сочетание ЛЛ; в слове *а=плярк=ка* (отриц.= 'торбаза'=отриц.) 'без обуви' на стыке корня и суффикса пишется удвоенное сочетание КК, в слове *мыт=тамтíниу=ла=ткыт* (1 л., неед. ч.= 'собирать дикоросы'=мн. ч.=имперфект) 'мы собираем дикоросы' удвоенное сочетание ТТ пишется на стыке приставки и корня.

Правило правописания удвоенного сочетания согласных на стыке морфем применяется во всех печатных изданиях на алюторском языке, исключения составляют лишь редкие примеры текстов, опубликованных без редакторской правки [Котавынина 2020]. В рукописях-самозаписях морфологический принцип не соблюдается, так как на слух удвоение согласных на стыке морфем ощущается далеко не всегда.

Заключение

Проведенное исследование позволило установить, что к 20-м гг. ХХІ в. произошла унификация авторских вариантов алюторской письменности. Графико-орфографическая система алюторского языка сформировалась без нормативных распоряжений, по инициативе редакторов национальных текстов, составителей фольклорных сборников и лингвистов. Для ее становления оказались важны не только собственно лингвистические, но и психологические факторы, а именно: компромиссные решения и отказ от авторской графики в пользу той, которая стала доминирующей.

Письменность алюторского языка опирается на графико-орфографические принципы русской системы письма, а также корякской. Среди них: фонематический, слоговой, традиционный и морфологический. Каждый принцип реализуется с некоторыми оговорками.

Приходится смириться с тем фактом, что алюторская система письма не имеет широкого распространения и пока не получила общественного признания. Это неизбежно при той сложности комбинирования разнородных лингвистических факторов, которые проявляют себя в каждом конкретном случае, когда национальная фонетическая система не укладывается или даже противоречит графико-орфографическим принципам доминирующего языка.

Рис. 1. В. М. Нутаюлгин и А. А. Мальцева проверяют орфографическую запись рассказов Кирилла Килпалина на алюторском языке для переиздания г. Петропавловск-Камчатский, 2010 г.

Фото Т. А. Голованевой

Fig. 1. B. M. Nutayulgin and A. A. Maltseva check the orthographic record of the Kirill Kilpalin's stories in the Alutor language for reprinting Petropavlovsk-Kamchatsky, 2010
Photo by T. A. Golovaneva

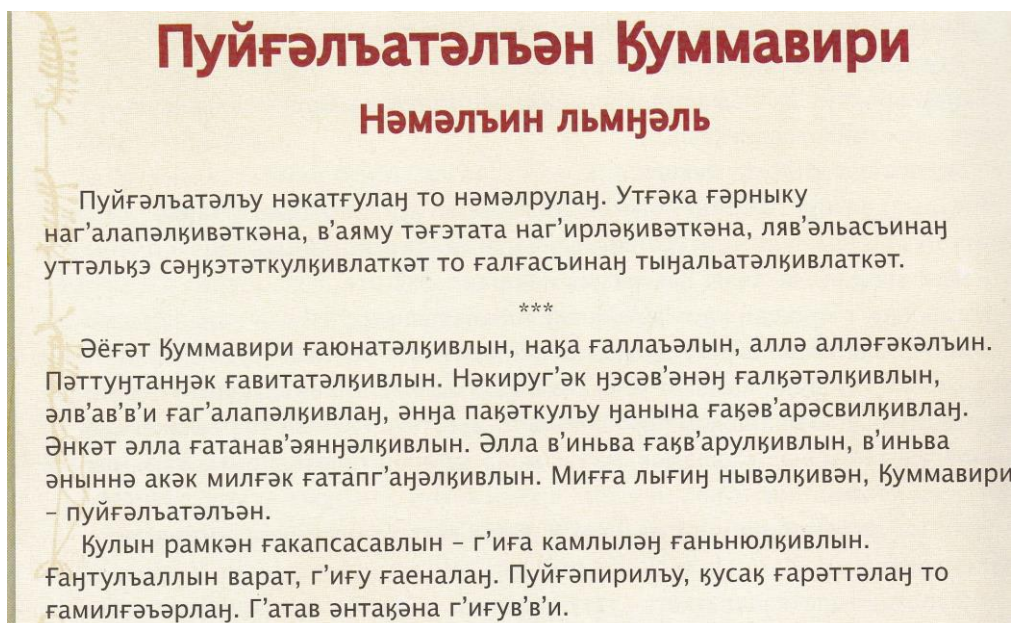

Рис. 2. Пример публикации алюторского текста с применением графико-орфографических принципов, разработанных инициативной группой в 2010 г. [Килпалин 2010: 205]

Fig. 2. An example of publishing an Aluthor text using graphical and orthographical principles, developed by the initiative group in 2010 [Килпалин 2010: 205]

МУРҒИН КАЛИСИТҒӘРҢӘН

Нәмәльәсынаң тәвәльән калысәвиһәт

Приложение на родных языках № 1 (14), 2011 г.

ТАҢУ МАҢКИ ГИТӘЛКИВЛАН

Тыпәрратәңкин нәмйәрән
мәңжиралғаруәк таҗа нуйлытән
- эговинҗа ялпә гәтгә төвәкки наңвун.
Актаҗа явалкин җайәльгиннән
әһинансемәвән, мери ямәсәлькә
инаңйәрәү пәкавлаткә таҗки,
аплһунтаҗитәкә. Малвинәвәң
угаллак тағәлмимләңки утта
гуйиләтәлқивлан.

Акинҗат гиналлан, итәғәллат.
Гутынйәғилгәк нәнвәү инаңйәрәү
гәпәлһаллан җайәльгиннән. Асғивән
кәтаван ронайғилләккинаң явалләү
җаҗаттуғуйилһинанлан.

Турғивһангәттәңәк нәйәрән,
нәсәвәңәл ләвәтқульән, асғикинаң
арәтәкә итәткән. Гавалумлаң
турәвәвәк моторпассалһу
кәкән, сиһин гивлаң нутәпә ялпә
гәтәлһәфәна. Яҗкә нәңәк әвән
вәялһуәлқивли.

Ялпә турәвалумәк каяллык
нәвәлат. Тыһмав витәтәлһу
икав сиһингәмәтәлһу навинтанна.

РӘМӘТӘКИНА ТО МИСГӘТВИКИНА

АльғикимитҒаҗа васаҗ актәкә маләң таюнанҗәк

Ғарғәнәтәк малюмә
мәтҗаңатәвәлқивлаткә.
Нуталһән, мурғәнан
тәульән, нәҗиралғәбин,
Ғаҗан аңҗата
тумһәтәһән, әвән
әмәлқимитҒаҗа ағиғарка
мәһәвәң камисғәвәк.
Амһутак нәғәләк,
аплһәмәлһәлһәкә
йивәвәһән то җитәнвәң
әвәвәлқивлаткәт. Нәнвәү
әңкәт Ғаҗақуйсәлһын.
Яһутварат
гутынғарғәһнаһәмәс
Ғәтәҗатәвәлқивһын.
Ләкһәңки туһуһәю,
пәкиттү, рупантаплаку то
умһыһәви Ғәвәлқивлаң.

Аһүк то нәрһәрәк
әмәһәңә умһәһәмәс
Ғәтәҗатәвәлқивлаң.
Мәри васаҗ амһут

Акинҗат турварат әңкәт таңатәвәлқивли. Ғаҗан пәса
мәһығәтүһәһә итгү гәпәлаң, инаңәтәк Ғәро ван лыһығәлһу
нәтәләһуһә. Петропавловск, 2010 г.

ТАҢУ ТЫТӘЛКИВЛАН

Питәрәй
нәтәпәлқивһәңә
петропавловскаһә.
Турраб рәпәк
наңвуткәһә.

Гутынғивик нәнвәү
райәргү тәтурравивлаң.
Нәрулаһина то
нәпәлһәһәңә
турһәсвиһәвәлһу
мәһәрәвәһи
нәтәҗәһәңә. Қусаҗ
амһут гәттивһилан
Ғәзәпәң, кәвәһәтәң
юһәтәк, то асғи витку
тапәлһәвәлһәң.

Нутәһилһу гигәратәк
тангумһәһәңәк қусаҗ
рәраб наңәһуһә. То
мәһина нәһинһәңә,
питәтәлһу ағи,
нәтәпәлһәңә.
Нәңәк рәраһәтәлһу
нәтәһәһәлгәтәһәңә.

Рис. 3. Страница газеты «Абориген Камчатки» (номер от 25.01.2011)
Национальный текст подготовил к публикации В. М. Нутаюлгин
в соответствии с принципами алуторской письменности, разработанными в 2010 г.
Fig. 3. Page of the newspaper "Aborigin of Kamchatka" (issue of 25.01.2011)
The national text prepared for publication by V. M. Nutayulgin
in accordance with the principles of the Alutor script developed in 2010

ТЕКСТ НА АЛЮТОРСКОМ ЯЗЫКЕ

Г'оравачо әнҗин. «Миты!» А-а, әллә...
Җуткынһаңунаң әнҗинак кәйе, *наверное*,
мәңг'ай... мәңг'ай... гәлһәйтәмәк тәләң,
нотаң әнҗин, тағәрнәңәнвәң *поехали они*
тағәрнәң *и на охотиться. И* гәмәччиһан-
ты җаһавһана Виг'айимтәһәңти әнҗин.
Кәйе мәһһикамәк әнҗин мәһәлқәнмәк нә-
таң әнҗинак, нәңәк мәһәңвумәк *охотить-*
ся әнҗин. Ага, тыңго ялғәлһәй тәләк нит-
кәһут Амаһқут *и* Виг'айимтәһәң. Тәло
ав'в'авгәһәт, нутақ нәвәлат юһәтәк әнҗин.
Ой-ой-ой в'иһыкрыһав', г'опта тын, аҗан
таҗ гәрнәк Амаһқутәһәк нитрайтәтәтәһ-
вән, нәҗам аҗан таҗ гәрнәк г'опта тын. Г'ик

Рис. 4. Пример оформления алуторского текста с частичным применением
графико-орфографических принципов алуторской письменности,
разработанных в 2010 г. Текст подготовил к публикации А. А. Сорокин [Сорокин 2015: 20]
Fig. 4. An example of the design of an Alutor text with partial application of
graphic-orthographic principles of the Alutor script,
developed in 2010. The text was prepared for publication by A. A. Sorokin [Сорокин 2015: 20]

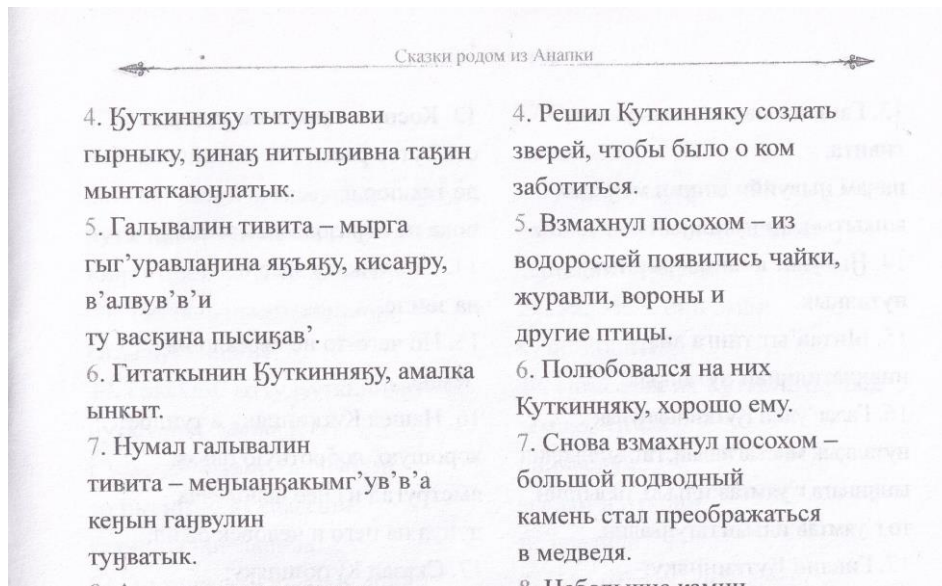

Рис. 5. Пример оформления национального текста (в левом столбце) с применением графико-орфографических принципов алуторской письменности, которые утвердились как доминирующие.

Национальный текст подготовил к публикации А. А. Сорокин [Сказки... 2021: 15]

Fig. 5. An example of national text layout (left column) using graphic-orthographic principles of the Alutor script, which established themselves as dominant.

The national text was prepared for publication by A. A. Sorokin [Сказки... 2021: 15]

15. Камакнако иви:	15. Камакнако сказал:
16. — Ытытммы тита гыныкың мы- ралкывык, жавақ кытига аңука.	16. — Не приду к тебе в гости, если только ветром (меня) не унесет.
17. Тиңлынин гыткаңзақ Қуткынн- кунаң гатти.	17. (Камакнако) кинул под ноги Кут- кыннюку топорик.
18. Таминңығ'ал'ыпиль кыццыңкэ- тати гыткак инарасильтың, тэн пац- цэ.	18. Топорик он бросил к ногам го- стя, и топорик сломался.
19. — Ынңэ қонпы тыявалкывыткын таминңатык, ту ал тита апаццака, — иви Камакнако.	19. — Ого, я все время этим топо- ром работаю, он никогда не ло- мался, — сказал Камакнако.
20. Инарасильтын рэтылқи, тинго г'о- ро Камакнако г'анңави уңалык, эмылкывык, г'анңави гаргын тамин- натык.	20. Гость пошел домой, и вскоре Камакнако перестал ходить за дро- вами и за водой, перестал на ули- це работать.

Рис. 6. Пример оформления национального текста (в левом столбце) с применением графико-орфографических принципов алуторской письменности, которые утвердились как доминирующие.

Национальный текст подготовила к публикации Юкари Нагаяма [Материалы... 2024: 45]

Fig. 6. An example of national text layout (left column) using graphic-orthographic principles of the Alutor script, which established themselves as dominant.

The national text was prepared for publication by Yukari Nagayama [Материалы... 2024: 45]

Список литературы

- Бурлак С. А., Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: «Академия». 2005. 432 с.
- Голованева Т. А. Проект орфографии для исчезающего бесписьменного языка как социолингвистическая проблема (на примере алюторского языка) // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 232–249.
- Голованева Т. А. Публикация корякских фольклорных текстов: причины орфографической вариативности // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 1 (вып. 41). С. 79–94.
- Жуков Л. Нотаймэ: рассказ на нымыланском (корякском) языке / Под ред. С. Н. Стебниченко. М.; Л.: Изд-во дет. лит., 1938. 116 с.
- Жукова А. Н. Грамматика корякского языка: Фонетика. Морфология. Л.: Наука, 1972. 322 с.
- Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Муравьева И. А. Язык и фольклор алюторцев. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 468 с.
- Килпалин К. Сказки, легенды, рассказы / Под ред. В. М. Нутаюлгина // Килпалин: живопись, проза, письма, воспоминания / Авт.-сост. В. Т. Кравченко. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2010. С. 131–222.
- Котавынина Л. А. Мургина тумгчу 'Наши помощники' // Лучшая творческая работа на родных языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории Камчатского края: Сборник по материалам ежегодного конкурса / Сост. М. Е. Беляева, Н. А. Воробьева. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2020. С. 36–37.
- Материалы по языкам нымыланов и чавчуменов. Том 1. Карагинский, микинский, чавчувенский диалекты / Сост. Ю. Нагаяма, Е. П. Пронина, В. Р. Дедык, Л. И. Чечулина; под ред. Ю. Нагаяма. Кусиро, 2024. 242 с.
- Мифологические сказки о Вороне / Сост. А. А. Гончарова, М. Е. Беляева; под ред. А. А. Сорокина. Нижний Новгород: типография ИП Кузнецов, 2017. 200 с.
- Молл Т. А. Корякско-русский словарь / Под ред. И. С. Вдовина. Л.: Учпедгиз, 1960. 237 с.
- Нагаяма Ю. Материалы по языку нымыланов-алюторцев // Materials of Siberian Languages 2. Саппоро, 2015. 82 с.
- Нагаяма Ю., Нутаюлгин В. М., Чечулина Л. И. Нымыланско-русский словарь: алюторский диалект. Ч. 1. (А–Ѕ) / Под ред. Ю. Нагаяма. Саппоро, 2017. 144 с.
- Нагаяма Ю., Нутаюлгин В. М., Чечулина Л. И. Нымыланско-русский словарь: алюторский диалект. Ч. 2. (Л–Я) / Под ред. Ю. Нагаяма. Саппоро, 2019. 140 с.
- Немысоева Е. А., Кошкарева Н. Б., Соловар В. Н. Правила орфографии и пунктуации хантыйского языка (казымский диалект). Ханты-Мансийск; Тюмень: Формат-72, 2023. 186 с.
- Нутаюлгин В. М. Национальные имена коренных жителей сел Анапка и Кичига Карагинского района Камчатского края. Новосибирск: Срочная полиграфия, 2020. 28 с. (На правах рукописи).
- Сказки родом из Анапки: Борис Чечулин / Сост. М. Е. Беляева, Н. А. Воробьева; под ред. А. А. Сорокина. Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2021. 48 с.
- Сорокин А. А. Народная проза // «Из глубин земли Камчатки». Фольклорно-этнографические экспедиции в Карагинский район: этнографический сборник / Сост. М. Е. Беляева. Нижний Новгород: типография ИП Кузнецов, 2015. С. 20–34.
- Уртегешев Н. С. Формантные показатели «веляризации». Часть I // Алтаистика. 2024. № 1 (12). С. 48–60.
- Уртегешев Н. С. Формантные показатели «веляризации». Часть II // Алтаистика. 2024. № 2 (13). С. 46–57.
- Уртегешев Н. С., Мальцева А. А. Инициально-превокальные эпиглоттальные алюторского языка // Вопросы диалектологии. 2019. № 1–2. С. 24–45.
- Хаховская Л. Н. Традиционное летоисчисление эвенков и коряков Магаданской области (в связи с современными этническими праздниками встречи Нового года) // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2023. № 3. С. 88–101.

References

- Burlak S. A., Starostin S. A. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie* [Comparative-historical linguistics]. Moscow, Akademiya, 2005, 432 p. (In Russ.)
- Golovaneva T. A. Proekt orfografii dlya ischezayushchego bespis'mennogo yazyka kak sotsiolingvisticheskaya problema (na primere alyutorskogo yazyka) [A spelling project for an endangered unwritten language as a sociolinguistic problem (On the example of the Alutor language)]. *Kritika i Semiotika (Critique and Semiotics)*. 2023, no. 2, pp. 232–249. (In Russ.)
- Golovaneva T. A. Publikatsiya koryakskikh fol'klornykh tekstov: prichiny orfograficheskoy variativnosti [Publication of Koryak folklore texts: causes of orthography variability]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2021, no. 1 (iss. 41), pp. 79–94. (In Russ.)
- Kibrik A. E., Kodzasov S. V., Murav'eva I. A. *Yazyk i fol'klor alyutortsev* [Language and folklore of the Alutors]. Moscow, ILS RAS, Nasledie, 2000, 468 p. (In Russ.)
- Kilpalin K. Skazki, legendy, rasskazy [Tales, legends, stories]. Nutayulgin V. M. (Ed.). In: *Kilpalin: zhivopis', proza, pis'ma, vospominaniya* [Kilpalin: painting, prose, letters, memoirs]. V. T. Kravchenko (Comp.). Petropavlovsk-Kamchatskiy, Kamchatpress, 2010, pp. 131–222. (In Alutor, In Russ.)
- Khakhovskaya L. N. Traditsionnoe letoischislenie evenov i koryakov Magadanskoy oblasti (v svyazi s sovremennymi etnicheskimi prazdnikami vstrechi Novogo goda) [Traditional chronology of Evens and Koryaks in Magadan oblast (in connection with the modern ethnic New year holidays)]. *Bulletin of the North-East Scientific Center, Russia Academy of Sciences Far East Branch*. 2023, no. 3, pp. 88–101. (In Russ.)
- Kotavynina L. A. Murgina tumgchu 'Nashi pomoshchniki' [*Murgina tumgchu* 'Our helpers']. In: *Luchshaya tvorcheskaya rabota na rod-nykh yazykakh korenykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka, prozhiva-yushchikh na territorii Kamchatskogo kraya: Sbornik po materialam ezhegodnogo konkursa* [The best creative work in the native languages of the indigenous minorities of the North, Siberia and the Far East living on the territory of Kamchatka Krai: Collection based on the materials of the annual contest]. M. E. Belyaeva, N. A. Vorob'eva (Comps.). Petropavlovsk-Kamchatskiy, Kamchatpress, 2010, pp. 131–222. (In Alutor, In Russ.)
- Materialy po yazykam nymylanov i chavchuchenov. Tom 1. Karaginskiy, mikinskiy, chavchuvenskiy dialekty* [Materials on the Nymylan and Chavchuchen languages. Vol. 1. Karaginsky, Mikinsky, Chavchuchen dialects]. Yu. Nagayama, E. P. Pronina, V. R. Dedyk, L. I. Chechulina (Comps.), Yu. Nagayama (Ed.). Kusiyo, 2024, 242 p. (In Alutor, In Koryak, In Russ.)
- Mifologicheskie skazki o Vorone* [Mythological tales of the Raven]. A. A. Goncharova, M. E. Belyaeva (Comps.). A. A. Sorokin (Ed.). Nizhniy Novgorod, Tip. IP Kuznetsov, 2017, 200 p. (In Alutor, In Koryak, In Russ.)
- Moll T. A. *Koryaksko-russkiy slovar'* [Koryak-Russian dictionary]. I. S. Vdovin (Ed.). Leningrad, Uchpedgiz, 1960, 237 p. (In Koryak, In Russ.)
- Nagayama Yu. *Materialy po yazyku nymylanov-alyutortsev* [Materials on the language of the Nymylan-Alutors]. In: *Materials of Siberian Languages 2*. Sapporo, 2015, 82 p. (In Alutor, In Russ.)
- Nagayama Yu., Nutayulgin V. M., Chechulina L. I. *Nymylansko-russkiy slovar': alyutorskiy dialekt. Ch. 1. (A–Ĵ)* [Nagayama Y., Nutayulgin V. M. M., Chechulina L. I. Nymylan-Russian dictionary: Alutor dialect. Pt. 1. (A–Ĵ)]. Yu. Nagayama (Ed.). Sapporo, 2017, 144 p. (In Alutor, In Russ.)
- Nagayama Yu., Nutayulgin V. M., Chechulina L. I. *Nymylansko-russkiy slovar': alyutorskiy dialekt. Ch. 1. (L–Ya)* [Nymylan-Russian Dictionary: Alutor dialect. Pt. 2. (L–Ya)]. Yu. Nagayama (Ed.). Sapporo, 2019, 140 p. (In Alutor, In Russ.)
- Nemysoeva E. A., Koshkareva N. B., Solovar V. N. *Pravila orfografii i punktuatsii khan-tyyskogo yazyka (kazymskiy dialekt)* [Rules of spelling and punctuation of the Khanty language (Kazym dialect)]. Khanty-Mansiysk; Tyumen', Format-72, 2023, 186 p. (In Russ., In Khant.)
- Nutayulgin V. M. *Natsional'nye imena korenykh zhitel'ey sel Anapka i Kichiga Karaginsko-go rayona Kamchatskogo kraya* [National names of the indigenous inhabitants of the villages of Anapka

and Kichiga, Karaginsky District, Kamchatka Territory]. Novosibirsk, Srochnaya poligrafiya, 2020, 28 p. (In Alutor, In Russ., manuscript)

Skazki rodom iz Anapki: Boris Chechulin [Tales from Anapka: Boris Chechulin]. M. E. Belyaeva, N. A. Vorob'eva (Comps.); A. A. Sorokin (Ed.). Petropavlovsk-Kamchatskiy, Kamchatpress, 2021, 48 p. (In Alutor, In Russ.)

Sorokin A. A. Narodnaya proza [Folk prose]. In M. E. Belyaeva (Comp.) *"Iz glubin zemli Kamchatki"*. *Fol'klorno-etnograficheskie ekspeditsii v Karaginskiy rayon: etnograficheskiy sbornik* ["From the Depths of the Land of Kamchatka". Folklore and ethnographic expeditions to the Karaginsky district: ethnographic collection]. Nizhny Novgorod, Tip. IP Kuznetsov, 2015, pp. 20–34. (In Alutor, In Russ.)

Urtegeshev N. S. Formantnye pokazateli "velyarizatsii". Chast' I [Formant indicators of "velarization". Part I]. *Altaistika*. 2024, no. 1 (12), pp. 48–60. (In Russ.)

Urtegeshev N. S. Formantnye pokazateli "velyarizatsii". Chast' I [Formant indicators of "velarization". Part II]. *Altaistika*. 2024, no. 2 (13), pp. 46–57. (In Russ.)

Urtegeshev N. S., Mal'tseva A. A. Initial'no-prevokal'nye epiglottal'nye alyutorskogo yazyka [Initial-prevocal epiglottal epiglottal of the Alutor language]. *Problems of dialectology*. 2019, no. 1–2, pp. 24–45.

Zhukova A. N. *Grammatika koryakskogo yazyka: Fonetika. Morfologiya* [Grammar of the Koryak language: Phonetics. Morphology]. Leningrad, 1972, Nauka, 322 p. (In Russ.)

Zhukov L. *Notayme: rasskaz na nymylanskom (koryakskom) yazyke* [Notayme: the story in Nymylan (Koryak) language]. S. N. Stebnitskiy (Ed.). Moscow, Leningrad, Izd. det. lit., 1936, 116 p. (In Koryak)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
13.08.2024

Сведения об авторе

Татьяна Александровна Голованева – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения РАН (ИФЛ СО РАН), г. Новосибирск, Россия

E-mail: gta-77@mail.ru
ORCID 0000-0003-4980-8150

Information about the Author

Tatyana A. Golovaneva – Candidate of Philology, Senior Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

E-mail: gta-77@mail.ru
ORCID 0000-0003-4980-8150

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

УДК 811.551.3

DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-93-104

Цифровая надежда ревитализации исчезающих языков Камчатки: мобильное приложение для изучения корякского языка «Koryak tuyu»

Ю. С. Файзрахманова

*Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга
Петропавловск-Камчатский, Россия*

Аннотация

Корякский язык – один из семи коренных языков Камчатского края, находящийся под угрозой исчезновения. В Камчатском государственном университете им. Витуса Беринга разработано мобильное приложение «Koryak tuyu» для изучения корякского языка, который может использоваться как индивидуально отдельными пользователями, так и в классе как дополнительный образовательный инструмент. Приложение состоит из четырех частей: алфавит, справочник по грамматике, 10 уроков и тематический словарь. В приложении есть достаточное количество аудиовизуального контента. Уроки построены от простых, например, приветственные фразы, до более сложных с текстом. В разработке уроков применялся метод механического запоминания с циклическим повторением опорных слов.

Ключевые слова

коренные народы Камчатского края, родные языки Камчатки, палеоазиатские языки, языковая ситуация, корякский язык, языковая ревитализация, цифровое образование

Для цитирования

Файзрахманова Ю. С. Цифровая надежда ревитализации исчезающих языков Камчатки: мобильное приложение для изучения корякского языка «Koryak tuyu» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51). С. 93–104. DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-93-104

© Ю. С. Файзрахманова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51)

The digital potential for the revival of endangered languages in Kamchatka: the “Koryak tuyu” mobile application designed for learning the Koryak language

Yu. S. Fayzrakhmanova

Vitus Bering Kamchatka State University
Petropavlovsk-Kamchatskiy, Russian Federation

Abstract

This article discusses indigenous language revitalization and the role of digital technologies in language preservation. The focus is on the Koryak language, one of the seven endangered indigenous languages in Kamchatka. A framework for the ethnolinguistic situation in Kamchatka is provided, followed by an overview of endeavors aimed at preserving and advancing indigenous languages in the area. Next, the application of digital technologies to Koryak language learning is introduced. To promote technology inclusion among remote communities, the research team at Vitus Bering Kamchatka State University, led by the author of this study, has developed a mobile application called “Koryak tuyu.” This app can be used as a supplementary tool for studying the Koryak language, both in home-based individual learning and classroom settings. There are four parts: alphabet, grammar reference, ten lessons, and basic vocabulary, providing a substantial volume of content in terms of textual and audio media. There is an option to click on any word or phrase and listen to the audio recording. The lessons are structured to enable individuals without prior knowledge of Koryak to acquire vocabulary and phrases. The repetition of focal words in the lessons serves as a method of rote memorization. Each Koryak word is accompanied by its translation into Russian, with each word written using a Koryak keyboard layout with a few specific letters. The utilization of this application is possible for users even in the absence of an Internet connection, an essential aspect for remote villages in Kamchatka with unstable Internet connectivity.

Key words

indigenous peoples of Kamchatka Krai, native languages of Kamchatka, Paleo-Asiatic languages, language situation, Koryak, language revitalization, digital learning

For citation

Fayzrakhmanova Yu. S. Tsifrovaya nadezhda revitalizatsii ischezayushchikh yazykov Kamchatki: mobil'noe prilozhenie dlya izucheniya koryakskogo yazyka “Koryak tuyu” [A digital promise for Kamchatka endangered languages revitalization: mobile language learning application “Koryak tuyu”]. *Yazyki i Fol'klor Kornykh Narodov Sibiri (Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia)*. 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 93–104. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-93-104

Введение

Камчатский край (далее – Камчатка) как субъект Российской Федерации, расположенный на Дальнем Востоке России, представляет собой этнолингвистически и социолингвистически сложный регион. Регион характеризуется разнообразием языковых ситуаций: от языкового сдвига, предполагающего отказ от языков меньшинств в пользу русского языка, до диалектной раздробленности коренных языков.

На Камчатке проживает восемь групп коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее – КМНС): алеуты, алыторцы, ительмены, камчадалы, коряки, чукчи, эвены (ламуты), эскимосы. По сравнению с общей численностью населения Камчатки, которая по данным Росстата на 1 января 2023 г. составила 280,7 тыс. человек¹, доля народов КМНС, проживающих на Камчатке, ничтожно мала (см. табл. 1).

Русский язык – единственный государственный язык на Камчатке, который также является доминирующим языком общения во всех сферах. Все группы коренных народов свободно владеют русским языком. Ситуацию по количеству говорящих на родных языках можно описать как неблагоприятную в силу различных факторов и причин (сокращение численности самих народов, утрата межпоколенческой передачи языка и т. д.).

¹ <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения – 25.08.2024)

Таблица 1

Численность представителей КМНС, проживающих в Камчатском крае

Table 1

Number of indigenous peoples in Kamchatka Krai

№	Название народа	Общее кол-во чел. по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.
1	Коряки	6 418
2	Алуторцы	89
3	Ительмены	1 926
4	Камчадалы	1 322
5	Чукчи	1 222
6	Алеуты	345
7	Эскимосы	27
8	Эвены	1 780
	ВСЕГО:	13 129

Из данных таблицы 2 видно, что по количеству говорящих на родном языке лидирующее положение занимает корякский язык. Однако, как уже ранее отмечалось, официальная статистика не всегда точно отражает реальную языковую ситуацию на месте [Файзрахманова 2024: 44–50]. Так, например, согласно статистике, количество алуторцев вдвое меньше числа носителей алуторского языка (см. табл. 2). Такое несоответствие в цифрах можно объяснить терминологической путаницей в названии языков и народов, а именно «алуторец» и «коряк», «алуторский язык» и «корякский язык».

Таблица 2

Количество владеющих родным языком представителей КМНС, проживающих в Камчатском крае

Table 2

Number of speakers of the indigenous languages in Kamchatka Krai

№	Название языка	Языковая семья	Численность говорящих по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.
1	Корякский	Чукотко -камчатская	2 344
2	Алуторский		172
3	Ительменский		459
4	Чукотский		547
5	Алеутский	Эскимосско-алеутская	98
6	Эскимосский		8
7	Эвенский	Тунгусская	850
	ВСЕГО:		4 478

1. Статус витальности корякского языка

Лингвисты создали различные шкалы для оценки витальности и состояния того или иного языка. Среди наиболее широко принятых и используемых в глобальном контексте можно выделить ступенчатую шкалу межпоколенческой утраты языка (GIDS, Graded Intergenerational Disruption Scale), разработанную Дж. Фишманом [Fishman 1991], шкалу жизнеспособности и уязвимости языка (LVE, Language Vitality and Endangerment scale), предложенную группой экспертов ЮНЕСКО [Brenzinger 2003], расширенную шкалу GIDS (EGIDS), разработанную М. Льюисом и Г. Саймонсом [Lewis, Simons 2010], которая представляет собой синтез двух

шкал, LVE и GIDS, а также каталог языков, находящихся под угрозой исчезновения (ELCat, the Catalogue of Endangered Languages), разработанный лингвистами Гавайского университета в Маноа и Университета Восточного Мичигана на основе Индекса уязвимости языков [Lee, Van Way 2018]. Каждая шкала основана на сочетании нескольких параметров, при этом первоочередное внимание уделяется межпоколенческой передаче как наиболее важному фактору в оценке витальности языка, так как он показывает, передается ли данный язык будущим поколениям или нет [Fishman 1991]. Однако важно иметь в виду, что ни один параметр сам по себе не может определить уровень жизнеспособности языка. Об этом говорится в документе ЮНЕСКО «Жизнеспособность и уязвимость языков»: «Ни один фактор в отдельности не может быть использован для оценки жизнеспособности языка или необходимости в его документации. Языковые сообщества сложны и разнообразны; сложно даже просто оценить количество реальных носителей языка» [Brenzinger 2003: 7]. Как отмечено выше, проблема оценки фактической численности носителей актуальна в отношении и корякского языка.

Что касается классификации языков России по степени их витальности, в данной статье принята шкала, разработанная в рамках проекта «Языки России» Института языкознания РАН. Она основана на трех ключевых социолингвистических параметрах: носители языка, межпоколенческая передача и регулярная коммуникация на языке². По этой шкале корякскому языку присвоен индекс 2А, который характеризуется прерванной межпоколенческой передачей, ограниченностью регулярного повседневного общения на языке, числом носителей в пределах ~10–5000 (по данным Всероссийской переписи населения 2020 г., численность говорящих на корякском языке – 2 344 чел.).

Все этнические коряки свободно владеют русским языком и используют его как основной язык общения. На корякском языке сегодня говорят только представители старшего поколения (возраст 50 лет и старше). Молодое поколение может пассивно владеть языком, понимать некоторые фразы, сказанные родителями, бабушками и дедушками, но не говорить на этом языке. Таким образом, корякский язык используют люди старшего поколения в ограниченном объеме и в основном в сфере дружеского / семейного общения, а также иногда как ‘тайный язык’ для обмена некоторыми словами в русскоязычной группе³.

2. Обзор усилий по сохранению языков КМНС Камчатки

Существуют разные подходы к сохранению языков коренных народов, среди наиболее распространенных – документация и ревитализация языка через языковое планирование и реализацию мероприятий по повышению языкового престижа, поддержанию языковой среды и восстановлению межпоколенческой передачи (посредством летних школ, программ дошкольного образования «языковые гнезда», языковых курсов и языкового активизма). Документация языков, находящихся под угрозой исчезновения, будь то в цифровом или традиционном бумажном формате, играет важную роль в накоплении лингвистических и культурных знаний, которые могут быть использованы академической лингвистикой при подготовке грамматик, словарей, корпусов языков, а также в практических целях поддержки и развития языков. В худшем случае, если / когда язык, находящийся под угрозой исчезновения, «засыпает» вместе с уходом своего последнего носителя, остается надежда, что задокументированные архивные языковые материалы могут быть использованы в возрождении языка (например, иврит, корнский язык в Великобритании, язык каурна в Южной Австралии, язык вампаноаг в штате Массачусетс, США). Однако сама по себе документация не решает проблему передачи языка. Причина кроется в том, что язык живет вместе с жизнью его носителей через общение и передачу информации. Вот почему проекты по возрождению языков, находящихся под угрозой исчезновения, нацеленные на поддержку изучения языка и общения на языке в местных сообществах, дают шанс сохранить язык живым и восстановить межпоколенческую передачу. Не стоит также забывать, что только совместная работа языковых экспертов, языковых активистов и представителей местных

² <http://jazykirf.iling-ran.ru/Statutes.shtml> (дата обращения – 25.08.2024)

³ https://www.atlaskmns.ru/page/ru/lang_koryaki_all.html (дата обращения – 25.08.2024)

сообществ по документации и ревитализации языка может вдохнуть новую жизнь в исчезающие языки.

Большая часть усилий лингвистов и этнографов на Камчатке сосредоточена на научных исследованиях, документации и архивировании исчезающих коренных языков не потому, что они рассматривают это как панацею от «языковой смерти» или что их больше заботит только лишь сохранение самого лингвистического кода, а не сообщества, которое говорит на этом языке. Преобладание такого подхода в сохранении языка можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, документирование – это первое, что лингвист или антрополог может сделать для местного сообщества. Это отправная точка для всех дальнейших усилий лингвистов, языковых активистов и сообщества по возрождению и сохранению языка. Другая причина может быть не столь очевидной на первый взгляд. Число лингвистов, занимающихся в настоящее время исследованиями языков на Камчатке, и корякского в частности, можно пересчитать по пальцам. Это в основном лингвисты, работающие в языковых институтах за пределами Камчатки: О. С. Болотаева [2024 а, 2024 б] из Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург), М. Ю. Пупынина [2009] из Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург), О. С. Волков [2016] из Института языкознания РАН (г. Москва), Т. А. Голованева [2019, 2024] из Института филологии СО РАН (г. Новосибирск). Также с 2021 г. активное участие в сборе языкового материала по корякскому языку принимает научно-учебная лаборатория социогуманитарных исследований Севера и Арктики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»⁴ (г. Москва).

Несмотря на наличие современных технологий, компьютерного программного обеспечения и аудиооборудования, процесс документирования в отдаленных поселках Камчатского края остается трудоемким процессом. Стоит также отметить сложную и дорогую логистическую составляющую лингвистических экспедиций: добраться до отдаленных населенных пунктов Камчатки не так просто из-за отсутствия железных и автомобильных дорог. Для ученого, живущего, например, в Москве, это дорого, логистически сложно и очень долго: 9-часовой перелет из Москвы в Петропавловск-Камчатский, затем 2-часовой перелет до отдаленных селений. Цена на авиабилеты в отдаленные поселки для «иностранцев» заоблачная, иногда в два раза дороже, чем перелет из Москвы в Петропавловск-Камчатский. Более того, авиасообщение зависит от погодных условий, иногда посадки на самолет можно ждать неделю или даже две! До некоторых самых отдаленных поселков нужно добираться на вертолете или вездеходе. Мы акцентируем внимание на логистике языковых экспедиций на Камчатке с единственной целью показать, что документация исчезающих языков в отдаленных и труднодоступных населенных пунктах Камчатки – это большая работа ученых-энтузиастов.

На Камчатке живут и работают лишь несколько лингвистов и этнографов, которые не только документируют язык, но и тесно сотрудничают с местными сообществами и языковыми активистами, занимаются изданием методических пособий, участвуют в проектах по ревитализации языков КМНС Камчатки: Валенина Романовна Дедык, носитель чавчуввенского диалекта корякского языка, доцент кафедры родных языков, культуры и быта КМНС в Камчатском институте развития образования [Дедык 2024], Анатолий Анатольевич Сорокин, носитель алюторского языка, руководитель Центра этнолингвистических исследований в КамГУ им. Витуса Беринга [Сорокин 2019], Мария Евгеньевна Беляева, заведующая отделом сохранения нематериального культурного наследия в Камчатском центре народного творчества [Беляева 2019].

Местное правительство Камчатки находится в процессе изменения региональной политики в пользу поддержки коренных народов и их языков. В последнее время оно предпринимает некоторые практические шаги по продвижению языков КМНС, поддерживая и спонсируя культурные мероприятия и инициативы, связанные с развитием и сохранением языков КМНС Камчатки (например, конкурс творческих работ на родном языке коренных народов). Однако нет сомнений в том, что на Камчатке таких инициатив должно быть больше и они должны быть комплексные, а не точечные, при тесном сотрудничестве правительства, ученых-

⁴ <https://hum.hse.ru/arctic/news/858634185.html> (дата обращения – 25.08.2024)

лингвистов, языковых активистов и самих представителей КМНС. В последнее время одним из активных инициаторов мероприятий по сохранению и развитию языков КМНС выступает Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга (далее – КамГУ им. Витуса Беринга). Есть надежда на то, что университет сможет объединить усилия на разных уровнях по ревитализации языков КМНС Камчатки. Университет стал участником программы стратегического и академического лидерства «Приоритет-2030». Выделенные средства в рамках программы позволили реализовать несколько проектов по сохранению и развитию языков КМНС. Один из них – приложение для изучения корякского языка «Koryak tuyu», разработанное моей командой в КамГУ им. Витуса Беринга и выпущенное в Google Play в июне 2024 г. и в AppStore, RuStore в июле 2024 г.

3. Мобильное приложение «Koryak tuyu» как цифровой инструмент поддержки корякского языка на Камчатке

Развитие цифровых технологий и внедрение их в разные сферы жизни открывает новые возможности для лингвистов в области сохранения и развития языков, находящихся под угрозой исчезновения. На Камчатке мы наблюдаем недостаток цифрового образовательного контента на коренных языках и низкую обеспеченность языков ИТ-разработками. На рынке цифрового образования и ИТ-разработок на корякском языке существует только одно мобильное приложение «Этно-карточки» на корякском языке под названием «Каюю» (на корякском означает 'оленок'), разработанное и запущенное в 2023 г. этно-блогером и языковой активисткой Кариной Козуб. С целью расширения присутствия корякского языка в цифровом формате и онлайн-пространстве мы разработали приложение «Koryak tuyu» (*тую* [tuu] на корякском языке означает 'вы', что созвучно английскому 'to you'). Мы не рассматриваем это приложение как инструмент спасения корякского языка от угрозы исчезновения. Целью является, скорее, содействие изучению языка среди молодого поколения, привлечение внимания общественности к языку, знакомство с языком и культурой коряков, а также повышение его социального престижа в местном сообществе посредством присутствия в сети Интернет, так как отсутствие социального престижа рассматривается как один из факторов, приводящих к упадку языка [Ward, Genabith 2003]. Также хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на огромную роль, которую цифровые технологии играют в создании и развитии языковых ресурсов, их можно использовать только как дополнительный инструмент в изучении и преподавании языка.

Данный раздел включает описание приложения, обзор функционала и компонентов приложения.

1. Целевая группа и уровень владения языком. Основная фокусная группа – этнические коряки, проживающие в отдаленных селах Камчатки; однако мы также нацелены на всех, кто заинтересован в изучении и сохранении корякского языка. Приложение предназначено для подростковой / взрослой аудитории, не владеющей языком. В приложении есть все, чтобы начинающий смог начать изучать язык с нуля.

2. Команда проекта. Учебная программа, содержание и название данного приложения были разработаны автором данной статьи. Я работаю научным сотрудником лаборатории изучения региональных проблем системы образования Камчатского края в КамГУ им. Витуса Беринга. В работе использованы материалы из самоучителя нымыланского (корякского языка) Г. М. Корсакова [1940], русско-корякского словаря А. Н. Жуковой [1983], грамматики корякского языка А. Н. Жуковой [1972], методических рекомендаций «Изучение лексики в корякском языке» В. Р. Дедык [2023].

Редактирование языкового материала и аудиозапись корякских слов осуществляли: Дедык Валентина Владимировна, носитель чавчувенского диалекта корякского языка, кандидат филологических наук, доцент кафедры родных языков, культуры и быта КМНС КГАУ ДПО «Камчатский институт развития образования» (пгт. Палана, Камчатский край); Сорокин Анатолий Анатольевич, носитель алюторского языка, владеющий корякским языком и имеющий большой опыт полевых работ с коряками и алюторцами, руководитель Центра этнолингвистических исследований в КамГУ им. Витуса Беринга. Нашей целью было включить в аудиокомпонент не только мужской и женский голоса, но и произношение носителя алюторского языка, который ранее считался диалектом корякского и получил статус

самостоятельного языка относительно недавно – в 2000 г., для того чтобы пользователь мог учесть потенциальные различия в произношении.

Мобильное приложение разработано IT-инженером Динарой Степиной на языках программирования Kotlin и Java для Андроид-версии и на языках Swift и Kotlin для iOS-версии и размещено в Google Play Market в июне 2024 г. и в AppStore, RuStore в июле 2024 г.

3. Пользовательский интерфейс приложения. В приложении используется удобный интерфейс. На главном экране отображены все доступные компоненты приложения. Каждое корякское слово записано корякским алфавитом с использованием раскладки клавиатуры для корякского языка, встроенной в само приложение, и сопровождается его переводом на русский язык. Пользователь может нажать на любое слово или фразу на корякском и услышать аудиозапись (см. рис. 1). Навигация между категориями также проста: пользователю нужно нажать на любую из категорий, и появится ее содержимое, или нажать кнопку «Назад», чтобы вернуться в главное меню. Благодаря такой простой навигации даже пользователь с небольшими знаниями в области цифровых технологий сможет разобраться в приложении. Еще одно важное преимущество данного приложения: оно скачивается пользователем и может быть использовано без подключения к сети Интернет.

Рис. 1. Алфавит.
Figure 1. Alphabet

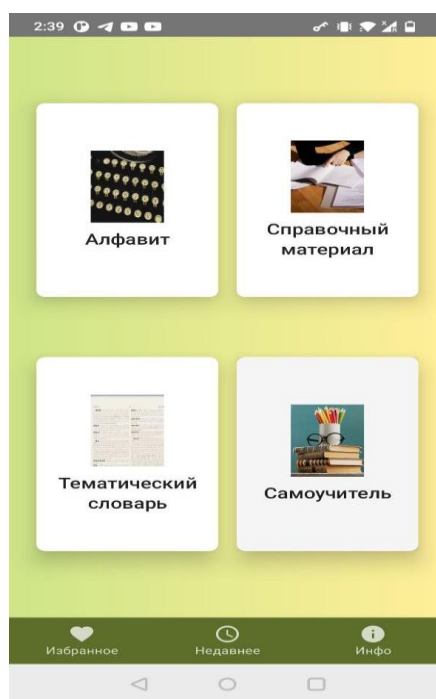

Рис. 2. Меню приложения
Figure 2. Menu

4. Возможности и компоненты приложения. Приложение состоит из четырех частей: алфавит, справочник по грамматике, 10 уроков и тематический словарь (см. рис. 2).

«Справочный материал» содержит краткие сведения о корякском языке, ударении, некоторых фонетических правилах и частях речи. Есть опция «поиск по теме», которая позволяет пользователю легко найти определенное слово.

Каждый урок раздела «Самоучитель» состоит из грамматических пояснений, вокабуляра и заданий. Уроки построены от простых, например приветственные фразы, до более сложных с текстом. В конце каждого урока необходимо выполнить небольшие задания, при успешном выполнении которых открывается доступ к следующему уроку (см. рис. 3). После прохождения всех десяти уроков пользователю предлагается викторина с несколькими вариантами ответов, по итогам которой при общем количестве набранных баллов от 8 до 10

открывается доступ к сказке на корякском языке «Раненый медведь», рассказанной корякским оленеводом Николаем Ивановичем Тынэтэгиным, потомственным оленеводом, носителем чавчунского диалекта корякского языка [Культура камчатских коряков-чавчуинов... 2022: 166–187]. Аудиофайл с расшифровкой и переводом был предоставлен Т. А. Головановой, старшим научным сотрудником сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН.

Рис. 3. Задания в конце урока
Figure 3. Tasks

В третьей части самоучителя находится тематический словарь. Он разбит на 10 тем, большинство из которых отражают местную среду: животные тундры, морские животные, рыба, охота / рыбалка, одежда по погоде / сезонам, семья, части тела, еда, ягоды. Каждая категория состоит как из визуальной, так и из звуковой составляющей; каждое корякское слово сопровождается переводом на русский язык. Одна из возможностей, которую предоставляет это приложение, заключается в том, что пользователь может поделиться словом из словаря с другими через мессенджеры или «добавить в избранное».

5. Потенциальное применение приложения в изучении языка. Это приложение разработано как инструмент для изучения корякского языка, который может использоваться индивидуально отдельными пользователями, интересующимися корякским языком и культурой, а также учителем как дополнительный инструмент в классе. В приложении есть достаточное количество аудиовизуального контента. Уроки в приложении построены таким образом, что пользователь, не

владеющий корякским языком, сможет выучить базовые слова и фразы на корякском, понять грамматическую структуру предложения на корякском. В разработке уроков применялся метод механического запоминания с циклическим повторением опорных слов. Данное приложение «Koryak tuu» будет использовано как дополнительный образовательный инструмент на уроках корякского языка в КГПОБУ «Паланский Колледж» в пгт. Палана Тигильского района Камчатского края, а также в программе подготовки магистров по направлению «Этнолингвистика» в КамГУ им. Витуса Беринга.

6. Сложности в разработке мобильного приложения «Koryak tuu». IT-разработчик мобильного приложения Д. Степина столкнулась с несколькими техническими сложностями, связанными с ограничениями мобильных платформ, такими как тестирование, работа с большим объемом текстов, сложная логика перехода между экранами для каждого урока. Детальное описание технической составляющей выходит за рамки данной статьи. Однако стоит упомянуть об одной сложности в разработке приложения – проверка верных ответов. Если речь не идет о тестах с ограниченным набором ответов, задания и их проверка часто являются сложной задачей для разработчика. Так как в приложении «Koryak tuu» в рамках заданий пользователю часто предлагается самостоятельно написать ответ на вопрос, разработчик столкнулся с двумя типами проблем:

1) необходимость введения спецсимволов, обозначающих специфические звуки корякского алфавита, при написании ответа на вопрос. Эта проблема была решена добавлением специальных кнопок на экраны таких заданий, которые позволяют пользователю ввести необходимые символы, недостающие в стандартной кириллической раскладке. Для пользователей ОС Андроид также была выпущена специальная раскладка, которую можно установить и активировать на телефоне;

2) ограниченность верных ответов. В силу ограничений приложений проверка на правильность предложенного ответа реализуется при помощи сравнения предложенного ответа с образцом, который хранится в базе данных приложения. Приведем конкретный пример. На задание «Образуйте множественное число от слова *ывынг'ын* (ягода)» можно ответить разными способами: *ывынг'у*, *Ывынг'у*, *ывынг'у!*, *'ывынг'у*: и т. д. Для того чтобы убедиться, что пользователь введет именно нужный с точки зрения приложения ответ и с учетом особенностей орфографической записи корякских слов, разработчик использовал следующую схему: при вводе ответа приложение выравнивает его (убирает все заглавные буквы, делая их строчными), убирает лишние пробелы и другие пунктуационные знаки, чтобы они не мешали проверке. Кроме того, в приложении часто дается подсказка в виде начала слова, знаков пунктуации и нижнего подчеркивания, которое намекает пользователю на количество слов в правильном ответе.

Таким образом, приложение для изучения корякского языка является первым в своем роде на рынке цифрового образования на корякском языке и призвано способствовать привлечению внимания к изучению языка в местном сообществе.

Заключение

Новая эра глобализации вместе с распространением новых технологий породила как новые проблемы для коренных общин и их языков, так и создала новые возможности для возрождения языков и решения проблем, с которыми сталкиваются эти общины. При правильном применении технологий они могут стать мощными союзниками в борьбе за сохранение языков, находящихся под угрозой исчезновения. Цифровые инструменты облегчают создание обширных онлайн-архивов, платформ интерактивного обучения и мультимедийных ресурсов. Технологические инновации расширяют возможности по сохранению языков, позволяя создавать комплексные базы данных, доступные как исследователям, так и членам сообщества.

Язык, находящийся под угрозой исчезновения, – это язык, который может исчезнуть из-за вымирания его носителей или вследствие языкового сдвига, влекущего за собой отказ от местных языков в пользу доминирующего языка и утрату культурного наследия и самобытности. Однако находящийся под угрозой исчезновения язык все же не следует считать обреченным на «вымирание». Этот процесс неумолим, но не неизбежен: международное сотрудничество и хорошо спланированная, разумно реализуемая языковая политика могут поддержать усилия местных сообществ по сохранению своего родного языка и передаче его своим детям, несмотря на мощное влияние языкового сдвига в пользу доминантных языков [Moseley 2010].

Мы считаем, что усилия «сверху вниз» (top down), а также инициативы и усилия «снизу вверх» (bottom up) могут изменить ситуацию. В то же время не стоит забывать, что независимо от того, насколько лингвисты или языковые активисты с энтузиазмом занимаются ревитализацией языка, никакая программа по сохранению и развитию исчезающего языка не может быть успешной без поддержки со стороны самих носителей и их готовности внести свой вклад в развитие и передачу языка и его документирование. Усилия по возрождению корякского и других коренных языков Камчатки все еще довольно разрозненны. Возрождением языка на Камчатке занимаются преданные своему делу люди, пока еще рано говорить о сплоченном сообществе носителей языка и языковых экспертов, активистов. Это представляет собой существенный недостаток в продвижении процесса ревитализации родных языков КМНС на Камчатке. Тем не менее можно отметить активизацию работ разного рода организаций (общественных, информационных, культурных, просветительских и образовательных) по сохранению родных языков. Очевидно, что нужно продолжать укреплять и развивать эту позитивную тенденцию.

Приложение / Application

Приложение «Koryak tuyu» на Google Play:

<https://play.google.com/store/apps/details?id=ru.dinarastepina.koryakmobile>

Приложение «Koryak tuyu» на AppStore:

<https://apps.apple.com/kr/app/koryak-tuyu/id6593660048?l=en-GB>

Приложение «Koryak tuu» на RuStore:

<https://www.rustore.ru/catalog/app/ru.dinarastepina.koryakmobile>

Клавиатура на корякском языке на Google Play:

<https://play.google.com/store/apps/details?id=ru.dinarastepina.koryakkb&hl=ru>

Список литературы

Беляева М. Е. Общее представление о народной культуре коренных народов, проживающих в Олюторском районе Камчатского края (на материале экспедиций в с. Ачайваям в 2018 г.) // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (33). С. 49–55.

Болотаева О. Л. Наименования домашнего оленя в корякском языке в лингвокультурологическом аспекте // Russian Linguistic Bulletin. 2024 а. № 6 (54) [URL: <https://rulb.org/media/articles/12836.pdf>; дата обращения – 25.08.2024].

Болотаева О. Л. Язык и лексика традиционной культуры коряков (на примере заимствованной лексики в корякском языке): учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во Российск. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2024. 60 с.

Волков О. С., Пупынина М. Ю. Категория перфекта в чукотско-камчатских языках // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. XII. № 2. С. 535–568.

Голованева Т. А. Корякская письменность: проблемы функционирования // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (33). С. 6–15.

Голованева Т. А., Тирон Е. Л. Национальные имена, личные песни и семейные предания как способы трансляции семейно-родовой истории в культуре коряков-чавчуменов // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. С. 35–51.

Дедык В. Р. Изучение лексики в корякском языке: методические рекомендации. Петропавловск-Камчатский: Камчатский ИРО, 2023. 96 с.

Дедык В. Р. Изучение союза в корякском языке: методические рекомендации. Петропавловск-Камчатский: Камчатский ИРО, 2024. 36 с.

Жукова А. Н. Грамматика корякского языка. Л.: Наука, Ленинг. отд-ние, 1972. 322 с.

Жукова А. Н. Словарь корякско-русский и русско-корякский: Ок. 4000 слов: Пособие для учащихся начальной школы. Л.: Просвещение, 1983. 271 с.

Корсаков Г. М. Самоучитель нымыланского (корякского) языка. Изд. 2-е испр. и доп. Л.: Гос. уч.-пед. изд-во, Ленингр. отд-ние, 1940. 188 с.

Культура камчатских коряков-чавчуменов второй половины XX века по воспоминаниям Н. И. Тынэтэгина / Сост. Т. А. Голованева, отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск: СО РАН, 2022. С. 166–187.

Пупынина М. Ю. Проблема языковых контактов на северо-востоке России (на примере именного отрицания в чукотско-корякских и тунгусо-маньчжурских языках) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. № 1–2. С. 30–134.

Сорокин А. А. Названия месяцев и времен года в алюторском языке: сравнительный аспект с корякским и чукотским языками // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (33). С. 41–49.

Файзрахманова Ю. С. Общий анализ этноязыковой ситуации в Камчатском крае в контексте языкового законодательства и статистических данных // Полилингвальность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 42–57.

Brenzinger M., Yamamoto A., Noriko A., Koundioubi D., Minasyan A., Dwyer A., Grinevald C., Krauss M., Miyaoka O., Sakiyama O., Smeets R., Zepeda O. Language vitality and endangerment. Paris: UNESCO Expert Meeting on Safeguarding Endangered Languages, 2003.

Fishman J. A. Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages. Clevedon, England: Multilingual Matters, 1991.

Lee N. H., Van Way J. R. The language endangerment index // Cataloguing the world's endangered languages, P. 66–78 / Ed. By Campbell L., Belew A. London: Routledge, 2018.

Lewis M, Simons G. Assessing endangerment: expanding Fishman's GIDS // Revue Roumaine de Linguistique (RRL), 2010, Vol. 55(2), P. 103–120.

Moseley C. The atlas of the world's language in danger, 3rd edition. Paris: UNESCO Publishing, 2010. Online version: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000187026>

Ward M., Genabith J. CALL for Endangered Languages: Challenges and rewards. Computer Assisted Language Learning, 2003, Vol. 16 (23), P. 233–258.

References

Belyaeva M. E. Obshchee predstavlenie o narodnoy kul'ture korennykh narodov, prozhivayushchikh v Olyutorskom rayone Kamchatskogo kraya (na materiale ekspeditsiy v s. Achayvayam v 2018 g.) [General overview of the culture of indigenous peoples living in the Olyutor district of Kamchatka krai (based on the material of expeditions to Achayvayam settlement in October 2018)]. *Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. Section "The Humanities"*. 2019, no. 1 (33), pp. 49–555. (In Russ.)

Bolotaeva O. L. Naimenovaniya domashnego olenya v koryakskom yazyke v lingvokul'turologicheskom aspekte [Names of domestic reindeer in the Koryak language in the linguocultural aspect]. *Russian Linguistic Bulletin*. 2024, no. 6 (54). URL: <https://rulb.org/media/articles/12836.pdf> (accessed 25.08.2024) (In Russ.)

Bolotaeva O. L. *Yazyk i leksika traditsionnoy kul'tury koryakov (na primere zaimstvovannoy leksiki v koryakskom yazyke): uchebno-metodicheskoe posobie* [Language and lexicon of the traditional culture of the Koryaks (using the example of borrowed vocabulary in the Koryak language)]. St. Petersburg, Herzen University Publ., 2024, 60 p. (In Russ.)

Brenzinger M., Yamamoto A., Noriko A., Koundioubia D., Minasyan A., Dwyer A., Grinevald C., Krauss M., Miyaoka O., Sakiyama O., Smeets R., Zepeda O. *Language vitality and endangerment*. Paris, UNESCO Expert Meeting on Safeguarding Endangered Languages, 2003.

Dedyk V. R. *Izuchenie leksiki v koryakskom yazyke: metodicheskie rekomendatsii* [Studying the lexicon in the Koryak language: methodical recommendations] Petropavlovsk-Kamchatskiy, Kamchatskiy IRO, 2023, 96 p. (In Russ.)

Dedyk V. R. *Izuchenie soyuza v koryakskom yazyke: metodicheskie rekomendatsii* [Studying the conjunction in the Koryak language: methodical recommendations]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, Kamchatskiy IRO, 2024, 36 p. (In Russ.)

Fayzrakhmanova Yu. S. Obshchiy analiz etnoyazykovoy situatsii v Kamchatskom krae v kontekste yazykovogo zakonodatel'stva i statisticheskikh dannykh [General analysis of the ethnolinguistic situation in Kamchatka Krai in the context of language legislation and statistical data]. *Polylinguality and Transcultural Practices*. 2024, vol. 21 (1), pp. 42–57. (In Russ.)

Fishman J. A. *Reversing language shift: Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages*. Clevedon, England, Multilingual Matters, 1991.

Golovaneva T. A. Koryakskaya pis'mennost': problemy funktsionirovaniya [Koryak writing: functioning problems]. *Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. Section "The Humanities"*. 2019, no. 1 (33), pp. 6–15. Print. (In Russ.)

Golovaneva T. A., Tiron E. L. Natsional'nye imena, lichnye pesni i semeynye predaniya kak sposoby translyatsii semeyno-rodovoy istorii v kul'ture koryakov-chavchuchenov [National names, personal songs, and family narratives as ways of transmitting family and ancestral history in Koryak-Chavchuchen culture]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal (Siberian Journal of Philology)*. 2024, no. 1, pp. 35–51. (In Russ.)

Korsakov G. M. *Samouchitel' nymylanskogo (koryakskogo) yazyka* [The textbook of the Nymylan (Koryak) language]. 2nd ed., rev. and suppl. Leningrad, Gos. uch.-ped. izd-vo, Leningr. otd., 1940, 188 p. (In Russ.)

Kul'tura kamchatskikh koryakov-chavchuchenov vtoroy poloviny 20 veka po vospominaniyam N. I. Tynetegin [The culture of the Kamchatka Koryaks-Chavchuvens of the second half of the 20th century: according to the memories of N. I. Tynetegin]. T. A. Golovaneva (Comp.), E. N. Kuzmina (Ed.). Novosibirsk, SB RAS Publ., 2022. pp. 166–187. (In Russ.)

Lee N. H., Van Way J. R. The language endangerment index. In: *Cataloguing the world's endangered languages*. Campbell L., Belew A. (Eds.). London, Routledge, 2018, pp. 66–78.

Lewis M., Simons G. Assessing endangerment: expanding Fishman's GIDS. *Revue Roumaine de Linguistique (RRL)*. 2010, vol. 55(2), pp. 103–120.

Moseley C. *The atlas of the world's language in danger*. 3rd ed. Paris, UNESCO Publishing, 2010. Online version: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000187026>

Pupynina M. Yu. Problema yazykovykh kontaktov na severo-vostoke Rossii (na primere imennogo otritsaniya v chukotsko-koryakskikh i tunguso-man'chzhurskikh yazykakh) [Language contacts in the Far North-East of Russia (based on nominal negation in Chukchi-Koryak and Tungus languages)]. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*. 2009, no. 1–2, pp. 30–134. (In Russ.)

Sorokin A. A. 2019. Nazvaniya mesyatsev i vremen goda v alyutorskom yazyke: sravnitel'nyy aspekt s koryakskim i chukotskim yazykami [Names of months and seasons of the year in the Alutor language: comparison with the Koryak and the Chukchi languages]. *Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. Section "The Humanities"*. 2019, no. 1 (33), pp. 41–495. (In Russ.)

Volkov O. S., Pupynina M. Yu. Kategoriya perfekta v chukotsko-kamchatskikh yazykakh [The category of perfect tense in Chukchi-Kamchatkan languages]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2016, vol. 12, no 2, pp. 535–568. (In Russ.)

Ward M., Genabith J. *CALL for Endangered Languages: Challenges and rewards. Computer Assisted Language Learning*. 2003, vol. 16 (23), pp. 233–258.

Zhukova A. N. Grammatika koryakskogo yazyka [Grammar of the Koryak language]. Leningrad, Nauka, 1972, 322 p. (In Russ.)

Zhukova A. N. Slovar' koryaksko-russkiy i russko-koryakskiy: Ok. 4000 slov: Posobie dlya uchashchikhsya nachal'noy shkoly [Dictionary of Koryak-Russian and Russian-Koryak: Approx. 4000 words: Manual for elementary school students]. Leningrad, Prosveshchenie, 1983, 271 p. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
25.08.2024

Сведения об авторе

Юлия Сулеймановна Файзрахманова – кандидат филологических наук, заведующая молодежной лабораторией лингвистической антропологии Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга (Петропавловск-Камчатский, Россия)

E-mail: juliafayz@gmail.com

ORCID 0000-0003-2316-0982

Information about the Author

Yu. S. Fayzrakhmanova – Candidate of Philology, Head of the Youth Laboratory of Linguistic Anthropology at Vitus Bering Kamchatka State University (Petropavlovsk-Kamchatskiy, Russia)

E-mail: juliafayz@gmail.com

ORCID 0000-0003-2316-0982

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.332 (=161.3)(571.14)

DOI 10.25205/2312-6337-2024-51-105-118

Календарная традиция белорусов-переселенцев: структурно-ритмическая типология песен позднего лета и осени

Т. В. Дайнеко

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Представлены результаты исследования напевов песен позднего лета и осени – как обрядовых, так и приуроченных к сезону, – принадлежащих к фольклорной традиции белорусов-переселенцев Сибири и Дальнего Востока. Изучались архивные и опубликованные записи, сделанные начиная с 1970-х гг. и до настоящего времени в ряде основных регионов расселения белорусов – Новосибирской, Омской областях, Красноярском и Приморском краях. В центре внимания находится важнейший для календарных песен аспект – структурно-ритмическая организация напевов, также затрагивается ладозвукорядный аспект, важный для песен позднелетне-осеннего периода. Особенности строения напевов песен переселенческой традиции соотносятся с типами напевов обрядовых песен материнской традиции, выявленными белорусским этномузыковедом З. Я. Можейко.

Ключевые слова

фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока, календарные песни белорусов-переселенцев, обрядовые и приуроченные песни позднего лета и осени, структурно-ритмическая типология

Для цитирования

Дайнеко Т. В. Календарная традиция белорусов-переселенцев: структурно-ритмическая типология песен позднего лета и осени // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51). С. 105–118. DOI 10.25205/2312-6337-2024-51-105-118

© Т. В. Дайнеко, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51)

Calendar tradition of Belarusian settlers: structural and rhythmic typology of late summer and autumn songs

T. V. Dayneko

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article presents the results of a study of the tunes of ritual and season-timed songs of late summer and autumn of the folklore tradition of Belarusian settlers of Siberia and the Far East. The study material comprises archival and published recordings made since the 1970s and up to the present time in a number of the main regions of settlement of Belarusians: Novosibirsk, Omsk regions, Krasnoyarsk, and Primorsky Territories. The focus is on the most important aspect of calendar songs, namely, the structural-rhythmic organization of the tunes. The author of the article has correlated the features of the tunes of the songs of the settlers' tradition with the types of tunes of ritual songs in the maternal tradition identified by the Belarusian ethnomusicologist Z. Ya. Mozheyko.

The tunes under investigation were established to belong to the first and second typological groups of *zhnivnye* songs, to the type of *zhnivnye* tunes of the eastern districts of Poozerye (the territory of Belarus), to the first and second *dozhinochnye* types, the first *yarynnyy* and the second autumn types (according to Mozheyko). In addition, some tunes were found to have characteristic structural and rhythmic parameters of the summer period types – the sixth *rusal'nyy* and the seventh *kupal'skiy*. Few songs proved to have typical modified and typical combined tunes. A special role in the organization of *zhnivnye* tunes is played by four- and six-syllable verse structures; they are realized in rhythmic formulas found in the tunes of songs throughout the calendar circle.

Keywords

folklore of Belarusians of Siberia and the Far East, calendar songs of Belarusian settlers, ritual and season-timed songs of late summer and autumn, structural and rhythmic typology

For citation

Dayneko T. V. *Kalendarnaya traditsiya belorusov-pereselentsev: strukturno-ritmicheskaya tipologiya pesen pozdnego leta i oseni* [Calendar tradition of Belarusians settlers: structural and rhythmic typology of late summer and autumn songs]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 105–118. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-51-105-118

Введение

В календарной традиции белорусов-переселенцев второй период летне-осеннего сезона ¹ – позднее лето и осень – представляет собой единый фольклорно-этнографический комплекс, который можно назвать сезонно-трудовым с обрядовыми и частично праздничными вкраплениями. В доступной нам коллекции календарных песен белорусов-переселенцев этот период представлен *жнивными* и *дожиночными* песнями, которые сопровождают главное дело периода – уборку зерновых. К данному периоду относятся и песни, которые исполнялись во время других сезонных работ: уборки и обработки льна или конопли, заготовки на зиму поздних ягод и пр.; такие песни обычно обозначали путем описания вида работы или народным термином *осеньские* / *вóсьеньские*.

В статье представлены результаты типологического изучения напевов песен указанных жанровых групп. Материалом для исследования послужили архивные ² и опубликованные ³

¹ О делении сезонов и жанровой классификации см.: Дайнеко Т. В., Леонова Н. В. Календарные песни белорусов Сибири и Дальнего Востока: жанровый состав // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 27–38.

² Копии аудиоматериалов Архива ОмГПУ (Омского государственного педагогического университета, ранее – института), ГАО (Государственного архива Новосибирской области) были сделаны Н. В. Леоновой для подготовки к изданию «белорусских» томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» и хранятся сейчас в Архиве традиционной музыки Новосибирской государственной консерватории им. М. И. Глинки (АТМ НГК).

³ См. «Список источников песенных образцов».

записи песен, сделанные в Новосибирской, Омской областях, Красноярском и Приморском краях начиная с 1970-х гг. и до настоящего времени. Изучались как обрядовые, так и приуроченные к сезону песни. Особенности организации напевов песен белорусов-переселенцев рассматривались в соотношении с типами напевов метропольных обрядовых песен, выделенными белорусским этномузыковедом З. Я. Можейко [1985]. В результате сопоставления среди напевов сибирско-дальневосточных песен выявлены типовые, типовые модифицированные и типовые комбинированные напевы ⁴.

1. Песни с типовыми напевами

К первой типологической группе жнивных песен (*I гр. жнив.*), по классификации З. Я. Можейко, относятся песни «Коло мойво терема» (Омск-РП/51 ⁵), «Жнитя, жнитя, жнейки» (ДВ-КШ/117 – Нот. прил., пример 1), записанные в Омской области и на Дальнем Востоке, а также две песни из Красноярского края на политекстовый напев – «Пора жнеям домой идтить» и «А на поле туман» (Кр-ШРБ/с.81-2, Кр-ШРБ/с.85-1). Первая из них обозначена исполнительницей как *осеньская*, вторая пелась «в поле во время жатвы», третья и четвертая помещены в раздел жнивных песен составителем. Во всех песнях поэтическая строфа двухчастна (АВ – в омской и дальневосточной, АА – в красноярских), как и мелострофа (АВ во всех случаях), что является признаком первой группы жнивных напевов [Можейко 1985: 110–111]. Ладозвукорядная основа песен – «летний» (по определению Ф. Рубцова) терцовый лад с субквартой. В дальневосточной песне ладозвукоряд проявлен более выпукло. В красноярском образце (Кр-ШРБ/с.81-2) сосуществуют два ладоинтонационных комплекса: в нечетных сегментах музыкальной формы – тетракордовый (*c–d–e–f*, основной опорный тон подчеркнут), в четных – суммарный (включающий и первый тетракорд), представляющий собой «летний» ладозвукоряд с субквартой и субсекундой, с основной опорой на *d* (*a–c–d–e–f*).

Присутствуют и другие характерные черты жнивных песен, отмеченные в белорусской типологии: в омской песне иррационально удлиняется третья с конца семислогового построения доля, что совпадает с началом слова (ср. с примером, приведенным З. Я. Можейко [Там же: 207, № 88]); в дальневосточном образце словообрыв приходится на предпоследний слог шестисложника и подчеркнут ритмически и интонационно – удлинением и глиссандо, то же происходит и в напеве красноярской песни, где словоразрыв разделяет сегменты второй строки. Обрядовый характер дальневосточной песни подчеркнут гуканьем в конце каждой строки.

В сборнике «Песни Псковской земли» (составитель А. Мехнецов), посвященном фольклору граничащего с Белоруссией ареала, содержатся живные песни аналогичной структуры и ладозвукорядной организации [1989: № 325–333].

Ко второй типологической группе жнивных песен (*II гр. жнив.*) относится песня «То на битам, на шляшчочку», записанная от потомков черниговских переселенцев Приморья (ДВ-КШ/125). В напеве наблюдаются отличительные черты типа *II гр. жнив.*: трехчастная мелострофа (АВС), при этом поэтическая строфа в своей основе двухчастна, но приобретает трехчастную форму путем повторения первого стиха (ААВ) [Можейко 1985: 111]. В песне присутствуют словоразрывы при повторении первого стиха, что также отмечается в белорусской классификации как признак типа *II гр. жнив.* [Там же]. В песне реализуется характерная ладово-мелодическая формула «жніва» ⁶, но в вариантном виде – с захватыванием верхних квартового и квинтового тонов (*fis–h–cis–d–e–fis*).

⁴ Классификация предложена автором, см.: [Дайнеко 2021].

⁵ Здесь и далее ссылки на образцы песен из репертуара белорусов-переселенцев даны сокращенно – в виде шифров. В первой части шифра (до дефиса) указан регион записи песни: Нск, Омск – Новосибирская, Омская области, Кр – Красноярский край, ДВ – Дальний Восток (Приморский край). Во второй части шифра даны источник записи песни (архивный материал или публикация) и далее, через косую линию, номер образца в нем или страница, на которой находится образец (для сборников без нумерации песен). См. «Список источников песенных образцов». Для архивных аудиозаписей указан номер описи в АТМ НГК, например: 20 = АТМ, оп. 20. Часть образцов публикуется в «Нотном приложении» к данной статье.

⁶ Впервые выведена З. В. Эвальд: быстрый подъем от субкварты к основной опоре и к верхнему терцовому тону, затем спуск через вторую ступень к основному опорному тону, возвращение ко второй ступени и утверждение основной опоры (IV–1–3–2–1–2–1) [Эвальд 1979].

Расширение в некоторых напевах диапазона ладозвукорядной формулы также отмечено в белорусской типологии [Там же: 111].

Разновидность жнивных напевов, бытующих в восточных районах Поозерья. В своей классификации З. Я. Можейко отмечает, что часть жнивных напевов (с двухчастным или трехчастным строением мелострофы, как в основных типологических группах) можно отнести к пяти разновидностям, имеющим определенные ареалы распространения. Напевы второй разновидности бытуют в восточных районах Поозерья; их отличает терцовый лад, «ровно развевывающаяся» мелодия, «просветленное» звучание [Там же: 111–112]. Приведенный пример песни позволяет выделить характерную для напевов данной разновидности ритмическую структуру, состоящую из четырехдольного сегмента с затянутой последней долей и сегмента-дямба: [Там же: 213, № 97].

Среди песен позднелетне-осеннего периода, записанных от белорусов-переселенцев, песни с напевами такого строения составляют самую многочисленную группу (14 образцов). Часть из них относится к *косецким*: «Ай, на лугу косец кося» (КР-СВЖ/с.26-1), «А на горе косец косит» (Омск-РП/45), «Ой, да раскошу я десятину» (Кр-ШРБ/с.75-1), остальные – к *жнивным* (Кр-ШРБ/с.81-1, Кр-ШРБ/с.86-2, Кр-ШРБ/с.85-2, Кр-ШРБ/с.79, Кр-ШРБ/с.77, Омск-РП/46, Кр-ШРБ/с.80-2, Омск-1/53, Омск-3/15, Омск-3/28, Омск-3/16). Помимо живной тематики вербальные тексты песен содержат и семейно-бытовую, в некоторых образцах последняя главенствует (например, «А ў полюшке огонь горит» Кр-ШРБ/с.81-1). Строение поэтической строфы в подавляющем большинстве случаев АА, в некоторых образцах – АВ, например, в живных «Коло лесу сонца ходя», «Пора, пора домовочке» (Омск-3/16 и 15 соответственно), в одной из косецких (Кр-СВЖ/с.26-1).

Типовая для данной разновидности ритмическая организация напева сохраняется во всех сибирских песнях. В некоторых образцах она предстает в неизменном виде (Омск-РП/45 – Нот. прил., пример 2), в других – с вариантными изменениями (например, Кр-ШРБ/с.75-1, Омск-1/53 и пр.).

Ладозвукоряды напевов представляют собой, как правило, терцовый лад с дополнениями в виде субкварты и / или субсекунды либо без них, с расширением амбитуса за счет включения тонов выше терцового. В этом типовом параметре также возможны варианты. Например, ладозвукоряд песни «А ў полюшке огонь горит» (Кр-ШРБ/с.81-1) включает тоны субкварты и субсекунды, но лишен терцового тона: *fis-a/ais-h-cis*. В таких случаях принадлежность напева к рассматриваемой разновидности восточного Поозерья устанавливается по наличию характерной ритмической структуры. Структурно-ритмический параметр является определяющим, поскольку напевы разных типов позднелетне-осеннего сезона имеют сходное строение ладозвукоряда.

Первый дожиночный тип (I дожин.). В классификации З. Я. Можейко отмечается, что в большинстве районов Полесья и центральной зоны Беларуси напевы дожиночных песен сливаются со жнивными, однако на Поозерье дожиночные песни имеют свои специфические напевы, которые, в сравнении со жнивными, отличаются «четкой периодичностью ритмики и особой структурой мелострофы» [Там же: 112]. В сибирской коллекции содержатся несколько песен с напевами типа I дожин., которые записаны в Омской области и Красноярском крае. Две из них – «Сидел козел на меже» (Омск-РП/50) и «Чья это борода» (Кр-ШРБ/с.86-1) – это *бородные* песни, которые исполняли в обрядовой ситуации «завивания бороды» на поле по окончании жатвы; остальные песни – «Как на нашей нивке», «Видит моё око» (Кр-ШРБ/с.87-2, Кр-ШРБ/с.80-1) и «На дворе не рана» (Омск-3/29) – относятся к *дожиночным* / *обжиночным*.

Согласно белорусской типологии, для вербального текста песен типа I дожин. характерна трехчастность, которая достигается либо за счет повторения одной из строк (что не указано З. Я. Можейко в описании типа, но это демонстрируют приведенные ею примеры песен), либо за счет добавления концевой припева, чаще всего с характерным для данного типа текстом: «Дзіва, дзіва», «Слава Богу», «Лі-ля-лё» [Там же: 113]. В качестве основной указана семидольная

ритмоформула с удлинённой последней долей ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ , однако песни, приведенные З. Я. Можейко в качестве примеров, построены и на шестидольных ритмоформулах: чаще всего это уже известная по песенным типам предыдущих календарных сезонов ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ , но возможны и другие варианты, например ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ [Там же: 217–219, № 104–106].

Организация поэтического и музыкального текста сибирских песен в полной мере отвечает всем признакам типа *I дожин*. Все песни имеют трехчастное строение поэтической и мелодической строфы. Последнюю часть строфы в трех образцах занимает типовой рефрен: «Слава Богу!» (Омск-РП/50; Кр-ШРБ/с.87-2 – Нот. прил., пример 3) и «А-е-я, ё-а-я» (Омск-3/29); в двух песнях повторяется смысловая строка вербального текста: АВВ (Кр-ШРБ/с.86-1), ААВ (Кр-ШРБ/с.80-1). Сибирским образцам свойственны как семисложные, так и шестисложные смысловые строки, в напеве они реализуются, как правило, типовыми ритмоформулами, указанными выше; четырехсложный смысловой припев – вариантом ритмоформулы шестивия ♪ ♪ ♪ ♪ , шестисложный асемантический припев – моноритмичной ритмоформулой с удлинением последней доли. Ладозвукоряд всех напевов – терцовый (типичный для жнивных и дожиночных), дополненный субквартой, в одном случае – еще и субсекундой (Омск-РП/50). В процессе ладоинтонационного развертывания наблюдается окончание мелодических фраз на второй ступени, что приводит к сдвигу ладовой опоры на эту ступень. Это также, согласно З. Я. Можейко, является устойчивым типовым признаком напевов дожиночных, ярынных (т. е. сопровождающих уборку яровых культур) и осенних песен [Там же: 113].

На Псковщине записывались песни с напевами такой же общей структуры (с рефренами или с повтором строки), а также ритмической (семи- и шестидольные ритмоформулы) и ладовой организации [Песни Псковской земли 1989: № 340–352].

Второй дожиночный тип (*II дожин.*) представлен в нескольких сибирских песнях: «И шёл раю дорогаю» (Омск-РП/49 – Нот. прил., пример 4), «Ишов Раю, ишов Раю» (Омск-1/15) из Омской области и «Жито моё реденько» (Кр-ШРБ/с.83) из Красноярского края. В основе лежит стих 4 + 4, первое полустишие повторяется и в напеве приобретает роль выделенного запева. Полученный таким образом двенадцатисложный стих реализуется в трехчастной слоговой музыкально-ритмической форме, которая полностью совпадает с приведенной в белорусской типологии [Там же: 113]: $\text{♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪}$.

Один из омских образцов (Омск-РП/49) записан вдвое увеличенными длительностями. Другой имеет варианты изменения: удлиняются последние доли первого и третьего сегментов ритмоформулы (Омск-1/15). Обращает на себя внимание сходство особенностей ладоинтонационного развития двух омских образцов: в процессе развертывания мелодии в рамках тетрахорда (ионийского – в Омск-1/15, целотонового – в Омск-РП/49) реализуются терцовые комплексы первой и второй ступеней (например, в образце Омск-РП/49 это $\underline{c}-d-e$ и $\underline{d}-e-fis$), в итоге происходит утверждение второй ступени в качестве главной опоры. В красноярской песне в основе напева лежит ладозвукоряд, типичный как для жнивных (в первую очередь), так и для других жанровых групп песен позднелетне-осеннего сезона – терцовый с субквартой.

Шестой русальный тип (*VI рус.*). В соответствии с параметрами этого типа напевов весенних и летних песен организованы две дожиночные песни из Красноярского края – «А чие то поле» и «А в поле полоска» (Кр-СВЖ/с.30 – Нот. прил., пример 5; Кр-СВЖ/с.31–32). Им свойственны двустроичная поэтическая строфа хороводной структуры ab/gb, типовая шестидольная ритмоформула ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ , которая пронизывает напев от начала до конца. Показателен вербальный текст одной из песен (рефренная строка опущена): *А в поле полоска перестой стояла, // Перестой стояла, к себе жней гукала. // Жнеи молодые, серпы золотые, // Ты сами сожните, ты конец пустите. // Надоело стоять, колосом махати* (Кр-СВЖ/с.31–32). В содержании и лексике текста этой дожиночной песни наблюдается словно зеркальное отражение того, о чем пелось в весенних закличках: на исходе зимы люди ждали прихода весны и всех сопутствующих ей природных явлений

(солнца, тепла), звали их, *гукáли* – осенью же полоска поля, которая здесь олицетворяет всю природу, зовет, *гукáет* жней, просит освободить поле от тяжести урожая.

Осенний календарный цикл в классификации З. Я. Можейко подразделяется на: 1) собственно *осенние* песни, 2) *ярынные* («ярыны», «як жнуць яравое»), 3) *льняные* («як лён бяруць»), 4) *овсяные* песни («як убіраюць авёс») [1985: 114]. В сибирской коллекции содержатся песни с напевами, соответствующими некоторым из указанных типов.

В соответствии с типовыми признаками **первого ярынного типа** (*I ярын.*) организованы напевы нескольких песен из Омской области, собирателями или исполнителями они обозначены как принадлежащие к периоду жатвы: «А ти вышла г(ы)розная туча» (Омск-РП/47) – *жнивная* [РП 2005: 189], «Ох, литала сера пирепёлка» (Омск-1/20 – Нот. прил., пример 6) – «*жнивá*», «Говорело поле полевое» (Омск-1/38) – «*жито*». Главными признаками типа являются двухчастное строение поэтической строфы (соответственно, и мелострофы) и наличие опоясывающего четырехсложного рефрена: (г4 + 6) + (6 + г4). Наиболее строго слоговой состав как смысловых строк, так и припева выдерживается в образце Омск-1/20; в песне Омск-1/38 число слогов варьируется во всех сегментах формы за счет добавления асемантических междометий или дополнительных слогов в слово (например, *мовоё* – вместо *моё* или *мово*). В третьей песне, Омск-РП/47, типовое соотношение слогов 6 + 6 устанавливается в смысловых строках начиная с четвертой строфы; рефрен остается стабильным звеном формы.

Ладозвукоряды образцов типичны для песен рассматриваемого сезона: Омск-РП/47 – терцовый с субквартой (в данном образце – с ее заполнением) *h–c–d–e–fis–g*; Омск-1/38 – терцовый с субквартой и субсекундой *g–b–c–d–es*; Омск-1/20 – терцовый с вариантной третьей ступенью и с захватыванием в полуречитативных возгласах квинтового тона *cis–dis–e/eis–(gis)*. В песне «А ти вышла г(ы)розная туча» (Омск-РП/47) и начальное, и конечное звенья рефрена завершаются на второй ступени лада, что также является типовой особенностью *I ярын.*; каждая мелострофа данного образца заканчивается обрядовым гуканием.

Песни с напевами, основанными на аналогичной рамочной структуре, записывались на Псковщине [Песни Псковской земли 1989: № 353–355].

Признаки **седьмого купальского типа** (*VII куп.*) имеют напевы небольшой группы сибирских осенних песен: «А в бору тетярлэк балбочет» (Омск-РП/52 – Нот. прил., пример 7). По комментариям исполнителей, ее поют, когда «осенью идут по ягоды» [РП 2005: 189]; «А в бору, бору лён бяру» (Омск-РП/55) – «поют, когда лён дярют» [Там же: 190]. И в той, и в другой песне признаки указанного типа явны: форма поэтической строфы АА, мелострофы – АВ; стих 5 + 3 реализуется в ритмической структуре, состоящей из двух сегментов: начального колядкового пятидольника и конечной ритмофигуры «притопа»: ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪. Ладозвукорядная организация песен сходна: напев реализуется в рамках пентахорда, третья и четвертая (в одном из образцов) ступени имеют варианты *c–d–es/e–f–g* (Омск-РП/52), *c–d–e/es–f/fis–g* (Омск-РП/55).

З. Я. Можейко указывает, что постоянный зачин «А ў бару ціцярук балбобаць» имеют, как правило, *ярынные* песни с напевами второго типа (что подтверждается и нотным примером, приведенным исследователем) [Можейко 1985: 115, 223, № 115]. В сибирской коллекции, как видим, имеющая такой текст песня – *осенняя* (Омск-РП/52), она относится к той же большой жанровой группе, что и *ярынные*, но имеет напев типа *VII куп.* Таким образом, летний купальский тип напевов распространяет свое «влияние» и на осенний период. По структурно-ритмическим признакам тип *VII куп.* совпадает с одним из основных типов свадебных напевов, широко распространенных на метропольной территории и имеющих хорошую сохранность у белорусов-переселенцев Сибири Дальнего Востока ⁷.

⁷ См.: Варфоломеева Т. Б. Музыкальные особенности свадебных песен белорусов Сибири и Дальнего Востока // Фольклор белорусов Сибири и Дальнего Востока. Ч. 1: Семейно-обрядовые песни и при-

Второй осенний тип (II ос.), по классификации З. Я. Можейко, включает напевы, которые идентичны по структурно-ритмическим признакам напевам свадебной обрядовой лирики. Для них характерен стих 5 + 5 + 7, реализующийся в ритмическом периоде из трех сегментов, из которых первые два представляют собой колядковую ритмоформулу, а последняя – семидольная с удлинёнными последними тремя долями: ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ [Можейко 1985: 116]. В соответствии с указанными параметрами организованы несколько песен из сибирской коллекции, записанных в Красноярском крае: «Ай, осень-осень», «Ой, осень, осень», «Ой, Святой Покров» (Кр-ШРБ/с.88, Кр-ШРБ/с.78-1, Кр-БЕ/23 – Нот. прил., пример 8). Песни определяются исполнителями или собирателями как *вóсенские*, они пелись «на праздник Покрова Пресвятой Богородицы», «с наступлением... холодов», «когда начинались свадьбы» [БЕ 2017: 121; ШРБ 2007: 78, 88]. В вербальных текстах двух образцов содержательные элементы семейно-брачной тематики выражены явно: упоминаются приезд сватов, «лихая» свекровь «с пригрозками» и т. д., в одном – не прямо, а с помощью природных образов (*Листочек пропал, зямельку устлал, / Ой, моя пора выйшла* – Кр-ШРБ/с.78-1). Слоговая структура стиха может выдерживаться без изменений (Кр-ШРБ/с.78-1) либо варьироваться в сторону увеличения количества слогов до 6–7 в первых двух сегментах формы (Кр-ШРБ/с.88). В таких случаях ритмоформулы также варьируются за счет дробления долей, но сохраняют свою узнаваемость. В одной песне каждая мелострофа заканчивается словообрывом и гуканьем (Кр-БЕ/23). Одиноким возгласом завершается и другой образец (Кр-ШРБ/с.88). Что касается ладозвукорядного параметра, то во всех напевах присутствует вариативность третьей ступени, уже отмеченная в напевах других типов; в остальном же это ладозвукоряды разного строения: терцовый лад с субквартой и расширением амбитуса до квартового тона (*a-d-f/fis-g* – Кр-ШРБ/с.88); пентакордовый ладозвукоряд (*d-e-f/fis-g-a* – Кр-БЕ/23); ладозвукоряд в объеме сексты с субквартой и субсекундой (*a-c-d-e-f/fis-g-a-h* – Кр-ШРБ/с.78-1).

Присутствие свадебного структурного типа и характерной образности вербального текста в *вóсенских* песнях совершенно не случайно. В. И. Елатов отмечает, что осенью, в пору свадеб, нередко «исполняются свадебные песни вне их непосредственной функции»⁸ [Елатов 1977: 39]. При этом в построенных по принципу психологического параллелизма текстах песен может сохраняться только первая часть с описанием картин природы, а вторая, касающаяся мира людей и матримониальной темы, опускается и может даже не сохраниться в памяти носителей традиции [Там же].

1.1. Напевы в структуре «коломыйка»

Как и в предыдущих сезонах, в позднелетне-осеннем периоде содержатся песни с напевами в типовой структуре «коломыйка». К таковым относятся записанные в Приморье от потомков черниговских переселенцев песни «Ой, вы горы, мае горы» (ДВ-КШ/135) и «Тикла речка, нивяличка» (ДВ-КШ/121), их пели «на поле, когда пололи или жали» и «когда конопли берут... восинью» соответственно. По содержанию вербального текста обе песни лирические, в них нет даже упоминания о жатве. Структура стиха 4 + 4 + 6. Влияние календарного жанра просматривается в том, как изменяется ритмическая реализация типовой структуры: и в той, и в другой песне второй четырехдольный сегмент ритмической структуры теряет моноритмичность, третья и четвертая его доли удлиняются: ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪, кроме того, на последнюю приходится характерное для жнивных глissандо. Шестидольный сегмент также отмечен ир-

читания / Сост. Н. В. Леонова (отв. сост.) и др. Новосибирск: Наука, 2011. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 31). С. 50–61.

⁸ В. И. Елатов приводит черниговскую песню, сходную по строению с рассмотренными сибирскими образцами, со слоговой структурой 5 + 5 + 6, которая в напеве реализуется с помощью ритмического построения из трех ритмоформул: ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ [Елатов 1977: 162].

рациональным удлинением последней доли, а в одном из образцов к нему прибавляется обрядовое гуканье (ДВ-КШ/135).

В группу песен со строением стиха 4 + 4 + 6 можно отнести и другие дальневосточные песни, лирические по содержанию вербального текста, например: «Ой, засохла, ой, завяла да былиначка ў поле» (ДВ-КШ/122) и «Падуи, падуи, витярочык»⁹ (ДВ-КШ/118). В них ритмическое строение сегментов формы также изменяется в соответствии с жанровой принадлежностью песен: стоит отметить удлинение в обеих образцах предпоследней доли второго сегмента, сочетающееся с нисходящим глиссандо (только в ДВ-КШ/118) и словоразрывом (в обеих песнях), столь характерным для жнивных напевов. Присутствуют и структурные изменения – добавляется выделенный запев, в котором повторяется последнее слово предыдущей смысловой строки.

В. И. Елатов называет структуру стиха 4 + 4 + 6 характерной для жнивных песен и «более развитой» по сравнению с часто встречающимся в их основе восьмисложником; при этом о «коломыйке» он не упоминает [Елатов 1977: 38].

2. Песни с типовыми модифицированными напевами

Напев толочанской песни из Омской области «Пив бы я мед и вино» (Омск-1/18) можно отнести к **первому дожиночному типу** (*I дожин.*), но с ритмической и структурной модификацией. В основе напева лежит стих 7 + 7, что соответствует типовому параметру. Стих ритмизован семидольной ритмоформулой ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ с удлинёнными первой, третьей и последней долями, которую следует считать вариантом типовой, где удлинена только последняя доля. Другая существенная модификация касается композиции строфы: в типе *I дожин.* она трехчастная и рефренная, а в данном образце строфа двухчастна (АА), поскольку рефрен отсутствует.

Песня «Как на нашей нивки» (Омск-РП/48), согласно комментарию исполнительницы, относится к «обжинковым», об этом же свидетельствует характерный вербальный текст: *Как на нашей нивки / Сегодня обжинки, / А-я-я-я* и т. д. По структурно-ритмической организации напев относится к **первому ярынному типу** (*I ярын.*) с модификацией на уровне общей композиции строфы: в типовой структуре рефрен опоясывающий, а в омском образце – концевой, т. е. начальное проведение четырехдольного рефренного сегмента формы отсутствует. В напеве реализуется типичный для жнивных песен «летний» терцовый ладозвукоряд с субквартой и субсекундой.

3. Песни с типовыми комбинированными напевами

Песня из Красноярского края «Пошла Маша жито жать» (Кр-ШРБ/с.78-2) имеет короткий, исчерпывающийся двумя поэтическими строфами, вербальный текст сатирического содержания: *Пошла Маша жито жать, / Позабыла хлеба узять. // Хлеб узьяла, серп забыла; / Лучшие б Маша дома была!* В организации напева комбинируются признаки двух типов: семислоговые строки первой поэтической строфы воплощаются с помощью ритмоформулы, характерной для типа *I дожин.* – ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪, а стих 4 + 4 второй строфы ритмизован двумя моноритмическими сегментами – ♪ ♪ ♪ ♪. Такая мерность ритмического движения при восьмисложном стихе отмечается 3. Я. Можейко как отличительный признак пятой разновидности, которая объединяет напевы «жнива» и живной толоки, распространенные в некоторых районах Полесья и центральной зоны Беларуси [Можейко 1985: 112]. В. И. Елатов называет восьмислововую структуру стиха основной для большинства жнивных песен [Елатов 1977: 38].

Образец из Красноярского края «Ой зелена ў лугах трава» (Кр-ШРБ/с.84 № 1) также отличается комбинированием в напеве двух типовых ритмических структур. Первая часть стиховой структуры песни (4 + 3) + 5 реализуется ритмоформулой ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪ ♪, характерной для первого типа весенних закличек. Пятисложник воплощается в напеве с помощью колядковой рит-

⁹ Комментарий носителей традиции к последней песне: «пают в жнівó, када пóлють, жнуть» [КШ 2003: 120].

моформулы $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$, она является сквозной для годового календарного круга белорусов и содержится в ритмических структурах типовых напевов разных сезонов.

3.1. Комбинированные напевы на типовых четырехдольных и шестидольных ритмоформулах

Напевы нескольких жнивных песен из сибирской календарной коллекции построены на четырехдольных и шестидольных ритмоформулах, которые встречаются в составе многих типовых ритмоформул песен разных сезонных циклов и приобрели уже самостоятельное значение. В. И. Елатов отмечает две стиховые структуры как основные для жнивных песен: двузвенную (4 + 4) и трехзвенную (4 + 4 + 6) [Елатов 1977: 38]. В сибирских песнях, кроме них, наблюдаются двузвенные структурные варианты 4 + 6 и 6 + 6.

Поэтический текст красноярской песни «Не видно, не видно» (Кр-СВЖ/с.31-1) имеет двустрочную строфическую форму ab/cd, строение стиха 6 + 6. Нечетные шестислоговые стиховые структуры ритмизованы типовой ритмоформулой $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$, а четные реализуются с помощью первой части «грязной» ритмоформулы из типа VI рус.: $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$.

На вариантах шестидольной ритмоформулы $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$ целиком построены дальневосточная песня «Павей, павей, ветрик» (ДВ-КШ/129) и красноярские образцы «Не пойду домой» и «А Пречистая мать» (Кр-ШРБ/с.84-2, Кр-СкСР/35).

Четырехсложные ритмические сегменты лежат в основе напевов песен из Новосибирской области и Красноярского края: «Моё жито не вродило» (Нск-ХБМ/93 – Нот. прил., пример 9), «Дуня моя» (Кр-ШРБ/с.82) и «А я в поле жито жала» (Кр-СкСР/35). В них комбинируются моноритмичный вариант четырехдольной ритмоформулы: $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$ или $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$, а также различные варианты ритмоформулы шестивия: $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$, $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$, $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$. В песне «Дуня моя» (Кр-ШРБ/с.82) общая структура строфы сходна с трехчастной типовой структурой типа II дожн.: (4 – запев) + (4 + 4), но в сибирской песне первый четырехсложный сегмент – это часть смысловой строки, а не выделенный запев, как указано в белорусской типологии.

В красноярском образце «А я в поле жито жала» (Кр-СкСР/35) строки первой поэтической строфы имеют структуру 4 + 4, цезуры в словесном и музыкальном тексте совпадают: *А я в поле жито жала* $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$ – изоритмичный шестисложник и вариант ритмоформулы шестивия; *На солнышко поглядала* $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$ – изоритмичные шестисложники. Далее же происходят модификации структуры 4 + 4. При сохранении основы ритмической структуры и в целом мелодического рельефа напева, место цезуры в словесном тексте сдвигается в каждой строке, и вследствие этого меняется и состав ритмоформул: первая строка второй строфы – *А взо ж солнышко низенько* (5 + 3, ритмоформулы колядковая и трехсложная $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$), вторая строка второй строфы – *Вечарочек близенько* (4 + 3, ритмоформулы шестивия и трехсложная моноритмичная $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$); и т. д. Таким образом, наблюдается несовпадение членения словесного и музыкального текста при сохранении ритмоструктуры напева (этот феномен отмечался Б. Б. Ефименковой).

Двузвенные стиховые структуры 4 + 6 лежат в основе жнивных песен из Омской области и Приморского края – «В чистом поле рябина стояла» (Омск-РП/53) и «Как жила я семь год удавою» (ДВ-КШ/126). И в том, и в другом напеве четырехсложник реализуется ритмоформулой шестивия $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$, а шестисложник – соответственно шестидольной ритмоформулой, которая входит во многие типовые ритмические структуры разных календарных сезонов. Последняя предстает в виде вариантов: моноритмическом – $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$ (Омск-РП/53) и с удлинением не только последних двух, но и третьей и четвертой долей – $\text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩} \text{♩}$ (ДВ-КШ/126). Характерной для жнивных песен ладозвукорядной организации в напевах не наблюдается, они построены на нижнем пентахорде эолийского лада. Вербальные тексты обеих песен относятся к семейно-бытовой тематике, с трагическим оттенком (о горькой жизни женщины с мужем-пьяницей), что свойственно и лирическим песням.

Выводы

В коллекции белорусских календарных песен сибирско-дальневосточного бытования содержится достаточно представительное количество песен позднелетне-осеннего периода (около 50). Результаты типологического анализа демонстрируют разнообразие типовых напевов по классификации З. Я. Можейко. Напевы образцов переселенческой традиции относятся к первой и второй типологическим группам жнивных песен, к разновидности жнивных напевов восточных районов Поозерья, к первому и второму дожиночным типам, первому ярынно-му и второму осеннему типам. Кроме того, встречаются песни, напевы которых имеют характерные структурно-ритмические параметры типов летнего периода – шестого русального и седьмого купальского. В небольшом количестве присутствуют песни с типовыми модифицированными и типовыми комбинированными напевами. Особую роль в организации жнивных напевов играют четырех- и шестислоговые стиховые структуры, они реализуются в ритмоформулах, распространенных и за пределами рассматриваемого календарного периода. В напевах песен позднелетне-осеннего периода отмечены также ритмоформулы, которые встречаются во всех сезонах годового круга – например, колядковая.

Жанровую принадлежность песен носители традиции определяют чаще всего обобщенно, указывая, что песню исполняли во время жатвы, на поле. При этом по строению песни может относиться не только к жнивным или дожиночным, но и к летним или осенним типам. Реже бывает обратная ситуация: жнивная по структурно-ритмическим признакам песня определяется исполнителями как *вóсеньская*. Такое переименование, отсутствие устойчивых, жестких границ в народной жанровой атрибуции и типологической принадлежности образцов свидетельствуют о внутренней целостности песенного цикла позднего лета и осени. Все его песни и обрядовые компоненты связаны с уборкой урожая – в широком смысле: как выращенного собственным трудом, так и полученного от природы (сбор ягод и пр.).

Список литературы

Дайнеко Т. В. Типология напевов зимних календарных песен белорусов Сибири и Дальнего Востока // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. 2021. № 55 (2). С. 177–188. DOI: 10.31773/2078-1768-2021-55-177-188

Елатов В. И. Песни восточнославянской общности. Минск: Наука и техника, 1977. 248 с.

Можейко З. Я. Календарно-песенная культура Белоруссии: опыт системно-типологического исследования. Минск: Наука и техника, 1985. 247 с.

Песни Псковской земли (По материалам фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории) / Сост. А. М. Мехнецов. Вып. 1: Календарно-обрядовые песни. Л.: Советский композитор, 1989. 296 с.

Эвальд З. В. Социальное переосмысление жнивных песен Белорусского Полесья // Эвальд З. В. Песни Белорусского Полесья. М.: Сов. композитор, 1979. С. 15–32.

Список источников песенных образцов

БЕ – Любимые песни красноярского ансамбля «Берегиня»: Метод. пособие для руководителей фольклорных коллективов / Сост. З. В. Ендржеевская. Железногорск: Диамант, 2017. 128 с.

КШ – Семёнова И. В., Семёнов О. В. Карагод широкий: Календарно-обрядовые песни переселенцев Суражского, Новозыбковского, Стародубского уездов Черниговской губернии в Приморье. Владивосток, 2003. 125 с.

РП – Русский народный праздник: Науч.-метод. пособие для работников культуры и образования / Отв. ред. М. А. Жигунова, Н. А. Томилова. Омск: Наука, 2005. 284 с.

СВЖ – Скопцов К. М. Ты воспой, жаворонушек: Народные песни, игры, потешки, записанные в Красноярском крае. Репертуарный сборник для детских фольклорных коллективов. Красноярск: КаСС, 2002. 92 с.

СкСР – Скопцов К. М. На серебряной реке: Народные песни Бирилюсского района. Красноярск, 2001. 80 с.

ШРБ – Шульпеков Н. А. «Расскажи ты, бабка...»: Календарный обрядовый фольклор Красноярского края. Красноярск: КаСС, 2007. 96 с.

References

Dayneko T. V. Tipologiya napevov zimnikh kalendarnykh pesen belorusov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Typology of tunes of winter calendar songs of the Belarusians of Siberia and the Far East]. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2021, no. 55 (2), pp. 177–188. DOI: 10.31773/2078-1768-2021-55-177-188. (In Russ.)

Elatov V. I. *Pesni vostochnoslavianskoy obshchnosti* [Songs of the East Slavic community]. Minsk, Nauka i Tekhnika Publ., 1977, 248 p. (In Russ.)

Eval'd Z. V. Sotsial'noe pereosmyslenie zhivnykh pesen Belorusskogo Poles'ya. In: Eval'd Z. V. *Pesni Belorusskogo Poles'ya* [Songs of Belarusian Polesie]. Moscow, Sovetskii kompozitor, 1979, pp. 15–32. (In Russ.)

Mozheyko Z. Ya. *Kalendarno-pesennaya kul'tura Belorussii: opyt sistemnotipologicheskogo issledovaniya* [Calendar-Song Culture of Byelorussia]. Minsk, Nauka i Tekhnika Publ., 1985, 247 p. (In Russ.)

Pesni Pskovskoy zemli (Po materialam fol'klornykh ekspeditsiy Leningradskoy konservatorii) [Songs of the Pskov Land (Based on materials from folklore expeditions of the Leningrad Conservatory)]. Iss. 1: Kalendarno-obryadovye pesni [Calendar and ritual songs]. A. M. Mekhnetsov (Comp.). Leningrad, Sovetskii kompozitor, 1989. 296 p. (In Russ.)

List of sources of song samples

Lyubimye pesni krasnoyarskogo ansamblya «Bereginya» (metodicheskoe posobie dlya rukovoditeley fol'klornykh kollektivov) [Favorite songs of the Krasnoyarsk ensemble “Bereginya” (methodological manual for leaders of folk groups)]. Z. V. Endrzhhevskaya (Comp.). Zheleznogorsk, Diamant, 2017, 128 p. (In Russ.)

Russkii narodnyy prazdnik: Nauchno-metodicheskoe posobie dlya rabotnikov kul'tury i obrazovaniya [Russian national holiday: A scientific and methodical grant for cultural workers and education]. M. A. Zhigunova, N. A. Tomilova (Eds.). Omsk, Nauka, 2005, 284 p. (In Russ.)

Semenova I. V., Semenov O. V. *Karagod shirokiy: Kalendarno-obryadovye pesni pereselentsev Surazhskogo, Novozybkovskogo, Starodubskogo uezdov Chernigovskoy gubernii v Primor'e* [Wide Karagod: Calendar-ritual songs by settlers from Surazhsky, Novozybkovsky, Starodubtzevsky Counties of the Chernigov province in Primorye]. Vladivostok, 2003, 125 p. (In Russ.)

Skoptsov K. M. *Na serebryanoy reke: Narodnye pesni Birilyusskogo rayona* [On the Silver River: Folk Songs of the Birilyussky District]. Krasnoyarsk, 2001, 80 p. (In Russ.)

Skoptsov K. M. *Ty vospoy, zhavoronushek: Narodnye pesni, igry, poteshki, zapisannye v Krasnoyarskom krae. Repertuarnyy sbornik dlya detskikh fol'klornykh kollektivov* [You sing, larks: Folk songs, games, jokes, recorded in the Krasnoyarsk Territory. Repertory collection for children's folk groups]. Krasnoyarsk, KaSS, 2002, 92 p. (In Russ.)

Shulpekov N. A. “*Rasskazhi ty, babka...*”: *Kalendarnyy obryadovyy fol'klor Krasnoyarskogo kraya* [“Tell me, grandmother ...”: Calendar ritual folklore of the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk, KaSS, 2007, 96 p. (In Russ.)

Нотное приложение

Пример 1

ДВ-КШ/117 – *Жнитя, жнитя, жнейки*. Зап. С. Н. Макаркин в 1993 г. в с. Анучино Анучинского р-на Приморского края. Нотация: И. В. Семёнова.

$\text{♩} = 72$

Жни - тя, жни - тя, жне - йки. У!

Жни - тя, ни ля - ни... У!

Да кра - я да - жне - мся. У!

Га - рэ - лки на - пье - мся. У!

Пример 2

Омск-РП/45 – *А на горе косец косит*. Зап. И. Г. Чумакова, Е. М. Ефремова, Е. В. Попова в 1995 г. в д. Соловьёвка Седельниковского р-на Омской области. Нотация: О. Г. Сидорская.

$\text{♩} = 96$ $\text{♩} = 84$

1. А на го - ре ко - сец ко - сит.

$\text{♩} = 96$

А на го - ре ко - сец ко - сит.

Пример 3

Кр-ШРБ/с.87, №2 – *Как на нашей нивке сегодня обжинки*. Зап. М. Ф. Шульпекова и Т. Тихонова в 1994 г. в с. Зареченка Туюхтетского р-на Красноярского края. Нотация: Н. А. Шульпеков.

$\text{♩} = 76$

Одна Все

1. Как на на - шей нив - ке

Ся - год - ня об - жин - ки.

Сла - ва Бо - гу! Гу!

Пример 4

Омск-РП/49 – *И шёл раю дорогаю*. Зап. Н. К. Козлова в 1996г. в д. Ларионовка Знаменского р-на Омской области. Нотация: О. Г. Сидорская.

$\text{♩} = 120$

1. И шёл ра - ю, и шёл ра - ю до - ро... - г(а) - ю.

Пример 5

Кр-СВЖ/с.30 – *А чье то поле задремало стоя?*. Зап. К. М. Скопцов в 1980 г. в г. Назарово Красноярского края. Нотация: К. М. Скопцов.

$\text{♩} = 104$

А чье - то по - ле за - дре - ма - ло сто - я?

Ой, ра - ным - ра - не - нько, за - дре - ма - ло сто - я.

Пример 6

Омск-1/20 – *Ох, литала сера пирепёлка*. Зап. в 1973 г. в д. Тайга Знаменского р-на Омской области. Нотация: С. А. Звягина

$\text{♩} = 133$

1. Ох, ли - та - ла

$\text{♩} = 127$

Се - ра пи - ре - пё - (о)л - ка

$\text{♩} = 122$

па чис - та - му по...

$\text{♩} = 117$

Ох, ли - та - ла.

Пример 7

Омск-РП/52 – *А в бору тет(я)рлёк бал(ы)боchet*. Зап. Е. М. Ефремова в 1995 г. в с. Утьма Тевризского р-на Омской области. Нотация: О. Г. Сидорская.

$\text{♩} = 100$

1. А в бо - ру те - т(я)р - лёк ба - л(ы) - бо - чет.

А в бо - ру те - т(я)р - лёк ба - л(ы) - бо - чет.

Пример 8

Кр-БЕ/23 – *Ой, Святый Покров*. Зап. И. Н. Горев, Е. В. Горева, З. В. Ендржеевская, И. Н. Черноусова в 2000 г. в д. Ивановка Бирилюсского р-на Красноярского края. Нотация: З. В. Ендржеевская.

$\text{♩} = 108$

1. Ой, Свя - тый Пок - ров,
И будь ты та - кой,
Як та - й Пра - чис - та... гу!

Пример 9

Нск-ХБН/93 – *Маё жито не врадила*. Зап. В. И. Байтуганов, Е. Ф. Фурсова в 1995 г. в с. Кыштовка Кыштовского р-на Новосибирской области. Нотация: В. И. Байтуганов.

Растяжно

Ма - ё жи - то не вра - ди - и - ла,
Се - ре - ди - на за - бо - ле - ла.

*Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
10.09.2024*

Сведения об авторе

Татьяна Владимировна Дайнеко – кандидат искусствоведения, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: tan-dai@mail.ru

ORCID 0000-0002-9801-3007

Information about the Author

Tatyana V. Dayneko – Candidate of Art Studies, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

E-mail: tan-dai@mail.ru

ORCID 0000-0002-9801-3007

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 398.3 +291.33

DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-119-131

Любовь, богатство, власть и греховность в «текстах желаний»: особенности бурятских заговоров

М. М. Содномпилова, С. Д. Гымпилова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию проблематики греха в традиционном мировоззрении бурят и его отражения в фольклоре через призму «текстов желаний» (заговоры на власть, любовь, богатство, магические знания). Заговоры *шэбшэлгэ*, *тарнидалга* относятся к древнейшим жанрам семейно-обрядовой поэзии бурят. Содержание и художественная форма заговора обычно определяется своеобразием его назначения, утилитарно-практической направленностью текста. Но это не ограничивает творческие возможности заговаривающих. Анализ разных текстов бурятских заговоров показывает их сложную структуру. Тексты специфических бурятских заговоров имеют зачин и заканчиваются своеобразной «закрепкой». Делается вывод о том, что в ряду образцов словесного творчества бурят, так же как и в заговорных текстах якутов, тувинцев, обнаруживается специфичная группа заговоров социальной направленности, исполнителями, а иногда и авторами которых были преимущественно мужчины. Цели этих заговоров разнообразны, они ориентированы на достижение власти, материального благосостояния, удовлетворения сексуальных желаний. На совершение таких действий шли немногие, поскольку тексты заговоров, способы получения магических предметов считались в обществе греховными. Для анализа использовались тексты традиционных бурятских заговоров, связанных с означенной проблематикой.

Ключевые слова

обрядовая поэзия, буряты, заговор, структура заговора, жанровая разновидность заговора, любовь, грех, магические знания

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственных заданий – проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (номер госрегистрации: 121031000243-5), проект «Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона» (номер госрегистрации: 121031000259-6).

Для цитирования

Содномпилова М. М., Гымпилова С. Д. Любовь, богатство, власть и греховность в «текстах желаний»: особенности бурятских заговоров // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (вып. 51). С. 119–131. DOI 10.25205/2312-6337-2023-3-119-131

© М. М. Содномпилова, С. Д. Гымпилова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51)

Love, wealth, power, and sinfulness in “wish texts”: the features of Buryat conspiracies

M. M. Sodnompilova, S. D. Gympilova

Institute of Mongolian, Buddhism and Tibetan Studies of SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract

This article delves into the examination of “wish texts,” specifically Buryat conspiracies centered around the topics of love, wealth, and power. One of the earliest forms of oral poetry, conspiracies hold great significance within the traditional ritual folklore of the Buryats and were widely utilized in their magical practices. There are special Buryat conspiracies aiming to possess magical abilities, achieve material advantage, or possess a beloved person. These conspiracies are of particular interest since they reflect the ideas of the Buryats about sin, the traditional values of Buryat society. The sinful nature of conspiracies was not so much determined by their goals but rather by the methods employed to achieve them. The depiction of sinfulness is particularly evident in the text of the love plot origins, which explicitly portrays the fundamental spiritual values of the Buryats that the petitioner is willing to forsake in pursuit of their desires. The analysis indicates the existence of a unique category of social conspiracies within the Buryat, Yakut, and Tuvini-an texts, primarily involving male individuals as perpetrators. The majority of these individuals were considered outsiders, who, for unclear reasons, were willing to defy societal norms and regulations, including both the impoverished and solitary individuals, as well as the wealthy and those who had fallen out of favor with authorities.

Keywords

ritual poetry, Buryats, conspiracy, conspiracy structure, genre variety of conspiracy, love, sin, magical knowledge

Acknowledgements

The article was written as part of the state assignments, the project “Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socio-Economic and Intercultural Interaction (17th – 21st cc.)” (state registration number: 121031000243-5), project “Ethno-cultural identity in the architectonics of folklore and literary texts of the peoples of the Baikal region” (state registration number: 121031000259-6).

For citation

Sodnompilova M. M., Gympilova S. D., Lyubov', bogatstvo, vlast' i grekhovnost' v “tekstakh zhelaniy”: osobennosti buryatskikh zagovorov [Love, wealth, power, and sinfulness in “wish texts”: the features of Buryat conspiracies s]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 119–131. (In Russ.) DOI 10.25205/ 2312-6337-2023-3-119-131

Введение

Мировоззрение и миропонимание народа, его духовные ценности наиболее наглядно отражены в фольклоре. Привлекая разные жанры фольклора и особенно пословицы, поговорки, как несущие важную воспитательную функцию, исследователи, анализирующие традиционное мировоззрение, редко обращаются к такому жанру устного народного творчества, как заговоры. Заговоры являются важной частью традиционного обрядового фольклора бурят и имели очень широкое применение в магической практике бурят. Это один из древнейших жанров устного творчества. Определенная сложность их анализа объясняется тем, что тексты заговоров – тема табуированная, в связи с чем многие тексты оказались недоступными для исследований.

Этнографические материалы показывают, что этот вид фольклорного жанра в бурятском устном народном творчестве имеет уникальные черты и практически не встречает аналогов в культурном наследии других сибирских народов, за исключением тувинцев и якутов.

Как особый вид жанра, заговор является магическим средством достижения желаемого в ритуалах разной направленности. Заговоры *шэбишэлгэ* («шепот», «нашептывание», «наговор», «заклинание», «заговор», «магия», «колдовство») [БРС 2010: 631], *тарни* («мистическое заклинание») [Там же: 415] относятся к жанрам семейно-обрядовой поэзии бурят. В жанровом и функциональном отношении ближе всего заговоры стоят к заклинаниям. Традиционный заговор – «это словесная магическая формула, обладающая, по суеверным представлениям народа, магической силой неотразимого действия на природу, явления народного быта в же-

лательном направлении» [Шаракшинова 2012: 91]. В составе ритуалов, в которых заговор используется как главный магический инструмент, особо выделяются лечебные, промысловые, продуцирующие, любовные. Большая часть заговоров была направлена на избавление от стихийных бедствий и болезней.

Особняком выделяется часть бурятских заговоров, целью которых было обладание магическими способностями, достижение материального преимущества, обладание любимым человеком. Цели подобных заговорных текстов позволяют определять их «как наиболее репрезентативную группу “текстов желаний”» [Домников 2018: 204]. Особый интерес эти заговоры представляют по ряду причин: тексты заговоров характеризовались обществом как крамольные, греховные; их авторами и исполнителями были преимущественно мужчины; тексты заговоров, записанные полностью от начала и до конца, очень редки.

Целью статьи является исследование наиболее актуальных для традиционного бурятского общества реальных и нереальных желаний, в большинстве своем греховных, осуждаемых обществом, которые отражены в фольклоре в «текстах желаний» (заговоры на власть, любовь, богатство, магические знания). В качестве источника использовались тексты традиционных бурятских заговоров, связанных с означенной проблематикой.

Н. О. Шаракшинова пишет, что «носителями заговоров обычно были женщины пожилого возраста»; «в излечивании некоторых болезней магическая сила приписывалась и молодым женщинам, рожавшим детей-близнецов» [Шаракшинова 2012: 91]. Наши исследования показывают, что среди исполнителей заговоров было немало мужчин. На это указывают сферы применения заговоров – охота, добывание магических предметов – камней, растений.

Исполнение заговоров часто носит сугубо индивидуальный характер. Содержание и художественная форма заговора обычно определяется своеобразием его назначения, функциональной направленностью текста. Заговорные тексты не имеют самостоятельного эстетического значения, поскольку использовались лишь в утилитарных целях.

Но это не ограничивает творческие возможности заговаривающих. Они очень умело вводят в заговорный текст образы и мотивы улигеров, сказок, легенд, используют поэтические формулы, присущие малым жанрам фольклора. Например, в заговоре, направленном на притягивание внезапно покинувшей тело ребенка души, исполняемом его бабушкой, используются мифологические образы высших божеств шаманского пантеона (Эсэгэ Малан, Эхэ Юурэн, Заян Саган тэнгри и др.) [Там же: 94]. Творцы и исполнители заговоров иногда включают в текст отдельные образцы афористической поэзии. Образцы подобных текстов приведены ниже.

Структура заговора, сфера применения

Анализ разных текстов бурятских заговоров показывает их сложную структуру. Тексты специфических бурятских заговоров имеют зачин и заканчиваются своеобразной «закрепкой».

Заговор имеет просительный тон, поскольку к адресату человек обращается с определенной просьбой. В тувинских заговорах часто используются уничижительные самохарактеристики [Юша 2006: 64]. В образцах бурятских текстов такие особенности отсутствуют. Однако спецификой бурятских заговоров является зачин, который представляет собой своеобразную клятву. Текст зачина-клятвы в определенной степени напоминает текст проклятий (*харал*)¹, адресованный при этом самому исполнителю заговора. Иными словами, человек, давая клятву, озвучивает слова проклятия, призывая все несчастья обрушиться на него, если он нарушит клятву.

Наиболее ярко содержание зачина представлено в текстах любовных заговоров. Любовные заговоры, ставящие своей целью овладение сердцем и мыслями любимого человека либо объекта сексуальных желаний, вызывают особый интерес. Именно в этих текстах наглядно ре-

¹ Фольклорный жанр проклятия в монгольских языках называется *хараал* («проклятие», «брань», «ругань»). Негативное воздействие проклятия на адресата осуществлялось посредством вербальной магии. В текстах харалов проклинаемому желают остаться в одиночестве, без потомства, призывают на его голову все несчастья, желают ему и его близким скорой смерти и т. п.

презентируются ключевые духовные ценности бурят, от которых готов отказаться проситель ради достижения им своих сомнительных целей. Приведем образцы подобных заговоров.

Если девушка / парень влюбляется в кого-нибудь и не пользуется взаимностью, то, чтобы присушить его / ее к себе, обращается к помощи Хунилы Харагшана. Божество Хунилы Харагшан в бурятской мифологии, местопребыванием которого было небо, является покровителем любовных дел². Также оно считалось приближенным лицом покровителей танцев Багшандая или Ягшандая. Юноша или девушка обращается к этому божеству через посредника – таковыми выступают сросшиеся корнями дерева разных пород (береза и сосна либо сосна и лиственница). Ритуал совершается в темную ночь. Встав у сросшихся деревьев, вслух произносит следующие слова, обращенные к Хуниле Харагшану:

1. <i>Уе наһан соогоо</i>
<i>Удаан яргал соогоо,</i>
<i>Хубуушые басагашые ханахабэйб,</i>
<i>Айли зoorишые мэдэхэбэйб,</i>	Весь свой век
В продолжение долгого счастья
О сыне и дочери думать не буду,
О доме, имуществе думать не буду.
5. <i>Үрэшые, ундэһэшые нэхэхэбэйб,</i>
<i>Нэрэшые, нэлдэрэшые мэдэхэбэйб,</i>
<i>Хундэтэ хоорхэн хубуу</i>
<i>Хоорхэй һайхан басага (ухин)</i>
<i>Үбдэгдээрэ ургэхээр,</i>	О потомстве, корнях своих допытываться не буду,
О славе и имени помышлять не буду,
О дорогих сыновьях,
О красивых дочерях,
Которых ласкал бы на коленях,
10. <i>Үргэндоро таалахаар ханахабэйб.</i>
<i>Баабайлаха хубуу</i>
<i>Иибилэхэ басага</i>
<i>Ообээ соо ообэлхоор,</i>
<i>Үтэг дээрэ унэржихээр эрэхэбэйб.</i>	Прижимал бы их подбородком, думать не буду.
О сыне, зовущем отца,
О дочери, зовущей мать,
О том, чтобы качать их в колыбели,
О продолжении рода в своем утуже, просить не буду.
15. <i>Нэрэ дээрэмэ нэрэ бэдэрэжи,</i>
<i>Сол дооромо соло эрэжи,</i>
<i>Дээшэ, доошо ябахабэйб.</i>
<i>Хари халуунда ошохобэйб,</i>
<i>Нюһатые наарлуулажи,</i>	Искать славное имя,
Добиваться почета и уважения не буду,
Вверх и вниз (в знач. туда-сюда) ездить не буду,
Разъезжать по чужбине-родине не стану,
20. <i>Мансуйтые мандалажи,</i>
<i>Арга абар бэдэрэжи ябахабэйб,</i>
<i>Хундэмэ хубоо бэдэрэжи ошохобэйб.</i>
<i>Хунилайн хунишуе</i>
<i>Харагшийн хобойе</i>	Заботиться о потомстве,
Беспокоиться о пеленавших меня [родителях] не буду.
Искать помощи у шаманов не буду,
Искать почитаемое обо не стану,
25. <i>Ута наһан соогоо бэдэрэхэб!</i>
<i>Удаан яргал соогоо нэхэхэб!</i>
<i>Тэгшэ һайхан басаган</i>
<i>Тэгшэлэжи ябахаби,</i>
<i>Улуу һайхан ухие</i>	Сладость минутной любви,
Сила мимолетного влечения
Моей жизни целью будут!
Отныне до конца жизни искать буду
30. <i>Үүшэлэжи ябахаби!</i>
<i>Хубуун хууни хуби бэдэрэхэби!</i>
<i>Басаган хууни байра харахаби!</i>
<i>Нуумаган һүлд гуулэхэби,</i>
<i>Баймаган балд гуулэхэби!</i>	Отныне буду искать,
Более красивым девушкам
Потакать буду!
Вожделения мужчин искать буду,
Увлечения красивых женщин смотреть буду,
35. <i>Заб-забдал дээрэ</i>
<i>Зали мэдэхэбэйб,</i>
<i>Ябадал байдал дээрэ</i>
<i>Ядахы мэдэхэбэйб!</i>
<i>Хунилай хэрэги</i>	Буду искать наслаждения сидя,
Буду искать любви стоя!
В делах вожделения
Не буду иметь перерыва,
В делах любви
40. <i>Ходоро гарахаби,</i>	Не буду иметь пресыщения!

² Точно так же называли предбайкальские буряты птицу оляпку (водяной воробей), и неспроста: «согласно верованиям предбайкальских бурят, в перьях хунилы харагшан заключается такая чарующая сила, что никакая женщина не устоит перед обладателем этих перьев» [Миягашева 2016: 192].

*Харагшан ябадали
Захадан хурэхэби!
Үндэртэ Багшандай дуулаг,
Үлгэндэ Хунила Харагшан гэршэлэг!*

Вожделения эти
Пройду до конца,
Путь любви
Пройду насквозь.
Наверху Багшандай пусть слышит,
На земных просторах Хунила Харагшан пусть
свидетельствует!
[Балдаев, Ф. 36, л. 85]

Приведем другой вариант присушки:

1. *Үе наһан соогоо
Удаан яргал соогоо
Үрэшье, ундэһэньше нэхэхэбэйб,
Нэрэшье, нэлдэришье һанахабэйб,*
5. *Хундэтэ хубуу
Хоорхэй басага (ухи),
Үбдэг дээрэ ургэхээр
Үргэн дооро таалахаар,
Ообэ соо буубэйлхээр,*
10. *Үтэг дээрэ унэржуулхээр һана-
хабэйб,
Хунилын хунигууеын
Харагшани хабайн
Үйлэ наһан соогоо,
Удаан яргал соогоо*
15. *Нэхэн ябажа,
Дахан ошожи,
Нюһатайеэ нааруулхабэйб,
Мансуйтайе мандилуулхабэйб,
Тэгшэ һайхан басага харахаб,*
20. *Улуу һайхан ухи бэдэрэхэб!
Хунилайе ходо гарахаб,
Харагшани захидам хурэхэб,
Дээрэ Багшандай дуулаг,
Доро Хунила Харагшан хараг!*

Во все свои годы,
На протяжении своего счастья
О потомстве и его корнях думать не буду,
Ни имени, ни прозвища не вспомню.
Любимого сына,
Милую дочь,
Чтобы ласкать на коленях,
Чтобы подбородком прижимать,
В колыбели качать,
О процветании моих потомков думать не буду,
Сладость минутной любви,
Сила мимолетного влечения,
Будут целью моей жизни,
На протяжении жизни
Искать буду,
Преследовать буду,
Лелеять рожденных с соплями,
Ласкать в колыбели не стану,
На стройных красивых женщин буду смотреть,
Еще красивее девушек буду искать,
Вожделения эти пройду до конца,
Любви исчерпаю все возможности,
Наверху Багшандай пусть слышит,
Внизу Хунила Харагшан пусть видит!
[Балдаев, Ф. 36, л. 87]

После произнесения этих слов заинтересованное лицо (девушка или юноша) берет кору с этих деревьев, крошит ее вместе с табаком, насыпает содержимое в специально сшитый кисет с вышивками. Затем нужно предложить желанному объекту закурить его отборный табак. Если ничего не подозревающий закуривает из кисета, то приворот должен сработать, т. е. объект страсти влюбится в дарительницу либо дарителя. Отметим, что в прошлом у бурят курить табак не возбранялось и женской половине общества. В этой связи угощение табаком могло быть предложено и юноше, и девушке.

Аналогичные средства, помогающие приворожить либо расположить к себе людей и, наоборот, оттолкнуть их, были и у других народов Сибири. Якуты считали «волшебными» кости необычной двухголовой лягушки, среди которых была кость, похожая на крючок – с ее помощью можно было «притянуть» симпатии или любовь человека, а другая была похожа на вилы – ее функции были противоположными [Попов 1949: 284; Якутские мифы 2004: 254]. Сопровождались ли действия по получению таких костей заговорами, неизвестно. Хакасы также использовали кости лягушек в любовной магии, добывая для этих целей обычных лягушек – самца и самку. «Идентичные магические обряды с лягушками применялись и обски-ми уграми» [Миягашева 2016: 196].

Заговорный текст, как и благопожелание (*урезл, юрел*), заканчивается обычно «закрепкой», которая должна, по мнению древних людей, закрепить сказанное, усилить его магическую действенность. В некоторых образцах заговоров роль завершающей формулы – «закрепки» выполняет лаконичное пожелание *урезл*, ставшее органичной составной частью заговора. Например: *Адуу малаар баян болго, боомойе боожоло, Болдогоор дуурэн адаһатай болго!* ‘Наш скот размножь, сибирскую язву обвозжай, Пусть у нас будет полон бугор скота!’ [Шаракшинова 2012: 92]. Такие примеры характеризуют одну из сторон живого фольклорного процесса, открывающего широкие возможности для взаимообогащения и взаимопроникновения жанров.

Полагаем, что похожие зачины содержались и в текстах других заговоров, задачей которых было овладение магическими способностями и в конечном итоге достижение далеко идущей цели – власти над природой, над людьми, достижение избыточного материального благополучия. Подобного рода заговоры связаны с поиском и добычей магических предметов, лекарственных трав с «волшебными» свойствами. Приведем в пример заговор, который должен был сопровождать действия человека при сборе особых чудодейственных трав. К сожалению, неизвестно, поиск каких именно трав должен был сопровождаться такими заговорами. Зато известно, что наличие в тексте заговора зачина, описанного выше, по мнению самих бурят, привело к забвению лекарственных трав в бурятской культуре.

«Прежде буряты как будто бы знали много лекарственных трав, но позабыли. По мнению бурят, когда берешь лекарственную траву, необходимо дать клятву, что будешь жить с помощью этой травы и что, кроме нее, тебе не нужно ни хозяйства, ни жены, ни детей. Давать такую клятву буряты считают за грех, вследствие этого они не старались узнавать лекарственные травы, потому, какие знали, позабыли. Буряты, знающие эти травы от тех, которые просят показать их, требуют принести вышеописанную клятву... По мнению бурят, тот, кто знает какую-нибудь лекарственную траву, должен показать ее перед смертью другому человеку, но под условием той клятвы, если найдется к тому охотник. Без клятвы же передавать эти знания по обычаю нельзя» [Хангалов 1959: 159]. «...Когда показывают эти корни другому, то с него берут клятву, что он это будет хранить в секрете. Буряты обычно считают большим грехом давать такие клятвы. Вследствие этого многие лекарственные травы забыты» [Хангалов 1960: 80].

Прежде нами уже выдвигалось предположение, что на формирование подобных заговоров определенное влияние оказала русская фольклорная традиция. Влияние могли оказать представления о деятельности и судьбе «знахарей, колдунов и ведьм, о тяжком бремени волшебной силы, которое они несут всю свою жизнь. Согласно русским преданиям, такие люди получают свои необычные возможности и знания от нечистой силы. Вследствие этого обладатели волшебной силы не могут умереть (их не принимает в свое лоно Мать Сыра Земля), пока не передадут эти знания и силу кому-нибудь другому» [Содномпилова 2019: 120].

Как отмечает Ф. Ф. Болонев, изучавший тексты заговоров знахарей, чьи знания и мастерство отождествлялись с колдовской магией, «сохранению целостности и неизменности заговорных формул способствовали и некоторые особенности передачи заговоров другим лицам. Их нельзя было использовать в искаженном виде, передавать лицам, старшим по возрасту (от этого они якобы теряли магическую силу). Заговоры передавали только тем, кто в будущем будет продолжать практику знахарства, соблюдая в точности весь полученный в наследство арсенал знаний и умений» [Русский календарно-обрядовый фольклор... 1997: 251].

В целом в русских заговорных текстах мы видим отречение заинтересованного лица от праведной христианской веры и обращение к нечистой силе, в чем наблюдается сходство с бурятскими «текстами желаний». Заговорная формула может иметь следующий вид: «Встану я, не благословясь, пойду, не перекрестясь, не из дверей в двери, не из ворот в ворота – в кутное окно, в подкладное бревно, заячьими тропами, мышинными норами...» [Там же: 360], «Стану, не благословясь, пойду, не перекрестясь, не дверьми, не воротами, а под окладно бревно, под западну сторону...» [Там же: 362]. Таким образом, человек идет не обычным для людей путем, а путем, избираемым потусторонней, нечистой, неведомой силой (заячьими тропами, мышинными норами).

В тексте любовного заговора человек прямо обращается к силам природы с просьбой оказать ему помощь в привороте любимой девушки:

*Встану я (имярек) и пойду
из дверей в двери,
из дверей в ворота,
в чистое поле.
Навстречу мне – огонь и полымя
и буен ветер.
Встану и поклонюсь им низешенько
и скажу так:
– Гой еси, огонь и полымя!
Не палите зеленых лугов,
а буен ветер, не раздувай полымя,
а сослужите службу верную, великую:
выньте из меня (имярек) тоску тоскучую
и сухоту плакучую,
понесите ее через бора – не потеряйте,
через пороги – не уроните,
через моря и реки – не утопите,
а вложите ее в рабу Божью (имярек),
в белую грудь, в ретиво сердце,
и в легкия, и в печень,
чтобы она обо мне, рабе Божьей (имярек),
тосковала и горевала
денну, ночну и полуночну,
в сладких ествах бы не заедала,
в меду, пиве и вине не запивала.
Будьте вы, мои слова,
крепки и лепки,
отныне и довеку!
Закрываю крепким замком
и ключ – в воду [Там же: 349–350].*

Влияние русского мировидения и народного устного творчества на бурят исключать нельзя, особенно имея в виду тот факт, что сведения были записаны М. Н. Хангаловым у предбайкальских бурят, чей опыт общения с русскими был наиболее длительным. Для большинства бурят отказ от семьи и родственных уз был кошунственным решением. Содержание клятвы полностью противопоставляется идее продолжения рода, которая была самым главным смыслом жизни любого члена традиционного общества. В этой связи понятен отказ большинства бурят от получения магических знаний.

Сходное отношение к чудодейственным (= лекарственным) травам обнаруживается у тувинцев, но только не к абстрактной траве, а по отношению к женьшеню. Образ этого растения в мировоззрении тувинцев формировался, вероятно, в контексте богатого духовного наследия Китая. Об этом могут свидетельствовать, в частности, представления тувинцев о том, что «травка способна менять место своего положения – превратившись в дракона, женьшень мог уйти в другое место» [Юша 2018: 127]. Поиски этого растения и извлечение из земли сопровождалось разными ухищрениями и заговорами. Главным в этих действиях было отведение гнева духа-хозяина местности от добытчика, который карал смертью за это злодеяние. По представлениям многих народов Сибири, у природы нельзя было брать что-либо безвозмездно – изъятие у природы животного, растения, плодов, материала, топлива либо предварялось жертвоприношением, либо оплачивалось небольшими дарами после. Дары и жертвы могли быть разными – в зависимости от ценности изымаемого из природы. Женьшень, очевидно, был очень ценным растением в закромах духа-хозяина местности, и равноценной ему была только жизнь человека. У тувинцев «женьшень зарождается от молнии, и если не будет замены, того, кто выкапывает, может ударить молния» [Юша 2018: 133]. В этой связи иска-

тель корня, выкапывая его из земли, старался не извлекать его сам, используя собаку и вспомогательные инструменты. Как правило, согласно текстам тувинских заговоров, добытчик женьшеня предлагал духу-хозяину местности взамен ценного растения жизни своих сородичей. И лишь некоторые, очевидно самые смелые добытчики инсценировали свою смерть, тем самым, вероятно показывая духу-хозяину местности, что они отдали свою жизнь.

С точки зрения значимости медицины для человеческих обществ любой эпохи и особенно современной эпохи способность исцелять от болезней была равносильна получению неограниченной власти над людьми. Очевидно, что такие возможности и статус целителя, способного избавить от любой болезни, для определенной части общества стоили отказа от семьи и родственников, славы и богатства.

С другими властными возможностями связаны у бурят заговоры, сопутствующие получению магических предметов, способных улучшить материальное положение просителя.

Одним из таких предметов был клюв озерной и речной птицы – выпи, которая называлась *буха шубуун*. Птица *буха шубуун* живет в тростниках больших озер и обыкновенно громко кричит по вечерам. У бильчирских бурят клюв этой птицы использовали в семейно-бытовом колдовстве в целях привлечения достатка и богатства. С помощью этого клюва якобы можно было получить много сметаны, не обладая большим количеством дойных коров.

«Когда надоенное молоко разливают по деревянным крынкам (*торсог*) для отстоя сметаны, клюв *буха шубуун* макают в молоко; после такого действия в крынках отстаивается толстый слой сметаны; если клюв макать до половины молока, то до половинки крынки отстоится сметана, а если до дна – то и сметана будет до дна; таким образом, можно получить от двух или трех коров с помощью клюва *буха шубуун* столько же сметаны, как от двадцати или тридцати коров» [Хангалов 1960: 71].

Охотились на выпь и добывали ее клюв только те буряты, которые не боялись греха: «по поверьям бурят, брать клюв *буха шубуун* очень греховно». Под грехом понималась клятва, которую давал человек, желавший раздобыть клюв этой птицы: «Перед выстрелом по *буха-шубуну* стреляющий произносит клятвенное обещание: *Гажа шини хушер, шини тухар ябахаб* ‘Одною твоею силою и твоею помощью буду жить’, потом стреляет по птице и берет только ее клюв» [Там же]. Стандартная формула таких заговоров позволяет говорить, что зачин у этого заговора должен быть таким же, как и в других подобных текстах, в которых человек ради достижения своих целей отказывается от всего того, что образует категорию главных духовных ценностей традиционного бурятского общества.

Мистическим ореолом окружен ворон в мировоззрении бурят, которые верили, что ворон живет до 360 лет и сносит яйца только раз в жизни. Свои яйца ворон прячет от людского взора в гнезде с помощью особой травы, которая делает невидимыми яйца в гнезде и птенцов, когда они вылупятся. Не ясно, в каком деле могла бы пригодиться такая трава, но охотники до такой травы, вероятно, находились в бурятском обществе. Во всяком случае, им адресованы следующие рекомендации:

«Чтобы найти эту траву-невидимку, нужно взять воронье гнездо, брать из него по одной травинке и класть отдельно; как только возьмешь в руки эту траву-невидимку, тотчас яйца ворона будут видны. Найдя эту траву-невидимку, нужно дать клятву, что, взяв ее, будешь жить только с помощью ее и что тебе не нужны ни жена, ни дети, ни хозяйство и пр., что ты отрекаешься от всего этого навсегда» [Там же: 74].

В якутском фольклоре также обнаруживаются подобные заговоры с некоторыми отличиями. В частности, такой заговор исполняли, обращаясь к помощи так называемого «погодного» камня *сата / зада / яда / жада*, широко распространенного в культуре тюрко-монголов. С помощью такого камня можно было изменять погоду по собственному желанию – вызывать и прекращать дождь, пургу, ливни.

«Якуты, используя волшебный камень *сата*, трижды медленно погружали его в воду, при этом каждый раз проклинали себя и все свое будущее потомство и заканчивали следующими словами: “Чтобы ни мне, ни моему потомству не видать добра ни от бога, ни от людей, как только от тебя сата! Хах! Хах! Хах! (По-вороньи). Пусть на несколько дней прольется дождь! (Или поднимется метель)”» [Попов 1949: 287].

Отметим, что заговор, читаемый теленгитами при применении подобного камня, в корне отличается от якутского [Алексеев 1980: 55]. В якутской версии заговора мы видим, что ис-

полнители в зачине заговора осмеливались ради дождя или других изменений погоды проклясть свое потомство и себя. Возникает вопрос, что придавало смелости людям давать такие клятвы? В тексте заговора следует отметить одну уловку, которую использовал заклинатель волшебного камня – она должна была отвести от него всю силу проклятия камня. Заклинатель в конце заговора три раза каркал по-вороньи. Это известный прием, который использовался охотниками якутами, бурятами, эвенками при добыче медведя. Опасаясь мести со стороны духа-медведя, охотники каркали и убеждали его, что людей-охотников нет, а тело его клюют вороны. Так и в этом случае: заклинатель давал ложную клятву не от своего имени, а от имени ворона.

И все же само существование таких заговоров поднимает проблему греха и личности, бросающей вызов устоям традиционного общества. Что понималось под грехом в традиционном бурятском обществе и кто мог поставить под сомнение нормы и ценности своего социума? Отчасти прояснить этот вопрос могут вероучение и культовая практика шаманизма. Идеология шаманизма определяла жизненную ориентацию своих адептов, разъясняла смысл жизни человека, иерархию ценностей. «Смысл жизни (зачем, ради чего жить, к чему стремиться) у шаманистов заключается в счастье, потомстве, соблюдении заветов отцов» [Михайлов 1987: 146]. Цель жизни была многогранна: обеспечить богатство, материальное благополучие честным трудом, добиваться здоровья и долгой жизни, стремиться к высокому социальному положению, активно участвуя в общественной жизни.

В шаманизме определено и то, что считалось неприемлемым, богопротивным, запретным. В бурятском языке понятие «грех» транслируют термины *сээр* и *нүгэл*. «Бурятское слово *сээр* или *сээртэй* употреблялось при многочисленных прегрешениях: за жадность в рыболовстве и на охоте, за воровство, насилие, непочитание и непослушание старших, за чувства зависти и корысти, гордыни, другие безнравственные и несправедливые поступки. Понятие *сээр* заменяло собой юридический закон, суд» [Данчинова 2015: 199].

На совершение таких действий шли немногие, поскольку тексты заговоров, способы получения магических предметов считались в обществе греховными. Преимущественно это были маргиналы, готовые по каким-то причинам нарушить принципы и правила жизни традиционного общества. Обыкновенно эту группу людей составляли бедные, одинокие люди. Могли пренебречь нормами и правилами общества находящиеся на другом конце шкалы социальной иерархии богатые и именитые люди. Греховность некоторых деяний их, не ставящих под сомнение свою вседозволенность, не останавливала. Сюжеты многих якутских мифов повествуют о вызовах, которые бросали некоторые тщеславные якуты своим божествам, считая себя богатыми и известными, равными богам. Таковы предания «Идэдьги-боотур», «Ставшая злым духом, причиняющим глазные болезни» [Якутские мифы 2004] и мн. др. В бурятском устном народном творчестве такие сюжеты неизвестны, что свидетельствует о большей отдаленности сверхъестественного мира от человека и его недостижимости для большинства людей.

Рассмотренные выше тексты заговоров, выражающие разные желания людей, обществом характеризовались как греховные, т. е. запретные. Большинство бурят опасалось давать такие клятвы, считая озвучивание таких текстов большим грехом. Греховными считались именно слова зачина, в которых исполнитель отрекался от семьи, родителей, родственников, продолжения рода.

В якутской традиции подобные греховные клятвы тоже были известны, но, вероятно, их не следовало давать в каждом случае обращения к магии. Вообще отношение к магии в якутском обществе, вероятно, было гораздо мягче. Так, например, обладателей «погодных» камней среди якутов было немало, и способность управлять погодой не считалось греховным делом. А вот обладание костями «волшебной» двухголовой лягушки для обмана на суде, расположения или отторжения к себе / от себя людей некоторые якуты считали большим грехом [Попов 1949: 284; Якутские мифы 2004: 254]. Грех обладания костями лягушки, возможно, объяснялся жестоким способом их получения: лягушку бросали заживо на съедение лесным муравьям.

Многие магические действия и средства не рассматривались как «греховные», а считались удачей, чудом. Такой счастливой находкой, например, могла быть мифическая трава *буху аранай убюсу* [Потанин 1883: 188]. Обычным среди бурят и якутов было обращение к помощи летучей мыши. Летучая мышь пользовалась славой существа, которому удалось отвертеться

от притязаний царя птиц и царя зверей и не платить дань. По этой причине крылья летучей мыши люди брали на судебные разбирательства, желая выиграть процесс. Якуты пришивали крылья летучей мыши к воротнику одежды, чтобы удача сопутствовала в карточной игре [Якутские мифы 2004: 254]. Рассудительным животным буряты считали ежа и советовали ведущему тяжбы иметь при себе его иглы [Хангалов 1958: 327].

Кроме того, своеобразные миры божеств и бесчисленных духов подразумевали возможность обращения к помощи любого божества или духа, которому верующий бурят или якут мог верить себя и своих близких. Входили, вероятно, в число таких «покровителей» и магические предметы. Возможностью оказаться под таким «покровительством», очевидно, активно пользовались якуты. Об этом свидетельствует большой массив фольклорных материалов – мифов, преданий о необычных людях, за богатством и славой которых стоят разные божества и духи, магические предметы. Одно из преданий повествует о якутском князе Оногосчуте, человеке необыкновенном, одаренном большими способностями: он мог, например, по вкусу земли определять ее плодородие. Он владел камнем «счастья» и необычными собаками, подаренными ему лично божествами – покровителями собак, которые обеспечивали его благосостояние. «Умер он в глубокой старости и отличался на редкость хорошим здоровьем и счастьем, которое он получил от пестрого орла» [Попов 1949: 322]. Необходимо учитывать, что многие известные и богатые люди одновременно и сами были шаманами.

К греховным действиям, которые не всегда отражаются в заговорах, поскольку такие тексты были табуированными, относится предложение некоторым божествам и духам душ ближайших родственников и сородичей взамен магического предмета. Такую жертву обещали тувинские искатели духу – хозяину местности взамен женьшеня. И в бурятском шаманизме, если речь заходила о жизни и здоровье человека, замена души больного человека душами его сородичей была распространенной практикой. К этим, безусловно, греховным действиям прибегали черные шаманы [Хангалов 1959: 207].

Рассмотренные выше заговоры относятся к числу редких текстов, определяемых обществом как греховные. Греховность заключается как в самих текстах, озвучивать которые было предосудительно, так и непосредственно в действиях, которым сопутствуют заговоры. Исполнителями заговоров преимущественно были мужчины.

Заключение

Таким образом, в ряду образцов словесного творчества бурят, так же как и в заговорных текстах якутов, тувинцев, обнаруживается специфичная группа заговоров социальной направленности, исполнителями, а иногда и авторами которых были преимущественно мужчины. Цели этих заговоров разнообразны, они ориентированы на достижение власти, материального благосостояния, удовлетворения сексуальных желаний. Особый интерес эти заговоры вызывают в связи с тем, что в них нашли отражение представления бурят о грехе, о традиционных ценностях бурятского общества. Греховными виделись не столько цели заговоров, сколько пути их достижения. Наиболее ярко содержание греховного зачина представлено в текстах любовных заговоров. Именно в таких текстах наглядно репрезентируются ключевые духовные ценности бурят, демонстрируется, от чего готов отказаться проситель ради достижения своих желаний. Исследование заговорных текстов бурят показало, что в некоторых образцах роль завершающей формулы – «закрепки» выполняет *урезл* – лаконичное пожелание, органично ставшее составной частью заговора. Такие примеры характеризуют одну из сторон живого фольклорного процесса, открывающего широкие возможности для взаимообогащения и взаимопроникновения жанров.

На совершение греховных действий шли немногие. Преимущественно это были маргиналы, готовые по каким-то причинам нарушить принципы и правила жизни традиционного общества. Обыкновенно эту группу людей составляли бедные, одинокие люди. Могли пренебречь нормами и правилами общества и находящиеся на другом конце шкалы социальной иерархии богатые именитые люди. Греховность некоторых деяний их, не ставящих под сомнение свою вседозволенность, не останавливала. Сюжеты многих якутских мифов повествуют о вызовах, которые бросали некоторые тщеславные якуты своим божествам, считая себя богатыми и известными, равными богам.

Список литературы

- Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 315 с.
- БРС – Бурятско-русский словарь. В 2-х т. Т. II / Сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. 707 с.
- Данчинова М. Д. Понятие греха «сээр» («сээртэй») в обрядовом фольклоре западных бурят // Вестник Бурятского государственного университета. № 10. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 198–202.
- Домников С. Д. К феноменологии традиционного текста: заговоры социальной направленности как «машины желания» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 2. С. 203–213.
- Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм. История. Структура. Социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 289 с.
- Миягашева С. Б. Любовная магия у бурят как элемент ритуально-обрядовой практики (по этнографическим материалам С. П. Балдаева) // Культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. С. 186–201.
- Попов А. А. Материалы по верованиям вилюйских якутов // Сборник МАЭ. Т. IX. С. 257–323.
- Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры / Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников, Н. В. Леонова. Новосибирск: Наука, Сиб. предприятие РАН, 1997. 605 с. (Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока. Т. 13.)
- Содномпилова М. М. Между медициной и магией: практики народной медицины в культуре монгольских народов (XVII–XIX вв.). М: Наука, Вост. л-ра, 2019. 205 с.
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. I. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1959. 443 с.
- Хангалов М. Н. Собрание сочинений. Т. II. Улан-Удэ: Бурят. книж. изд-во, 1960. 420 с.
- Шаракинова Н. О. Бурятское народное поэтическое творчество. Иркутск, 2012. 262 с.
- Юша Ж. М. Поэтика тувинского обрядового фольклора // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 4. С. 64–70.
- Юша Ж. М. Женьшень в традиционной культуре тувинцев Китая и России // Новые исследования Тувы. 2018. № 4. С. 125–137.
- Якутские мифы / Сост. Н. А. Алексеев. Новосибирск: Наука, 2004. 451 с.

Архивные источники

- ИМБТ СО РАН. Фонд № 36. С. П. Балдаев. Инв. № 1075. «Материалы по шаманству». С. 85. Записано от Т. Хамнуева, 30 лет, в 1908 г. в с. Хохорск Боханского района Иркутской области.
- ИМБТ СО РАН. Фонд № 36. С. П. Балдаев. Инв. № 1075. «Материалы по шаманству». С. 87. Записано от С. Сергеева, 63 г., в 1920 г. в улусе Бытаевский, Бильчирское инородное ведомство.

References

- Alekseev N. A. *Rannie formy religii tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [Early forms of religion of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 315 p. (In Russ.)
- Buryatsko-russkiy slovar' v 2-kh tomakh* [Buryat-Russian dictionary]. L. D. Shagdarov, K. M. Cheremisov (Comps.). Ulan-Ude, Respublikanskaya tip., 2010, vol. 2, 707 p. (In Bur., In Russ.)
- Danchinova M. D. Ponyatie grekha “seer” (“seertey”) v obryadovom fol’klore zapadnykh buryat [The notion of sin “seer” (“seertey”) in ritual folklore of the Eastern Buryats]. *Bulletin of BSU. Philology*. 2015, no. 10, pp. 198–202. (In Russ.)
- Domnikov S. D. K fenomenologii traditsionnogo teksta: zagovory sotsial’noy napravlenosti kak “mashiny zhelaniya” [To the phenomenology of the traditional text: conspiracies of social orientation as “machines of desire”]. *Perm University Herald. Series “Philosophy. Psychology. Sociology.”* 2018, iss. 2, pp. 203–213. (In Russ.)

Khangalov M. N. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd., 1959, vol. , 443 p.; 1960, vol. II, 420 p. (In Russ.)

Mikhaylov T. M. *Buryatskiy shamanizm. Istoriya. Struktura. Sotsial'nye funktsii* [Buryat shamanism. History. Structure. Social functions.]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 289 p. (In Russ.)

Miyagasheva S. B. Lyubovnaya magiya u buryat kak element ritual'no-obryadovoy praktiki (po etnograficheskim materialam S. P. Baldaeva) [Love magic among the Buryats as an element of ritual and ceremonial practice (based on ethnographic materials by S. P. Baldaev)]. In: *Ku'tura Tsentral'noy Azii: pis'mennye istochniki* [Culture of Central Asia: written sources.]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ. 2016, pp. 186–201. (In Russ.)

Popov A. A. Materialy po verovaniyam vilyuyskikh yakutov [Materials on the beliefs of the Vilyuy Yakuts]. *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*. 1949, vol. XI, pp. 255–323. (In Russ.)

Russkiy kalendarno-obryadovyy fol'klor Sibiri i Dal'nego Vostoka: Pesni. Zagovory [Russian calendar and ritual folklore of Siberia and the Far East: Songs. Conspiracies]. F. F. Bolonev, M. N. Mel'nikov, N. V. Leonova (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 1997, 605 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East], Vol. 13) (In Russ.)

Sodnompilova M. M. *Mezhdru meditsinoy i magiey: praktiki narodnoy meditsiny v kul'ture mongol'skikh narodov (17–19 vv.)* [Between medicine and magic: traditional medicine practices in the culture of the Mongolian peoples (17th–19th centuries)]. Moscow, Nauka, Vost. lit., 2019, 205 p. (In Russ.)

Sharakhshinova N. O. *Buryatskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo* [Buryat folk poetry]. Irkutsk, 2012, 262 p. (In Russ.)

Yakutskie mify [Yakut myths]. N. A. Alekseev (Comp.). Novosibirsk, Nauka, 2004, 451 p. (In Russ.)

Yusha Zh. M. Poetika tuvinskogo obryadovogo fol'klora [The poetics of Tuvan ritual folklore]. *Humanitarian sciences in Siberia*. 2006, vol. 4, pp. 64–70. (In Russ.)

Yusha Zh. M. Zhen'shen' v traditsionnoy kul'ture tuvintsev Kitaya i Rossii [Ginseng in the traditional culture of Tuvans in China and Russia]. *The New Research of Tuva*. 2018, no 4, pp. 125–137. (In Russ.)

Archival sources

IMBTS SB RAS, Fund no. 36 S. P. Baldaev, inv. no. 1075 “Materialy po shamanstvu [Materials on shamanism]” p. 85. Recorded from T. Khamnuev, 30 years old, in 1908, in the village of Khokhorsk, Bokhansk District, Irkutsk Oblast.

IMBTS SB RAS, Fund no. 36 S. P. Baldaev, inv. no. 1075 “Materialy po shamanstvu [Materials on shamanism]” p. 87. Recorded from S. Sergeev, 63 years old, in 1920 Bytaevskiy ulus, Bil'chirskoe inorodnoe vedomstvo.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
13.05.2024

Сведения об авторах

Марина Михайловна Содномпилова – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)
E-mail: sodnompilova@yandex.ru
ORCID 0000-0003-0741-0494

Сэсэгма Дмитриевна Гымпилова – кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)
E-mail: gymps70@yandex.ru
ORCID 0000-0002-4251-3379

Information about the Authors

Marina M. Sodnompilova – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: sodnompilova@yandex.ru

ORCID 0000-0003-0741-0494

Sesegma D. Gypmipilova – Candidate of Philology, Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation)

E-mail: gymips70@yandex.ru

ORCID 0000-0002-4251-3379

МАЛЫЕ ЖАНРЫ

УДК 811.512.153

DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-132-141

Оценка и типы ее репрезентации в хакасских пословицах и поговорках

Н. Н. Таскаракова, К. А. Покоякова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия

Аннотация

Выявляются основные типы оценки на материале хакасских паремических выражений. Оценка репрезентируется как стремление к определенной норме, образцу поведения в обществе. Оценивание различных фрагментов мира через хакасские пословицы и поговорки представлено этической, ментальной-психологической, телеологической, эстетической и утилитарной оценкой, среди которых доминируют этический и телеологический виды. Разные типы оценок содержат как универсальные, так и этноспецифические ценности, отражающие этническую картину мира хакасского этноса в целом. Осмысление семантики пословиц и поговорок, дающих оценку внешнего и внутреннего вида человека в хакасском языке, способствует более глубокому пониманию национальных особенностей народа.

Ключевые слова

хакасский язык, пословицы, поговорки, паремии, этическая оценка, эстетическая оценка, телеологическая оценка, ментально-психологическая оценка, утилитарная оценка

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия, проект № 23-28-10064, «Хакасские пословицы и поговорки: язык и поэтика» (2023–2024 гг.; руководитель – А. Н. Чугунекова).

Для цитирования

Таскаракова Н. Н., Покоякова К. А. Оценка и типы ее репрезентации в хакасских пословицах и поговорках // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (вып. 51). С. 132–141. DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-132-141

Assessment and types of its representation in Khakass proverbs and sayings

N. N. Taskarakova, K.A. Pokoiakova

Katanov Khakass State University, Abakan, Russia

Abstract

Assessment holds a significant position in contemporary linguistic research. Nevertheless, the assessment category has not yet been specifically studied in the context of Khakass language paremic expressions. This study categorizes the different forms of assessment found in Khakass proverbs and sayings. A range of sources was used, including a collection of Khakass proverbs, sayings, a Khakass-Russian dictionary, folklore, and artistic texts. The analysis has demonstrated a substantial prevalence of proverbs and sayings car-

© Н. Н. Таскаракова, К. А. Покоякова, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51)

rying evaluative meanings of a private nature, encompassing ethical, aesthetic, mental-psychological, teleological, and utilitarian evaluations. Assessment is expressed as a desire for a certain norm, a pattern of behavior. By means of private assessments, a selection is made between concepts of good and evil, morality and immorality, and the like. Understanding the evaluative semantics of proverbs and sayings in the Khakass language contributes to a deeper understanding of the national characteristics of the ethnic group. The ethical negative assessment is predominantly conveyed in the proverbial fund of the Khakass language, taking the form of moral teachings and prohibitions. The distinctive characteristics of aesthetic assessment involve drawing figurative parallels between the beauty of a Khakass woman and the sun and the moon and recognizing the beauty of a man through his moral resilience. The assessments found in the Khakass paremiological fund encompass both universal and ethnocultural values that depict the Khakass worldview. The investigation of Khakass paremiology presents further opportunities to uncover the characteristics of normative meanings and their overall evaluative connotations.

Keywords

Khakass language, proverbs, sayings, paremias, ethical assessment, aesthetic assessment, teleological assessment, mental-psychological assessment, utilitarian assessment

Acknowledgements

The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-28-10064 «Khakass proverbs and sayings: language and poetics» with parity financial support of the Government of the Republic of Khakassia (2023-2024; head – A.N. Chugunekova)

For citation

Taskarakova N. N., Pokoiakova K. A. Otsenka i tipy yego reprezentatsiya v russkikh poslovitsakh i pogovorkakh [Assessment and types of its representation in Khakass proverbs and sayings] // *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 132–141. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-132-141

Введение

Оценка относится к числу фундаментальных категорий, исследованием которой занимаются представители разных научных дисциплин – философы, психологи, культурологи, литературоведы и мн. др. В лингвистике проблема категории оценки является предметом исследования ученых с древнейших времен (работы Аристотеля, Б. Спинозы). В современных лингвистических исследованиях оценка занимает одно из актуальных направлений. Так, изучению оценочной семантики, сущности и типов оценки, их критериев и др. в отечественном языкознании посвящено немало работ [Ивин 1970; Харченко 1976; Золотова 1980; Арутюнова 1988; Вольф 1986, 2020; Маркелова 1995; Трипольская 1999; Чернявская 2000; Болдырев 2002; Сергеева 2003; Дормидонтова 2009; Пашаева 2011; Погорелова, Яковлева 2017; и др.]. В настоящее время к числу актуальных вопросов относится изучение оценки, оценочных отношений в пословицах и поговорках. Изучение оценки в паремических выражениях разных языков было объектом внимания многих исследователей [Гаевская 1990; Бочина 2003; Доржиева 2003; Мирзаева 2003; Замалетдинов 2004; Бакирова 2010; Кумахова 2011; Юань Лиин 2016; Абакумова 2020; Ескеева, Мусабекова 2022; и др.]. В сибирских тюркских языках этому вопросу уделено внимание, например, на материале алтайского [Ойноткинова 2005, 2012] и тувинского [Ломакина 2022] языков.

Так, например, Р. Р. Замалетдинов, проанализировав категорию оценки в татарских пословицах и поговорках, приходит к выводу, что в них находят отражение рациональная составляющая оценки (это убедительно) и эмоциональный компонент (эмоции, связанные с оцениваемым объектом). Он выделяет следующие типы оценок: 1) этическую, связанную с традиционной народной моралью; 2) эстетическую, обусловленную этническими стереотипами оценки внешней стороны явлений, обыденными представлениями о красоте; 3) функциональную (с точки зрения соответствия объекта своему назначению) [Замалетдинов 2004].

В работе О. В. Ломакиной даются примеры описания лингвокультурологического и лингвоаксиологического потенциала паремиологического фонда тувинского народа. Автором выявлена взаимосвязь лингвокультурологического содержания паремий с прототипической ситуацией, а также ее зависимость от этнокультурного смысла их компонентов, выступающих в качестве этнолингвомаркеров. В свою очередь, лингвоаксиологическое содержание паремий представляет соотношение в них универсальных и этнокультурно специфических ценностей

тувинского народа. Также были проанализированы ценностные константы и ценностные переменные, репрезентованные тувинской паремиологией [Ломакина 2022].

Что касается хакасских паремических выражений, обладающих оценочной семантикой, то они до сих пор не являлись предметом специального изучения. Этим и определяется актуальность нашего исследования, которую мы связываем с недостаточным уровнем изучения малых фольклорных жанров хакасского народа в современных коммуникативных условиях. Научная новизна исследования заключается в получении новых знаний об аксиологических аспектах репрезентации концептуальных особенностей хакасских пословиц и поговорок, которые позволяют понять специфику оценочных суждений в контексте национальной ментальности.

Цель нашего исследования состоит в выявлении типов оценки в пословицах и поговорках хакасского языка.

Известно, что в процессе коммуникации человек выражает свое отношение к другим людям и предметам действительности. Вследствие этого возникает определенная оценочная языковая ситуация, которая может интерпретироваться как «субъект оценки считает, что объект оценки хороший / плохой» [Ивин 1970: 18].

Согласно традиционной точке зрения, в структуру оценки входят три основных элемента: субъект оценки, объект оценки и оценочный предикат (или основание оценки). Субъектом оценки считается эксплицитный или имплицитный компонент оценочной конструкции, представляющий человека или социум, со стороны которого дается оценка. Объектом оценки принято считать компонент оценочного высказывания, представляющий собой фрагмент окружающей среды, который оценивается. Особенностью объекта оценки является его способность обозначать не только конкретный предмет, но и целую ситуацию, действие или факт. Каждый объект действительности (вещь или положение дел, человек или событие) обладает неопределенным по числу и составу набором аксиологически релевантных свойств: в одном отношении объект может характеризоваться положительными свойствами, в другом – отрицательными. Оценочный предикат или основание оценки – это компонент высказывания, который выражает суть оценки и является реальной основой оценочной конструкции [Дормидонтова 2009: 48].

Таким образом, под оценкой мы понимаем «результат оценочной деятельности индивида, выраженный вербально, то есть закрепленное в высказывании или элементах языковой системы оценочное отношение говорящего к предмету речи» [Вольф 2020: 12–13].

В структуре паремических выражений выделяют два типа оценочных значений: «общеоценочные (хороший, плохой) и частнооценочные (глупый, умный, болтливый, скупой и т. д.)» [Ойноткинова 2012: 130].

Н. Р. Ойноткинова, опираясь на классификацию типов оценок, предложенных другими исследователями, прежде всего Н. Д. Арутюновой, выделила для алтайских пословиц и поговорок следующие типы оценок, вытекающие из содержания оценочных предикатов, представив их рейтинг в соответствии с тем, в каком количестве паремий они выражены): 1) этические, 2) ментально-психологические; 3) телеологические; 4) сенсорно-вкусовые, или гедонистические; 5) эстетические; 6) утилитарные. По мнению автора, «важным компонентом семантики и прагматики алтайских пословично-поговорочных высказываний выступает оценка, выражающая ценностное отношение к тому или иному факту». Чаще всего оценка дается морально-нравственному облику человека, и в количественном отношении пословицы с отрицательными эстетическими оценками доминируют над пословицами с положительными эстетическими оценками [Ойноткинова 2012: 138].

При анализе эмпирического материала мы исходим из частнооценочных значений, предложенных Н. Д. Арутюновой [1988].

Как показывает собранный языковой материал, оценивание различных фрагментов мира через хакасские пословицы и поговорки представлено этической, ментально-психологической, телеологической, эстетической и утилитарной оценкой.

Фактическим материалом исследования послужили примеры хакасских паремий (всего 300 единиц), извлеченные путем сплошной выборки из сборника «Хыйҕа сös» («Мудрое слово») [2021], «Хакасско-русского словаря» [2006], а также фольклорных и художественных текстов на хакасском языке.

1. Этическая оценка

Этическая оценка «связана с удовлетворением нравственного чувства» [Арутюнова 1988: 76]. При этом учитывается соответствие или несоответствие поступка (а также мотива или поведения в целом), черт характера человека, его образа жизни определенным моральным нормам и требованиям. В пословицах и поговорках любого народа, характеризующих этическую оценку, определяется этическая ценность этноса с позиций нравственности (*моральный – аморальный, нравственный – безнравственный, добрый – злой*).

В хакасских паремиях выделяется положительная и отрицательная этическая оценка. Как правило, основными предикатами в таких устойчивых сочетаниях выступают наречия сравнения и имена прилагательные.

Например, в следующей пословице высоко оценивается доброта и положительные качества человека, а не его финансовая состоятельность: *Чахсы харындас полганы пай полганынаң артых* 'Лучше иметь хорошего брата, чем быть богатым' [ХРС: 818].

В хакасских пословицах и поговорках образ злого человека ассоциируется с кровавым сердцем, которое в традиционном хакасском мировоззрении связано с проявлением высшей степени злости и гнева: *Чабал кізінің чўрее ханныг* 'Сердце у злого человека кровавое' [Хыйга сөс 2021: 99].

Жизнь обидчивого, а также подверженного различным страданиям человека, как правило, бывает короткой. Обида разрушает человека изнутри, а негативные эмоции могут спровоцировать серьезные заболевания. Об этом можно судить по такой пословице, как: *Тарынцах кізі хомдаа чагын, / Чобалчых кізі сыыратха чагын* 'Обидчивый человек ближе к гробу, / Страдающий человек / Ближе кладбищу' [Хыйга сөс 2021: 89].

Хакасы высоко ценили умного человека, который всегда мог дать мудрый совет: *Хыйга кізінің чоогы аарлыг* 'Слова мудреца ценны' [Хыйга сөс 2021: 54].

В хакасском паремическом фонде отрицательной этической оценке подвергаются преимущественно человеческие пороки:

- пьянство: *Арага іскен кізі айнаа тōй* 'Пьяный человек похож на черта' [Хыйга сөс 2021: 135]. Согласно хакасскому фольклору, слово *айна* служит общим названием всех злых духов, независимо от места их локализации; это невидимая отрицательная сила, негативно влияющая на людей и вредящая им [Бурнаков 2006: 68];

- воровство: *Огыр палазы огырох* [Туран 1984: 83] 'Дитя вора тоже вор';

- жадность, скупость: *Хам хара сагыстыг, / Харны хачан даа тоспас* 'Шаман с черными мыслями / Никогда не насытится' [Хыйга сөс 2021: 93]; *Харам кізі хачан даа чогыл тидір* 'Скупой всегда говорит «нет»' [ХРС: 808];

- сплетничество: *Хопчының чолы хысха* 'У сплетника дорога коротка' [Хыйга сөс 2021: 39];

- лживость: *Таймачылның танызы чох* 'У лгуна мало знакомых' [ХРС: 577].

- ревность: *Кўнегїнінің кўні чох* 'У ревнивого жизнь коротка (букв. для ревнивого жизни нет)' [ХРС: 216].

Доля пословиц и поговорок отрицательной этической оценки значительно превышает (около 85 %) аналогичный показатель положительной оценки. Это может свидетельствовать о том, что у хакасского народа, как и у других этносов, высоко ценятся морально-нравственные характеристики человека, его доброта, ум и т. д.

2. Эстетическая оценка

Эстетическая оценка связана «с удовлетворением чувства прекрасного» [Арутюнова 1988: 76]. Она позволяет увидеть красоту объекта, его эстетическую значимость и через суждение выразить свое отношение к действительности.

В хакасском языке эстетическая оценка проявляется чаще всего в пословицах, репрезентирующих женскую красоту. Одной из самых распространенных считается пословица, в которой красота девушки сравнивается с небесными светилами – солнцем и луной: *Аар айланза – ай осхас, пеер айланза – кўн осхас* 'Повернется туда – подобна луне, повернется сюда – подобна солнцу (о красивой женщине)' [Хыйга сөс 2021: 18]; *Айдаң арыг абахай, кўннең сіліг абахай* 'Красавица светлее месяца, ярче солнца' [Хыйга сөс 2021: 21].

Не исключено, что идеалом женской красоты считается красивая грудь и широкие бедра. Об этом свидетельствует следующая пословица: *Kögis kürdek, / Nan пазы чалбах* ‘С высокой грудью, / С широкими бедрами’ [Хыйға сөс 2021: 61].

Мужская красота также находит выражение в хакасских паремических выражениях: *Ир кізінің істінде изерліг ат чызаан* ‘Мужская стойкость не знает предела (букв.: внутри мужчины оседланная лошадь разлагается)’ [ХРС: 130]. В этой пословице раскрывается понимание красоты мужчины с позиции проявления его силы, воли и стойкости.

Таким образом, анализ эмпирического материала позволяет сделать вывод о значимости для хакасского народа внешней красоты женщины и внутренней силы мужчины.

3. Ментально-психологическая оценка

Ментальная деятельность человека связана с его специфической активностью по познанию и преобразованию окружающей действительности, с разумом, с интеллектуальными способностями, проявляющимися через речепроизводство, фиксирующая результаты познавательной деятельности в языке [Павленко, Зайцева 2012: 65].

Как показывает собранный нами материал, в хакасских паремиях, отражающих ментальную оценку, чаще всего оценивается глупый человек: *Ала пуга палыхта мұн чох, / Алыг кізиде сагыс чох* ‘У окуня нет бульона, / У дурака нет умных мыслей’ [Хыйға сөс 2021: 96]; *Алыг кізінің хулагы / Ниме исте чоғыл, / Харагы көре чоғыл* ‘Уши глупого / Ничего не слышат, / Глаза – ничего не видят’ [Хыйға сөс 2021: 13]; *Пілбес кізее – муң чоох, / Пілер кізее – пір чоох* ‘Бестолковому тверди хоть тысячу слов, / Смышленому – одно слово’ [Хыйға сөс 2021: 35].

Высокая оценка интеллекта выражается преимущественно пословицами, в которых основным компонентом выступают прилагательные *артых* ‘лучший’, *сіліг* ‘красивый’: *Сагыстыг ырычы / Сагыс чох нанчыдаң артых* ‘Умный враг / Лучше глупого друга’ [Хыйға сөс 2021: 26]; *Хус ханадынаң сіліг, / Кізі хыйға сагызынаң сіліг* ‘Птица красива крыльями, а человек красив умом’ [Хыйға сөс 2021: 28].

Психологическая оценка в пословицах и поговорках делает шаг в сторону «сенсорно-вкусовых, или гедонистических, оценок» [Ойроткинова 2012: 136]. В хакасском языке предикатами таких паремических выражений чаще всего выступают прилагательные *тадылыг* ‘сладкий’ и *ачыг* ‘горький’: *Талбытчах кізінің ұлұзі тадылыг* ‘У привередливого человека судьба удачная’ [Хыйға сөс 2021: 89]. С особой нежностью и заботой оценивается речевое поведение детей: *Пала тілі тадылыг* ‘Детский лепет сладок’ [ХРС: 341]. Чего нельзя сказать о плохом человеке: *Чабал тонның піді ачыг, / Чабал кізінің тілі ачыг* ‘У плохой шубы вошь кусачая, / У плохого человека язык ядовит’ [Хыйға сөс 2021: 99].

Эмоциональное состояние человека в проанализированных устойчивых сочетаниях, как правило, передается через следующие прилагательные: *амыр* ‘спокойный’, *чабал* ‘злой’ и т. д. Например: *Хыйганың хылыгы амыр, / Чаны чохтың сагызы чабал* ‘У умного характер покладистый, / У бездушного мысли дурные’ [Хыйға сөс 2021: 46].

4. Телеологическая оценка

Телеологическая оценка идентифицируется с позиций эффективности и неэффективности, целесообразности и нецелесообразности того или иного поступка или явления.

Целесообразно быть трудолюбивым: *Сыдамахтың ирні чаглыг* ‘У трудолюбивого губы в масле’ [Хыйға сөс 2021: 32]. Во все времена актуально быть трудолюбивым. В хакасских пословицах трудолюбивого человека оценивают как удачливого, а ленивого как неудачливого: *Иртеңі кізі ікі ұлұстіг, / Уйғуңы кізі пір ұлұстіг* ‘Кто рано встает, тот много успевает, / Кто поздно встает, тот ничего не успевает’ [Хыйға сөс 2021: 58].

Если оценивать с позиции нецелесообразности, то в хакасском языке не приветствуется:

– простодушие человека: *Көөлбектің көксі чалаас* ‘У простодушного грудь голая’ [Хыйға сөс 2021: 150];

– одиночество: *Чалгыс агас чилдең хортых, / Чалгыс кізі аңнаң хортых* ‘Одинокое дерево от ветра гнется, / Одинокий человек зверя боится’ [Хыйға сөс 2021: 46]; *Чалгыс агасты чил дее пазынчхытапча, чалгыс кізіні пайлар пазынча* [Кильчицаков и др. 1991: 30] ‘Одинокое дерево от ветра гнется, одинокий человек от богача гнется’;

– трусость: *Хортыхтың холы хысха* ‘У труса руки коротки’ [ХРС: 851];

– нелюдимость: *Хыйтых кізі кізідең не хыйа* ‘Нелюдимый человек все сторонится людей’ [ХРС: 884];

– суетливость: *Маңзыраан сеек сүте түзедір* ‘Поспешишь – людей насмешишь (букв.: торопливая муха в молоко падает)’ [ХРС: 233].

Таким образом, данная разновидность оценки тесно связана с этической оценкой сущности человека в обществе, в котором положительно оценивается трудолюбие, а критической оценке подвергаются простодушие, нелюдимость, одиночество, суетливость.

5. Утилитарная оценка

Утилитарная оценка в языке представляется в рамках системы бинарных оппозиций: *полезный – вредный, благоприятный – неблагоприятный, полезный – бесполезный* и др.

Такая оценка может быть как положительной, так и отрицательной. Основными оценочными предикатами выступают прилагательные типа *туза* ‘полезный’, *туза нимес* ‘бесполезный’ и т. д.: *Холның узы чонга туза* ‘Руки мастера народу полезны’ [Хыйға сөс 2021: 136]; *Алыг оолга адазының изі туза нимес* ‘Бестолковому сыну богатство отца не впрок’ [Хыйға сөс 2021: 30].

Как правило, злой человек несет в себе отрицательные характеристики. Но, как показывает пословица *Чабал кізі чаада туза* ‘Злому человеку война на пользу’ [Хыйға сөс 2021: 146], и от злого человека может быть польза, например, на войне. Он может проявить свои сильные качества и измениться в лучшую сторону.

В хакасских пословицах и поговорках утилитарная оценка основывается на определении пользы / выгоды оцениваемого предмета для субъекта.

Заключение

Анализ хакаского языкового материала показывает высокий удельный вес пословиц и поговорок, содержащих частнооценочные значения, основными разновидностями которых выступают этическая, эстетическая, ментально-психологическая, телеологическая и утилитарная оценки.

Оценка в исследуемых паремиях выражается преимущественно как стремление к определенной норме, образцу поведения в обществе. К доминирующим оценкам в хакасской паремиологической картине мира следует отнести этическую и телеологическую. С помощью этих частных оценок производится выбор между добром и злом, нравственностью и безнравственностью, трудолюбием и ленью, правдой и ложью, щедростью и скупостью и т. д.

Осмысление семантики пословиц и поговорок, репрезентирующих оценку внешнего и внутреннего вида человека в хакасском языке, способствует более глубокому пониманию национальных особенностей народа. Так, например, этическая оценка негативного характера имплицитно представлена в пословично-поговорочном фонде хакаского языка и превалирует в форме нравучений и запретов (45 %), осуждающих, прежде всего, алкоголизм, ложь, пустословие, скупость: *Арага іскен кізі айнаа тббй* ‘Пьяный человек похож на черта’, *Таймачылның танызы чох* ‘У лгуна мало знакомых’, *Хопчының чолы хысха* ‘У сплетника дорога коротка’, *Харам кізі хаңан даа чоғыл тидір* ‘Скупой всегда говорит «нет»’. К аксиологическим особенностям этнокультурной специфики хакасских паремий также можно отнести наличие эстетической оценки в восприятии женской и мужской красоты. В образных сравнениях хакасской женщины с небесными светилами (солнцем и луной) оценивается ее красота, выражаемая в ассоциациях с излучаемыми ею светом и теплом как главным украшением. Мужская красота представлена в позитивной оценке его моральной силы, стойкости и силы воли.

Разные типы оценок в хакасском паремиологическом фонде содержат как универсальные, так и этноспецифические ценности, которые отражают этническую картину мира хакаского этноса в целом.

Изучение хакасской паремиологии имеет дальнейшие перспективы, связанные с выявлением и описанием особенностей нормативных смыслов и их общеоценочных значений.

Список литературы

- Абакумова О. Б.* Эмоции в пословицах о любви // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония: материалы Междунар. конф. / отв. ред. Е. Р. Иоанесян. М.: Ин-т языкознания РАН, 2020. С. 7–12.
- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 339 с.
- Бакирова М. Р.* Языковая концептуализация положительной оценки паремиологического фонда английского и татарского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2010. 31 с.
- Болдырев Н. Н.* Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: Сб. научных трудов. М.; Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. 492 с.
- Бочина Т. Г.* Количественная оценка в русских пословицах (оппозиции единиц измерения) // Вестник Омского государственного университета. 2003. № 2. С. 4–8.
- Бурнаков В. А.* Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, 2006. 197 с.
- Вендина Т. И.* Семантика оценки и ее манифестация средствами словообразования // Славяноведение. 1997. № 4. С. 41–48.
- Вольф Е. М.* Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо» / «плохо» // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 98–106.
- Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. 278 с.
- Гаевская А. И.* Структурно-семантическая характеристика пословиц качественной оценки лица современного русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 16 с.
- Доржиева Э. Д.* Этическая оценка в пословицах современного английского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 16 с.
- Дормидонтова О. А.* Категория оценки и оценочная категоризация с позиций современной лингвистики // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 47–49.
- Замалетдинов Р. Р.* Татарская культура в языковом отражении. М.: Гуманит. издат. центр «Владос»; Казань: МҺгариф, 2004. 239 с.
- Золотова Г. А.* О категории оценки в русском языке // Русский язык в школе. 1980. № 2. С. 94–102.
- Ивин А. А.* Основания логики оценок. М.: Изд-во МГУ, 1970. 230 с.
- Мирзаева Т. А.* Оценка человека в пословицах и поговорках русского, английского, испанского и табасаранского народов: морально-нравственная сфера: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. 21 с.
- Маркелова Т. В.* Семантика и прагматика средств выражении оценки в русском языке // Филологические науки. 1995. № 3. С. 67–79.
- Кухамова Д. Б.* Оценочная категоризация действительности в пословичной картине мира (на материале кабардинно-черкесского и русского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2011. 23 с.
- Ломакина О. В.* Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6–16.
- Ойроткинова Н. Р.* Оценочная модальность в алтайских пословицах // Языки коренных народов Сибири: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Н. Н. Широбокова. Новосибирск, 2005. С. 34–40.
- Ойроткинова Н. Р.* Алтайские пословицы и поговорки: поэтика и прагматика жанров. Новосибирск, 2012. 354 с.
- Павленко В. Г., Зайцева О. Л.* Интегральные и дифференциальные параметры языковой ментальной деятельности // Университетские чтения. 2012. Пятигорск: ПГЛУ, 2012. С. 64–68.
- Пантеева К. В.* Рациональная и эмоциональная оценка: все дело в экспрессивности? // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18. № 3. С. 47–58.
- Пашиева И. В.* Этическая оценка в парадигме антропологической лингвистики // Вестник ИрГТУ. 2011. № 7 (54). С. 250–257.

Погорелова С. Д., Яковлева А. С. Структура оценочной ситуации и ее компоненты // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 3 (399). Филологические науки. Вып. 105. С. 98–103.

Сергеева Л. А. Проблемы оценочной семантики. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 140 с.

Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск, 1999. 168 с.

Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 67–68.

Чернявская Е. А. Оценка и оценочность в языке и художественной речи (на материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А. С. Пушкина): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2001. 20 с.

Юань Лиин. Русские пословицы о воспитанности / невоспитанности на фоне аналогичных паремий китайского языка (лингвокультурологический аспект): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 242 с.

Список источников

Туран М. Чуртас чолларынча (Дороги жизни): сб. рассказов. Абакан: Хакас. отд-ние Краснояр. книж. изд-ва, 1984. 152 с.

Кильчичаков М. Е., Шульбаева В. Г., Мутхас Туран, Котожеков Г. Г. Пьесалар. «Всходы»: сб. пьес. Абакан: Хакас. изд-во, 1991. 264 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Хыйга сös: сиспектер, сösпектер паза таттыргастар = Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки. 4-е изд., доп. Абакан: Хакас. книж. изд-во им. В. М. Торосова, 2021. 188 с.

References

Abakumova O. B. Emotsii v poslovitsakh o lyubvi [Emotions in proverbs about love]. In: *Emotsional'naya sfera cheloveka v yazyke i kommunikatsii: sinkhroniya i diakhroniya. 2020: materialy Mezhdunar. konf.* [Human emotional sphere in language and communication: synchronicity and diachrony. 2020: proceedings of the Intern. conf.]. E. R. Ioanesyan (Ed.). Moscow, Institute of Linguistics RAS, 2020, pp. 7–12. (In Russ.)

Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of language meanings: Assessment. Event. Fact]. Moscow, Nauka, 1988, 339 p. (In Russ.)

Bakirova M. R. Yazykovaya kontseptualizatsiya polozhitel'noy otsenki paremiologicheskogo fonda angliyskogo i tatarskogo yazykov [Linguistic conceptualization of the positive assessment of the paremiological Fund of English and Tatar languages]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Cheboksary, 2010, 31 p. (In Russ.)

Bochina T. G. Kolichestvennaya otsenka v russkikh poslovitsakh (oppozitsii edinit izmereniya) [Quantitative assessment in Russian proverbs (the opposition of units of measurement)]. *Herald of Omsk University*. 2003, no. 2, pp. 4–8. (In Russ.)

Boldyrev N. N. Struktura i printsipy formirovaniya otsenochnykh kategoriy [The structure and principles of the formation of evaluation categories]. In: *S lyubov'yu k yazyku: Sb. nauchnykh trudov* [With love to language: Collection of scientific work]. Moscow, Voronezh, IL RAS, Voronezh State University, 2002, 492 p. (In Russ.)

Burnakov V. A. *Dukhi Srednego mira v traditsionnom mirovozzrenii khakasov* [Spirits of the Middle World in the traditional worldview of the Khakasess]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ. 2006, 197 p. (In Russ.)

Chernyavskaya E. A. *Otsenka i otsenochnost' v yazyke i khudozhestvennoy rechi (na materiale poeticheskogo, prozaicheskogo i epistolyarnogo naslediya A. S. Pushkina)* [Evaluation and evaluation in language and artistic speech (on the material of poetic, prose and epistolary heritage of A. S. Pushkin)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Orel, 2001, 20 p. (In Russ.)

Dormidontova O. A. Kategoriya otsenki i otsenochnaya kategorizatsiya s pozitsiy sovremennoy lingvistiki [Evaluation category and evaluative categorization from the perspective of modern linguistics]. *Almanac of Modern Science and Education*. 2009, no. 2 (21), pt. I, pp. 47–49. (In Russ.)

- Dorzhieva E. D. *Eticheskaya otsenka v poslovitsakh sovremennogo angliyskogo yazyka* [Ethical assessment in the proverbs of the modern English language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 2003, 16 p. (In Russ.)
- Gaevskaya A. I. *Strukturno-semanticheskaya kharakteristika poslovits kachestvennoy otsenki litsa sovremennogo russkogo yazyka* [Structural and semantic characteristics of the proverbs of qualitative assessment of the face of the modern Russian language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Moscow, 1990, 16 p. (In Russ.)
- Ivin A. A. *Osnovaniya logiki otsenok* [The foundations of the logic of assessments]. Moscow, MSU, 1970, 230 p. (In Russ.)
- Kharchenko V. K. Razgrnichenie otsenchnosti, obraznosti, ekspressii i emotsional'nosti v semantike slova [The differentiation of evaluativeness, imagery, expression and emotionality in the semantics of the word]. *Russian language at school*. 1976, no. 3, pp. 67–68. (In Russ.)
- Kukhamova D. B. *Otsenochhnaya kategorizatsiya deystvitel'nosti v poslovichnoy kartine mira (na materiale kabardinno-cherkesskogo i russkogo yazykov)* [Evaluative categorization of reality in the proverbial picture of the world (based on the material of Kabardian-Circassian and Russian languages)]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Nalchik, 2011, 23 p. (In Russ.)
- Lomakina O. V. Tuvinskaya paremiologiya: lingvokul'turologicheskiy i lingvoaksiologicheskiy potentsial [Tuvan Paremiology: linguocultural and linguoaxiological potential]. *The New Research of Tuva*. 2022, no. 1, pp. 6–16. (In Russ.) DOI 10.25178/nit.2022.1.1
- Markelova T. V. Semantika i pragmatika sredstv vyrazhenii otsenki v russkom yazyke [Semantics and pragmatics of means of expressing evaluation in the Russian language]. *Filologicheskie nauki*. 1995, no. 3, pp. 67–79. (In Russ.)
- Mirzaeva T. A. *Otsenka cheloveka v poslovitsakh i pogovorkakh russkogo, angliyskogo, ispanskogo i tabasaranskogo narodov: moral'no-nravstvennaya sfera* [Human evaluation in proverbs and sayings of the Russian, English, Spanish and Tabasaran peoples: the moral sphere]. Abstract of Dr. philol. sci. diss. Stavropol, 2008, 21 p. (In Russ.)
- Oynotkinova N. R. *Altayskie poslovitsy i pogovorki: poetika i pragmatika zhanrov: monografiya* [Altai proverbs and sayings: poetics and pragmatics of genres: a monograph]. O. N. Laguta (Ed.). Novosibirsk, 2012, 354 p. (In Russ.)
- Oynotkinova N. R. Otsenochhnaya modal'nost' v altayskikh poslovitsakh [Evaluative modality in Altai proverbs]. In: *Yazyki korenykh narodov Sibiri: Sbornik nauchnykh trudov* []. N. N. Shirobokova (Ed.). Novosibirsk State University. Novosibirsk, 2005, pp. 34–40. (In Russ.)
- Panteeva K. V. Ratsional'naya i emotsional'naya otsenka: vse delo v ekspressivnosti? [Rational and emotional evaluation: it's all about expressiveness?]. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020, vol. 18, no. 3, pp. 47–58. (In Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2020-18-3-47-58
- Pashaeva I. V. Eticheskaya otsenka v paradigme antropologicheskoy lingvistiki [Ethical assessment in the paradigm of anthropological linguistics]. *Proceedings of Irkutsk State Technical University*. 2011, no. 7 (54), pp. 250–257. (In Russ.)
- Pavlenko V. G., Zaytseva O. L. Integral'nye i differentsial'nye parametry yazykovoy mental'noy deyatel'nosti [Integral and differential parameters of linguistic mental activity]. In: *Universitetskie chteniya* [University readings]. 2012, Pyatigorsk, PSLU, 2012, pp. 64–68. (In Russ.)
- Pogorelova S. D., Yakovleva A. S. Struktura otsenochnoy situatsii i ee komponenty [The structure of the assessment situation and its components]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2017, no. 3 (399). Philological sciences. Iss. 105, pp. 98–103. (In Russ.)
- Sergeeva L. A. *Problemy otsenochnoy semantiki* [Problems of evaluative semantics]. Moscow, MSU Publ., 2003, 140 p. (In Russ.)
- Tripol'skaya T. A. *Emotivno-otsenochnyy diskurs: kognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty* [Emotive-evaluative discourse: cognitive and pragmatic aspects]. Novosibirsk, 1999, 168 p. (In Russ.)
- Vendina T. I. Semantika otsenki i ee manifestatsiya sredstvami slovoobrazovaniya [Semantics of evaluation and its manifestation by means of word formation]. *Slavic Studies*. 1997, no. 4, pp. 41–48.
- Vol'f E. M. Otsenochnoe znachenie i sootnoshenie priznakov “khorosho”/“plokho” [The estimated value and the ratio of “good”/“bad” signs]. *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*. 1986, no. 5, pp. 98–106. (In Russ.)

Vol'f E. M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. N. D. Arutyunova, I. I. Chelysheva (Intr. art.). Stereot. Ed. Moscow, LIBROCOM, 2020, 278 p. (In Russ.)

Yuan' Liin. *Russkie poslovitsy o vospitannosti/nevospitannosti na fone analogichnykh paremiy kitayskogo yazyka (lingvokul'turologicheskiy aspekt)* [Russian proverbs about good manners/bad manners against the background of similar parodies of the Chinese language (linguistic and cultural aspect)]. Cand. philol. sci. diss. St. Petersburg, 2016, 242 p. (In Russ.)

Zamaletdinov R. R. *Tatarskaya kul'tura v yazykovom otrazhenii* [Tatar culture in linguistic reflection]. Moscow, Gumanit. izdat. Tsentr "Vlados," Kazan, Mhgarif, 2004, 239 p. (In Russ.)

Zolotova G. A. O kategorii otsenki v russkom yazyke [About the category of evaluation in the Russian language]. *Russian Language at School*. 1980, no. 2, pp. 94–102.

List of sources

Khakassko-russkiy slovar' [Khakass-Russian dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (In Khak., In Russ.)

Kil'chichakov M. E., Shulbaeva V. G., Mitkhas Turan, Kotozhekov G. G. *P'esalar. "Vskhody"* *Sbornik p'es* ["Sprouts." A collection of plays]. Abakan, Khak. izd., 1991, 264 p. (In Khak.)

Mudroe slovo: khakasskie poslovitsy, pogovorki i zagadki [A wise word: Khakass proverbs, sayings and riddles]. 4th ed., rev. Abakan, Khakass. kn. izd. im. V. M. Torosova, 2021, 188 p. (In Khak.)

Turan M. *Churtas chollaryncha: sbornik rasskazov* [Roads of life: a collection of stories]. 1st ed. Abakan Khakas. otd. Krasnoyar. kn. izd., 1894, 152 p. (In Khak.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
09.04.2024

Сведения об авторах

Наталья Николаевна Таскаракова – кандидат филологических наук, доцент кафедры хакасской филологии Института филологии и искусств Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

E-mail: n-tas@mail.ru

ORCID 0000-0002-9474-9615

Покоякова Карина Александровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (Абакан, Россия)

E-mail: karina_p.84@mail.ru

ORCID 0000-0001-6318-9435

Information about the Author

Natalja N. Taskarakova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Institute of Philology and Arts of the Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation)

E-mail: n-tas@mail.ru

ORCID 0000-0002-9474-9615

Karina A. Pokoiakova – Candidate of Philological Sciences, Senior Research Fellow, Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology, Katanov Khakass State University (Abakan, Russian Federation)

E-mail: karina_p.84@mail.ru

ORCID 0000-0001-6318-9435

ФОЛЬКЛОРИЗМ

УДК [82-2+398]:811.554

DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-142-152

Тематика фольклора и языка в пьесе юкагирского драматурга Геннадия Дьячкова «Розовая чайка»

Т. В. Краюшкина

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия*

Аннотация

На материале пьесы Г. Дьячкова «Розовая чайка» с привлечением фольклорных источников исследуется тематика фольклора и языка. Драматург активно вводит в текст пьесы юкагирские легенды, песни, обращения, использует русские поговорки. Тема языка представлена реализацией русского языка в ряде его форм, рассуждениями о юкагирском языке и незначительными примерами из него. Делаются выводы об особой ценности для Г. Дьячкова юкагирского языка, в то же время юкагирский фольклор не воспринимается как уходящее явление, нуждающееся в сохранении; фольклор юкагири активно работает на создание сюжета пьесы и образов; фольклоризм трактуется одной из разновидностей эволюции фольклора.

Ключевые слова

Геннадий Дьячков, «Розовая чайка», литература юкагири, драматургия, фольклор юкагири, юкагирский язык, русский фольклор, русский язык, фольклоризм

Для цитирования

Краюшкина Т. В. Тематика фольклора и языка в пьесе юкагирского драматурга Геннадия Дьячкова «Розовая чайка» // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (вып. 51). С. 142–152. DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-142-152

The subject of folklore and language in the play “The Pink Seagull” by Yukaghir playwright Gennady Dyachkov

T. V. Krayushkina

Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS, Vladivostok, Russia

Abstract

The preservation of the language and folklore of the indigenous peoples of the North is a pertinent concern within the context of Russian humanitarian science. Of significance is their realization in fiction. This article analyzes the theme of folklore and language as portrayed in the play “The Pink Seagull” written by the Yukaghir playwright Gennady Dyachkov, with a focus on understanding their roles and connections. The analysis encompasses both the textual content of the play and various folklore sources, such as folk leg-

© Т. В. Краюшкина, 2024

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 3 (Вып. 51)
Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2024, no. 3 (iss. 51)

ends, songs, Yukaghir addresses, and Russian paremias. The playwright effectively employs the literary device of folklorism, incorporating folklore into the dialogue of the characters in order to develop the plot and imagery. The theme of language is exemplified through the utilization of the Russian language in various forms and considerations about the Yukaghir language with minor illustrations. It can be concluded that G. Dyachkov perceives folklore and the language of the Yukaghirs as phenomena of differing levels of importance. The Yukaghir language is depicted as dying, the value of which is undoubted. However, the Yukaghir folklore is not perceived as a passing phenomenon that needs to be preserved. The Russian language in the play holds a dominant significance compared to Russian folklore. The characters all speak Russian, which serves as an indicator of their erudition and fulfills the functions of accurate or erroneous identification. Folklorism is regarded as a variant of folklore evolution, with the author's work functioning as a repository for numerous works of Yukaghir folklore.

Keywords

Gennady Dyachkov, "The Pink Seagull," Yukaghir literature, dramaturgy, Yukaghir folklore, Yukaghir language, Russian folklore, Russian language, folklorism

For citation

Krayushkina T. V. Tematika fol'klora i yazyka v p'ese yukagirskogo dramaturga Gennadiya D'yachkova "Rozovaya chayka" [The subject of folklore and language in the play "The Pink Seagull" by Yukaghir playwright Gennady Dyachkov]. *Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2024, no. 3 (iss. 51), pp. 142–152. (In Russ.) DOI 10.25205/2312-6337-2024-3-142-152

Введение

Имя юкагира Геннадия Дьячкова (1946–1983 гг.)¹ – одно из значимых в литературе коренных народов Севера. За недолгую жизнь Г. Дьячков проявил себя как талантливый прозаик, драматург, поэт. Пьеса «Розовая чайка» по праву считается жемчужиной его творчества. Не одно десятилетие актуальна для гуманитарной российской науки проблема сохранения языка и фольклора коренных народов Севера. Значимой представляется реализация этой проблемы в художественной литературе. Исследователи отмечают, что проблема сохранения родного языка – одна из ведущих для драматурга: «Автор воспекает красоту и богатство родного языка, его возможности» [Огорокова 1999: 38]; «В драме Г. Дьячкова "Розовая чайка" звучит обеспокоенность за судьбу ... языка народностей Крайнего Севера» [Билукина 2011: 14]. Не остается без внимания и обращение к фольклору: «В драматургии Геннадия Дьячкова очень ярко отражены фольклорные жанры, такие как легенды, предания и песни» [Атласова 2016: 76]. При этом к настоящему времени опубликована только одна работа, где более подробно говорится о фольклоризме в пьесе «Розовая чайка», причем внимание сосредоточено на фольклорном образе Яرخаданы [Прокопьева 2015]. Однако исследования, в котором в полном объеме были бы рассмотрены темы фольклора и языка в пьесе Г. Дьячкова «Розовая чайка», прежде не проводилось. В этом состоит новизна данной работы.

Цель статьи – исследовать тематику фольклора и языка, представленную в пьесе «Розовая чайка», выявить их функции и соотношение. Материалом исследования послужила пьеса Г. Дьячкова «Розовая чайка», а также народные легенды, песни, паремии.

1. Тема фольклора

Тема фольклора широко представлена в исследуемой пьесе. Г. Дьячков активно прибегает к такому инструменту, как включение фольклорных текстов. Легенда становится ведущим фольклорным жанром, на который ориентируется драматург, выбирая наименования пьесы и ее характеристики. Отсылка к этому жанру вынесена в заглавие произведения. Автор дал пьесе два названия: основное – «Розовая чайка», дополнительное – «Яرخадана». Фольклор, связанный с образом Яرخаданы, сосредоточен исключительно в первой картине. Автор со-

¹ Геннадий Дьячков родился в с. Нелемное Верхнеколымского района; представитель таежных юкагиров. Учился в Литературном институте им. М. А. Горького, ВГИКе, МГУ. Владел юкагирским языком, но писал свои произведения на русском. Активно печатался в республиканских и центральных журналах. Первая книга – «Казбек» – была подготовлена самим автором, но вышла уже после его смерти в 1984 г. Г. Дьячкову было отмерено прожить 37 неполных лет – не выдержало сердце (биографические сведения приведены по: Огорокова В. Б. Сияние полярных огней. Якутск: Бичик, 2013. С. 51–59).

блюдает логику между основным и дополнительным наименованиями пьесы и очередностью легенд: первым фольклорным произведением, включенным в текст пьесы, оказывается легенда о розовой чайке (вернее, о розовых чайках), вторым – легенда о Ярахадане.

Ценно и пояснение, которое дает драматург, характеризуя жанр своего произведения: *«современная легенда в одном действии, трех картинах»* [Дьячков 2003: 69]. Уже в названии автор заявляет об обращении к фольклорному наследию юкагиров и акцентирует внимание читателя на синтезе авторского слова и устного народного творчества, симбиозе литературных родов эпоса и драмы, где эпическое начало коррелирует с содержанием, а драматическое – с формой.

Легенду о розовой чайке рассказывает Кириллу Ярахадана, когда делится с ним тайным желанием – *«лечить диких зверей и птиц»* [Там же: 72]. Именно после этого главная героиня говорит Кириллу о том, сколько зверей и птиц ранят *«плохие охотники»*, а *«многие [животные] уже вымирают»* [Там же: 72]. К числу редких Ярахадана относит розовую чайку, птицу *«красоты необыкновенной... Садятся на воду, кажется – заря окрасила ее в розовый цвет. Есть про них легенда»* [Там же: 72]. Так девушка переводит разговор из мира реального в фольклорное пространство: *«Жили в одном селе две красивые девушки. Им хотелось стать еще красивее. И как-то зимой пошли они к шаману. А это был злой шаман. Он им и говорит: "Как будет самый жестокий мороз, ... разденьтесь и искупайтесь в проруби. И тогда вы станете красивее самой природы". Послушались девушки и в самый мороз побежали к проруби. И замерзли... А их души, стремившиеся к красоте, вылетели и превратились в розовых чаек»* [Там же: 72]. Кирилл, лингвист, приехавший изучать юкагирский язык, дает легенде высокую оценку: *«Я обязательно запишу эту легенду. Она очень поэтична»* [Там же: 72]. При этом в тексте пьесы не упоминается о том, выполнил ли главный герой свое обещание.

В 2020 г. был опубликован сборник юкагирской культуры «Мит лэбиэ» («Наш мир»), куда включена и легенда о розовой чайке, записанная на русском языке. Легенду предваряет вступление о редкости птицы, что перекликается с содержанием пьесы: *«Вплоть до 30-х годов XX века розовая чайка считалась мифической птицей, в реальности не существующей. Только в начале XX века нашли ее гнездовья»* [Мит лэбиэ 2020: 46]. В легенде есть отсылка к давним временам: *«В незапамятные времена, когда юкагиров было великое множество, что зажженные ими костры освещали темное ночное северное небо, ... жила в одном стойбище одулов прекрасная юная девушка. Звали ее Халярхаа – Чайка»* [Там же]. Мотив красоты присутствует и в этой легенде, однако у героини нет желания сделать собственную внешность еще привлекательнее. Красота девушки не только сравнивается с сиянием небесных светил, но говорится и об исходящем от героини сиянии: *«Девушка так хороша была собой, что ночью затмевала матовое серебристое сияние Луны, а днем сияла вместе с яркими солнечными лучами, что вокруг нее снег на бескрайних просторах тундры искрился подобно крупинкам алмаза»* [Там же: 46–47].

В этом тексте, как и в тексте, включенном в пьесу, есть образ злого шамана, но в фольклорном тексте он, безответно влюбленный, преследует девушку: *«Юная красавица убежала от темного хищного шамана, уплывала за дальние ледяные моря, взлетала в бескрайние синие небеса, спускалась в темный подземный мир. Шаман везде находил ее»* [Там же: 47]. Превращение в розовую чайку происходит после обращения героини к богам: *«...они услышали мольбы девушки, сжалились над ней, превратили ее в прекрасную птицу и спрятали от людских глаз»* [Там же: 47].

Образ розовой чайки связан только с двумя главными героями пьесы – Ярахаданой и Кириллом, кроме того, он опоясывает повествование (пьеса завершается появлением розовой чайки). Подобный финал соотносится с финалом легенды: *«Боги сказали, когда дух злого шамана ... отправится в далекий мир предков, только тогда прекрасная девушка в виде розовой чайки вернется к людям и будет радовать глаз своей красотой»* [Там же: 47]. В пьесе будто происходит проникновение мира ирреального, который реализуется в фольклорном пространстве, в мир реальный. Именно в этом ключе появление розовой чайки и воспринимается. Но возможно и еще одно прочтение: соединение образов Ярахаданы и вернувшейся розовой чайки. Ведь именно Кирилл, полюбивший главную героиню, замечает птицу: *«Смотрите! Чайка! Розовая чайка!»* [Дьячков 2003: 91]. А завершается пьеса словами Ярахаданы, обра-

щенными к редкой птице: «Ой, чайка, розовая чайка! Она охраняет нас. (Машет.) Чайка, розовая чайка, лети к нам!» [Там же: 91].

Легенду о Ярхадане рассказывает Кирилл. Но его рассказ предваряет пояснение Дьячковского, председателя сельсовета, о значении имени: «Раньше юкагиры думали, будто имя сохраняет человека. Какое имя дашь, такой он и будет. Ярхадана переводится “холодная”» [Там же: 77]. Однако это утверждение не соответствует происходящему в пьесе – зарождающейся любви Ярхаданы к Кириллу. Бабушка видит это и одергивает внука: «Ярхадана, ты не кушай гостя глазами, ты рыбу кушай» [Там же: 77]. Но легенда соединяет и утверждение об имени, и осознание Кириллом любви Ярхаданы, пока не разделенной: «А я слышал легенду. Жила девушка по имени Ярхадана. Из-за любви к одному парню она бросилась в горную речку, и речку переименовали в Ярхадану» [Там же: 77].

Далее в разговор вступает Даша. Ее реплика выполняет функцию подтверждения, а также включения в пьесу сведений о существовании одноименной песни: «Точно, есть такая речка, Ярхадана, и даже песня есть» [Там же: 77]. Но последнее слово остается за бабушкой. Она поправляет Кирилла (но Дьячковского она не поправляет): «Совсем не такая история... Жил красивый и смелый девушка, Ярхадана. У нее был длинный волос, красивый, как мех соболя. Она полюбила один парень. Он был хамначит у бай, батрак. Она его уговорила и вместе бежал. За ним погнались. Стал парень стрелять из лука, тетива порвать. Она тогда свой волос резал, тетива делал и сама стрелял. Она спас его. Они счастливы были. С той времени девочка, чтобы красивый и смелый был, называли Ярхадана» [Там же: 77].

Согласно опубликованным источникам, существует два основных сюжета о Ярхадане. Первая легенда повествует о девушке, которая не дождалась с охоты своего любимого: «Девушка так плакала, что от ее слез речка покрылась льдом, а сама она окаменела. С тех пор ту речку и гору называют Ярхадан, что значит “ледяная”» [Хозяин земли 1994: 5]. Во второй легенде говорится о реке Коркодон, влюбленной в солнце и родившей от него двух дочек – две речки, носящие одно и то же имя – Ярхадана. Но дочери были лишены способности любить – «выросли ... горделивыми и холодными» [Фольклор юкагиrow Верхней Колымы 1989: 66]. В легенде любовь оказывается побеждена безразличием: «Дочери были такие гордые и холодные, что влюбившиеся в них два юноши превратились в голые сопки, а сами девушки – в ледяные речки. С тех пор у юкагиrow существует поверье: если девушку зовут именем Ярхадан, то любовь к ней будет безответной, а сама она холодна и одинока» [Там же]. Финал этой легенды соотносится с репликой Дьячковского.

П. Е. Прокопьева упоминает о третьем сюжете, который как раз и коррелирует с той легендой, которую рассказывает Агафья Васильевна: «В ... легенде говорится о бесстрашной девушке Ярхадане, которая вместе с юкагирским парнем сражалась с врагом. После они поженились, и от них пошли юкагиры рек Ясачной и Коркодон (Записано автором – П. П., в 2013 г. от Л. Н. Деминой, 1950 г. р., в п. Угольное Верхнеколымского района Республики Саха (Якутия))» [Прокопьева 2015: 143].

В первой картине, после того как обе легенды (о розовой чайке и Ярхадане) уже прозвучали, вплетается в текст повествования и народная песня о Ярхадане. Ее исполнение предваряет диалог бабушки, Даши и Якова. Яков рассказывает, что причина его приезда в эти края кроется в далеком прошлом: «здесь ... геологом работал мой отец и погиб 20 лет назад» [Дьячков 2003: 78]. И Даша тут же реагирует на это известие – сообщает о могиле утонувших 20 лет назад геологов. Бабушка, трепетно относящаяся к чувствам других людей, ругает Дашу и тут же переключает внимание на репетицию песни: «Даша, язык твой поганый, зачем рана гость солишь? Лучшие песня самодетельность готовим» [Там же]. Именно от Даши исходит предложение спеть песню о Ярхадане, причем на юкагирском языке. Даша дает и характеристику песне: «Это старинная песня» [Там же].

Для Якова же ценно, что эта песня будет исполняться на юкагирском языке, он обнаруживает в этом определенную романтику [Там же: 78]. Бабушка тоже изъявляет желание петь песню: для нее это одна из возможностей продлить жизнь родному языку: «Песня “Ярхадана” на юкагирском языке, во время песни свет на сцене гаснет, ровный голос переводит на русский язык.

В горных вершинах,
Где вечно сверкает лед,

*Рождается Ярхадана,
Мать – река, холодная, как ее имя.
И несет она свои воды мимо дома,
Где живет моя любимая девушка.
Как же так случилось,
Что ее назвали холодным именем Ярхадана?
Я бы сравнил ее с солнцем и
Назвал теплым именем»* [Там же: 78–79].

После того как песня стихает, происходит смена действия.

Песни о реке Ярхадане включены в три издания [Фольклор юкагигов Верхней 1989: 57; Прокопьева 2009: 130; Фольклор юкагигов 2005: 118–119], при этом в книге В. И. Иохельсона (1900 г.) песни о Ярхадане отсутствуют. Все песни объединяет похожее описание реки: ее воды *белые* [Фольклор юкагигов Верхней Колымы 1989: 57], *как белое серебро* [Прокопьева 2009: 130], *белесые* [Фольклор юкагигов 2005: 118]. Во всех текстах возникает образ девушки или девушек. Значимым оказывается противопоставление динамики (она приписывается непременно текущей реке) и статики (это черта то девушки или девушек, то едва уловимого, невольного действия тальника, если о действии героини не сообщается):

*На крутом берегу
Стоят тальники.
Зимний ветер их
Тихонько шевелит* [Фольклор юкагигов Верхней Колымы 1989: 57].

Две песни [Фольклор юкагигов Верхней Колымы 1989: 57; Прокопьева 2009: 130] близки по своему содержанию песне, вплетенной в повествование пьесы: лирический герой всех трех текстов сообщает, что его любимую девушку называли именем холодной реки. И если в песне, которая приведена в пьесе Г. Дьячкова, лирический герой активен и предлагает собственный вариант имени для любимой девушки («*Я бы сравнил ее с солнцем и / Назвал теплым именем*» [Дьячков 2003: 79]), то в песнях, включенных в фольклорные сборники, лирический герой то печалится из-за неподходящего имени и недоумевает по этому поводу («*Зачем так случилось? / Мою любимую девушку / Назвали именем Ярхадана. / Зачем так назвали!*» [Фольклор юкагигов Верхней Колымы 1989: 57]), то констатирует факт неподходящего имени («*Мою любимую девушку / Назвали именем Ярхадана*» [Прокопьева 2009: 130]).

Третий фольклорный текст любовной линии не содержит, однако сохраняются два значимых образа – реки и девушек [Фольклор юкагигов 2005: 118–119], которые, как и в рассмотренных выше песнях, – в платочках. При этом если в двух первых песнях повествуется о *белых*, как и воды холодной реки, платочках, то в третьей песне платочки уже *шелковые*, однако девушки плачут: «*Те самые белые / Серебряные слезы, / Вытирая, стоят*» [Там же: 119]. Именно приведенный в пьесе вариант народной песни в большей мере соответствует сюжетной линии произведения Г. Дьячкова: Кирилл, вначале равнодушный к Ярхадане, вдруг с удивлением обнаруживает ее достоинства.

В картине второй упоминается исполнение песни, причем исполнение это групповое. Даша описывает его так: «... Яков вошел и с порога вместо “Здравствуйте” говорит: “Давайте репетировать”. Мы сразу и запели. ... А Яков и сейчас с Ярхаданой репетирует» [Дьячков 2003: 84]. Обращает на себя внимание отсутствие каких-либо сведений о песне: ни язык, на котором она исполняется, ни принадлежность к той или иной культуре, ни название или содержание не обозначены. Герои сразу поддерживают предложение Якова и начинают петь, никто не противится. При этом песня выполняет функцию объединяющего начала – ложной любовной линии: влюбленный в Ярхадану Егор подозревает девушку в связи с Яковым.

Г. Дьячков включает в свое повествование и жанр обращения (так его называет В. И. Иохельсон). В исследовании В. И. Иохельсона приведены обращения к солнцу, реке, огню, старому дереву, медведю [Иохельсон 1900: 121, 122]. П. Е. Прокопьева именует их *текстами шаманских песен* [Прокопьева 2012: 120], они адресованы «Реке, Земле, Небу и Огню, молитвы духу Лося, обращения к добытому медведю и др.» [Прокопьева 2012: 120].

Первое из них является рассказом Даши о действиях Агафьи Васильевны и Ярхаданы (картина первая). Даша рассказывает Кириллу о Ярхадане, которая вылечила Дашу от боли в горле народным способом – ледяной водой, и характеризует ее следующим образом, вынося

главную героиню за рамки нормального и реального мира: «Она неплохая. Немного... (Показывает на голову.) Почти шаманка, только хорошая» [Дьячков 2003: 74]. Так Ярхадана превращается в своего рода медиатора, соединяющего реальный и мистический миры. При этом ее бабушку Даша однозначно относит к миру мистическому: «Какая там медицина! Колдовство. Бабка шаманка, вот и научила. Огонь в печке затреещит, она кричит: “Ярхадана, дай поесть огню сахар, масло, хлеб”. Вино в огонь льет, мед в реку бросает и кричит: “Мать-река, хорошо меня носи...”» [Там же]. В книге В. И. Иохельсона приведены тексты обращений к воде-матери и реке-матушке. Такое же – родственное – обращение к реке использовано и в пьесе Г. Дьячкова. При этом в произведении Г. Дьячкова сначала описано жертвоприношение, а после – просьба. В тексте же обращения В. И. Иохельсона отражен обратный порядок: «Вода-мать, гды давай. На своей поверхности насъ хорошо веде. Это для твоих ребят игрушки возьми» [Иохельсон 1900: 121]. Основным элементом обращения к реке в словах Даши представлена просьба благополучного передвижения по воде.

Второе обращение автор вкладывает в уста бабушки. Обращение предваряет благопожелание: «Все спать легли. Хороший сон вам, людям, зверям, птичкам и уткам. Злой дух не ходи наш дом, хороший пошалыста» [Дьячков 2003: 79]. Второе обращение показывает доброту Агафьи Васильевны и любовь к миру и ко всем, населяющим его. Обращает на себя внимание, что бабушка саму себя не включает в список тех, кому адресовано благопожелание.

Третье обращение возникает в конце первой картины. Ярхадана слышит разговор Кирилла и Якова о ней. Кирилл, в которого главная героиня влюблена, называет девушку дикой [Там же: 82] и пересказывает слова Даши о Ярхадане и Агафье Васильевне: «Тут ее лучшая подружка говорила, что она жестокая и холодная, что бабка ее шаманка и она тоже» [Там же]. Именно как отклик на обозначенную характеристику и возникает в пьесе третье обращение, которое носит интерпретационный характер, исходит из самого сердца влюбленной героини. В тексте представлен призыв сразу к нескольким силам и объектам природы, что в исследованных фольклорных источниках не выявлено: «Мать-природа, лес мой родной, река моя чистая, лиственница – сестра моя родная! Помогите мне, птицы, зверюшки, хариусы быстрые, налимы скользкие. Помогите мне, розовая чайка, душа моя, розовеющая в небе. Все, с кем чувствую родство, листики, травки, бурундуки полосатые. Помогите мне, всесильный огонь, не я ли кормила хлебом, мясом, вином... всех вас люблю... Помогите, дайте мне только одного человека!» [Там же].

При этом стабильным элементом является указание на близкое кровное родство с некоторыми адресатами (природой, лесом, лиственницей, листиками, травками, бурундуками), с другими же адресатами родство не обозначено (птицами, зверюшками, хариусами, налимами, огнем). При этом лиственница (в традиционной картине мира юкагиров это дерево связано с культом предков) представлена как единственный объект, что сближает ее с силами природы и отдаляет от объектов природы. Особняком стоит обращение к розовой чайке (тому самому образу, что вынесен в основное название пьесы). Так Ярхадана среди прочих сил и объектов природы обращается и к своей душе, воплощенной в одном из редких объектов.

Четвертое и пятое обращения появляются во второй картине. Четвертое обращение является логическим ответом на третье – просьбу Ярхаданы подарить ей любовь Кирилла, при этом оно транслирует благодарность главной героини. Адресаты представлены в сжатом объеме, однако все так же значимыми элементами является родство с ними: «Мать-река, лес мой, звери и птицы, спасибо вам! Я счастливая! Я чувствую, Кирилл любит меня. И у меня есть брат. Большой, сильный, красивый» [Там же: 86].

Пятое обращение одновременно подтверждает третье и встраивается в шкалу отрицание – принятие традиционной культуры как элемента реальной картины мира с первым обращением. Если Кирилл, слушая рассказ Даши об обращении Ярхаданы к силам природы, безоговорочно принимает мнение Даши, то ближе к финалу второй картины он неосознанно для себя переходит на сторону Ярхаданы и уже сам обращается к силам природы. Кирилл говорит им о своей любви к Ярхадане, узнав, что кисет, сшитый руками девушки, в культуре юкагиров является подтверждением любви к мужчине: «Сама сшила... Мать-природа, лес, река-кормилица, птицы, звери, я люблю эту девушку» [Там же: 87]. Так традиционное мировоззрение становится частью мировоззрения Кирилла. Родство с силами и объектами природы в обращении Кирилла менее выражено. Герой обозначает только свое близкое родство с приро-

дой, называя ее матерью. Формы же наименования других адресатов, используемые в обращении Кирилла, указывают как на иерархию сил и объектов природы, так и на меньшую, в сравнении с юкагирами, связь героя, русского и приезжего человека, городского жителя, с силами и объектами природы.

Очевидно, что в пьесе Г. Дьячкова доминирует фольклорная картина мира юкагиров. Однако представление о фольклоре в анализируемом произведении будет неполным без упоминания трех текстов русского устного народного творчества, которые вкладываются в уста Степана, уроженца Вологодской области и бывшего зека. Первый текст возникает в начале первой картины, когда Степан и Егор появляются в доме приезжих. Происходит следующий диалог, в котором звучит дразнилка:

«Егор. Эй, ученый!»

Степан. Фрукт моченый...

Кирилл. Вы слишком много себе позволяете» [Там же: 70]. Степан к обращению Егора добавляет свою реплику, и получается дразнилка. Егор пытается сгладить ситуацию: *«Мы только хотели узнать, где Ярхадана?»* [Там же].

Два других текста появляются во второй картине. После того как Кирилл, знаток фени, говорит на ней со Степаном, желая его разыграть, Степан опознает в нем своего и доносит эту мысль до Егора: *«Ты слышал, как он на фене болтает... Рыбак рыбака видит издалека...»* [Там же: 83]. В пьесе поговорка констатирует ошибочное узнавание.

Третий текст – заклинание. Он также связан с ошибочным узнаванием, но уже другого рода. Степан, освещая лицо Якова, от неожиданности *«роняет фонарик»* [Там же: 85]. Степан принимает недавно приехавшего Якова за его отца – убитого 20 лет назад геолога: *«Степан (отмахивается). Чур меня, чур! Сгинь...»* [Там же]. Именно Даша, отрицающая потустороннее, указывает Степану на его ошибку: *«Очнись, Степан. Это новый завклубом»* [Там же]. Приведенные паремии являются характеристикой картины мира русского по национальности героя.

2. Тема языка

Тема языка в пьесе Г. Дьячкова «Розовая чайка» представлена двумя уровнями: во-первых, реализация языка в ряде его форм, во-вторых, рассуждения о юкагирском языке. Герои пьесы говорят преимущественно на русском литературном языке (Кирилл, Ярхадана, Яков, Даша, Дьячковский). Агафья Васильевна, 70-летняя юкагирка, со всеми разговаривает на пиджине, только с ней на пиджине общается Дьячковский, 40-летний юкагир, председатель сельсовета, что является своего рода проявлением уважения к женщине, которая нянчила его в детстве. Именно русский по национальности Кирилл инициирует появление юкагирского языка в пьесе: по его просьбе Агафья Васильевна учит лингвиста юкагирским словам. Уголовный жаргон употребляют в своей речи 40-летний лесник Степан и перенявший от него феню 19-летний лесник Егор. Степан, родом из Вологодской земли, еще сохранил в своей речи элементы диалекта. А. А. Билюкина так характеризует тему языка в пьесе: *«Литературный язык приезжих из центра и жаргонная прибалтненная речь бывших заключенных и искателей удачи, искажающая русскую речь местного населения и влияющая на его ментальность, подчеркивают сложность нравственной ситуации в обществе. Исковерканная русская речь и исчезающий язык коренного населения пагубно отражаются на духовном состоянии человека и этноса»* [Билюкина 2011: 15].

Внимания заслуживают примеры из юкагирского языка. Кирилл спрашивает бабушку, как называется тот или иной предмет: *«Уже месяц на небе... Кстати, как луна по-юкагирски?»* [Дьячков 2003: 70]. Бабушка реагирует на его вопрос весьма однозначно: *«Раза четыре в день здороваается. Аккаары – дурак. (Ему.) Кундя»* [Там же]. *«Кирилл (пишет на карточке). ...Повторите еще. (Бабушка повторяет.) Здесь, кажется, носовой звук... Да, уже много слов записал»* [Там же]. Еще одно упоминание юкагирского слова связано с попыткой Кирилла расшифровать имя Ярхаданы и увидеть через имя ее характер: *«Странная девушка... И имя странное. "Ярха" – лед по-юкагирски... Холодная. Как она улыбалась!»* [Там же: 73]. Кроме трех представленных выше юкагирских слов в тексте пьесы есть упоминание об исполнении песни на юкагирском языке (однако Г. Дьячков текст на юкагирском не приводит – дает лишь перевод на русский) [Там же: 78].

Любопытно сочетание диалекта и воровского жаргона в речи Степана. Оно указывает на чуждость юкагирам, их земле и предвещает обнаружение в нем отрицательного героя. «Э, хитришь-мудришь, ученый. С той поры, как ты сюда прикатил, девчонка носа не кажет на гулянье» [Там же: 71]. И Кирилл сразу узнает вологодский диалект, а затем и воровской жаргон, сам начиная сыпать такими словами и выражениями, как «у хозяина гостил», «картишками передергивать», «без спросу одолжил» и т. д. [Там же], вводя Степана в заблуждение. Во второй картине слова из воровского жаргона появляются в речи Егора. Он именует Дашу «чувырлой», «марухой» [Там же: 83], что служит определенной характеристикой девушки. При этом Ярхадана в его восприятии – другого порядка:

«Даша. Ее-то ты чувырлой не обзовешь...»

Егор. Она не такая. Она чистая, как талая вода» [Там же: 84].

Отсылка к воровскому жаргону (при этом вологодский диалект уже не звучит; в этом обнаруживается истинная суть Степана) появляется и в третьей картине, когда он пытается застрелить Якова. Яков хочет узнать правду, показывая кольцо своего убитого отца, но Степан переносит вину на друга: «Не я, не я... Это кореш...» [Там же: 91].

Г. Дьячков (кстати, написавший пьесу на русском языке; представляется, что это связано с возможностью озвучить проблему сохранения юкагирского языка перед широким кругом читателей / зрителей) тяжело переживал умирание родного языка. В первой картине драматург четырежды обращается к этому вопросу. Впервые данная тема звучит в монологе пожилой носительницы юкагирского языка, которая видит причину смерти родного языка в изменении образа жизни молодого поколения, не остается без внимания и такой факт, как незначительное количество юкагиров, знающих юкагирский язык: «Молодежь такой пошла. Хи-хи, ха-ха и прыгать под музыку. Допрыгает. Язык юкагирский забыл, я тоже забывай начал. Говорю, думаю на ломаный язык. С кем будешь на свой язык разговаривай. Очень мало» [Там же: 69]. Однако Кирилла, изучающего уходящий язык, Агафья Васильевна воспринимает исключительно с бытовой точки зрения: видит в нем неудачливого мужчину, а его деятельность в сохранении языка не осознает: «Проснулся ученый. Языки учила, разве дело это... Бумага смотрит, бумага пишет, ночью читает, днем спит. А память нету. Все меня спрашивает и пишет. Лучшие на охота ходил, рыба ловил. Как может бумага человека кормить? Поэтому он холостой, как он жена будет кормить, а дети...» [Там же: 69–70].

Кирилл записывает от бабушки очередное юкагирское слово и выражает сожаление: «Жаль, что молодые уже не знают языка» [Там же: 70]. В речи Агафьи Васильевны возникает упоминание трех языков, что отражает реальную языковую картину: «Молодежь вся такая. Говорить Ярхадане по-юкагирски, по-якутски, отвечал мне только по-русски. Бич скоро станет» [Там же]. Бабушка поясняет, что, по ее мнению, «бич – это который на месте покоя нет. Разве такой человеком станет?» [Там же].

Третий раз слова об умирании языка вкладываются автором в уста Якова. Когда Даша предлагает спеть песню на юкагирском языке, Яков уточняет: «На юкагирском языке? Здорово! На языке, на котором через 50 лет никто и говорить не будет. Сразу включу в репертуар» [Там же: 78]. Яков в угасании юкагирского языка видит, скорее, экзотику. В. И. Иохельсон, участвовавший в 1895–1897 гг. в Якутской экспедиции, писал о верхнеколымском наречии: «Изучение языка, на двухъ нарѣчійхъ котораго говорить теперь всего около 500 человекъ (200 чел. на верхнеколымскомъ нарѣчїи и 300 на тундренномъ), есть трудъ весьма неблагодарный въ практическомъ отношенїи, но смѣю думать, для этнологїи результаты этого изученїя имѣютъ тѣмъ большее значенїе, что въ нихъ собрана значительная часть изъ того, что еще сохранилось о языкѣ и фольклорѣ древняго племени крайняго сѣверо-востока Азїи, племени, дни котораго сочтены» [Иохельсон 1900: 15].

Четвертую реплику о юкагирском языке произносит Кирилл. Герой возвращается с охоты и обращается к Ярхадане: «Я бродил все утро по лесу. ... Я думал о вас, Ярхадана, о бабушке, о юкагирском языке. Умирает язык – это трагедия. Юкагиров осталось 400, а владеет языком сто. Главное, ничем нельзя помочь – это естественный процесс. Умирает язык очень интересный, малоизученный» [Дьячков 2003: 86]. Для Кирилла язык оказывается отличительной и очень важной чертой народа. Ярхадана чувствует это и отвечает: «Но ведь люди остаются» [Там же].

Заключение

В пьесе «Розовая чайка» очевидны четыре основные пары, элементы которых противопоставляются: юкагирский язык и юкагирский фольклор, русский язык и русский фольклор, юкагирский язык и русский язык, юкагирский фольклор и русский фольклор. Для Г. Дьячкова фольклор и язык юкагиров – явления, имеющие разную значимость. Язык юкагиров изображается как умирающий, ценность которого люди (за исключением Кирилла и бабушки) не осознают, при этом весьма четко прослеживается позиция автора, радеющего за сохранение родного языка. В то же время юкагирский фольклор не воспринимается как уходящее явление, нуждающееся в сохранении (ни в восприятии героев, ни в позиции самого драматурга). Подтверждением особой ценности юкагирского языка является его фиксация, при этом о фиксации фольклорного произведения упоминается только один раз.

У фольклора юкагиров особая функция: он работает более активно на создание сюжета «Розовой чайки» и образов. Удивительно, но именно фольклору уделяется большее внимание, при всей его очевидно меньшей, чем у языка, для драматурга значимости, которая транслируется в пьесе. Существует привязка (или стремление) положительных героев к мировоззрению, фольклору, языку юкагиров, а отрицательных – к фольклору и языку русских (при этом нельзя с точностью сказать, к какому именно народу принадлежит, например, лесник Егор). Однако стремятся сохранить язык и фольклор юкагиров именно русские образованные люди (Кирилл и Яков). Обращение к записям устного народного творчества юкагиров конца XIX – начала XXI вв. подтверждает оригинальность и достоверность фольклорных текстов, включенных в пьесу. Т. А. Голованева говорит о «межпоколенческой трансляции культурной памяти» [Голованева 2020: 41], которая присуща опубликованным фольклорным текстам. Подобным потенциалом обладает и включение фольклорных текстов и примеров из языка в произведение художественной литературы. Так фольклоризм выступает как одна из разновидностей эволюции фольклора: авторское произведение становится своего рода хранилищем ряда произведений устного народного творчества. Юкагирский фольклор является ведущим, русский же едва упоминается.

Русский язык в пьесе превалирует в сравнении с русским фольклором, который представлен лишь несколькими паремиями. Автор не ставил перед собой задачи сравнить юкагирский и русский языки и обнаружить причины исчезновения первого от доминирования второго, однако юкагирский язык в пьесе как средство общения не представлен. Русский же язык не только единственное средство общения, но и показатель эрудиции, выполняет функции настоящей или ошибочной идентификации.

Список литературы

- Атласова Э. С. Фольклорные мотивы в произведениях юкагирских писателей // Научный электронный журнал Меридиан. 2016. № 2 (2). С. 76–81.
- Билюкина А. А. Литература народов Севера на сцене саха театра // Вопросы филологических наук. 2011. № 3. С. 14–16.
- Голованева Т. А. Автобиографический нарратив в контексте культуры миноритарного этноса // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2020. № 1 (35). С. 33–42.
- Дьячков Г. А. Розовая чайка (Ярхадана). Современная легенда // Дьячков Г. А. Полет розовой чайки. Якутск: Бичик, 2003. С. 69–91.
- Жукова Л. Н., Николаева И. А., Демина Л. Н. Фольклор юкагиров Верхней Колымы. Ч. 2. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. 89 с.
- Окорокова В. Б. История литератур народов Севера Якутии: учеб. пособ. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1999. 83 с.
- Прокотьева П. Е. Обрядовый фольклор лесных юкагиров в XXI в. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2012. № 2 (5). С. 120–125.
- Прокотьева П. Е. Отражение мифологического мышления в юкагирском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009. 142 с.

Прокопьева П. Е. Юкагирские легенды о Ярхадане: фольклорные интерпретации и литературное осмысление // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12–1 (54). С. 143–147.

Фольклор юкагиров / сост. Г. Н. Курилов. М.; Новосибирск: Наука, 2005. 594 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 25).

Фольклор юкагиров Верхней Колымы: хрестоматия. Ч. I / под ред. И. А. Николаевой. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1989. 160 с.

Хозяин Земли: легенды и рассказы лесных юкагиров / сост. Л. Жукова, О. Чернецов. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1994. 100 с.

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I. Образцы народной словесности юкагировъ (тексты съ переводомъ). СПб.: Типография Императорской Академии наукъ, 1900. 240 с.

Мит лэбиэ (Наш мир): сб. юкагирской культуры / сост. О. И. Жиркова. Якутск: Издательско-фондовый отдел АУ РС (Я) РДНТ и СКТ, 2020. 60 с.

References

Atlasova E. S. Fol'klornye motivy v proizvedeniyakh yukagirskikh pisateley [Folklore motifs in the works of Yukaghir writers]. *Nauchnyy elektronnyy zhurnal Meridian*. 2016, no. 2 (2), pp. 76–81. (In Russ.)

Bilyukina A. A. Literatura narodov Severa na stsene sakha teatra [Literature of the peoples of the North on the stage of the Sakha Theatre]. *Voprosy filologicheskikh nauk*. 2011, no. 3, pp. 14–16. (In Russ.)

Golovaneva T. A. Avtobiograficheskiy narrativ v kontekste kul'tury minoritarnogo etnosa [Autobiographical narrative in the context of the culture of a minority ethnic group]. *Journal Collection of Scientific Works of KRASEC. Section "The Humanities"*. 2020, no. 1 (35), pp. 33–42. (In Russ.)

D'yachkov G. A. Rozovaya chayka (Yarkhadana). Sovremennaya legenda [Pink Seagull (Yarkhadana). A modern legend]. In: D'yachkov G. A. *Polet rozovoy chayki* [Flight of the pink seagull]. Yakutsk, Bichik, 2003, pp. 69–91. (In Russ.)

Fol'klor yukagirov [Yukaghir Folklore]. G. N. Kurilov (Comp.). Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2005, 594 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]; vol. 25). (In Russ.)

Fol'klor yukagirov Verkhney Kolymy: khrestomatiya. Ch. I [Folklore of the Yukaghirs of Upper Kolyma: Anthology. Pt. I]. I. A. Nikolaeva (Ed.). Yakutsk, YaSU Publ., 1989, 160 p. (In Russ.)

Iokhel'son V. I. Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge. Ch. I. Obratzы narodnoy slovesnosti yukagirov (teksty s perevodom) [Materials on the study of the Yukaghir language and folklore, collected in the Kolyma district. Pt. I. Examples of Yukaghir folk literature (texts with translation)]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoy Akademii nauk, 1900, 240 p. (In Russ.)

Khozyain Zemli: legendy i rasskazy lesnykh yukagirov [Master of the Earth: legends and stories of the forest Yukaghirs]. L. Zhukova, O. Chernetsov (Comps.). Yakutsk, YaSU Publ., 1994, 100 p. (In Russ.)

Mit lebie (Nash mir): sb. yukagirskoy ku'tury [Mit labie (Our world): Collection of Yukaghir culture]. O. I. Zhirkova (Comps.). Yakutsk, AU RS (Ya) RDNT i SKT Publ., 2020, 60 p. (In Russ.)

Okorokova V. B. Istoriya literatur narodov Severa Yakutii: ucheb. posob. [History of literatures of the peoples of the North of Yakutia: textbook]. Yakutsk, YaSU Publ., 1999, 83 p. (In Russ.)

Prokop'eva P. E. Obryadovyy fol'klor lesnykh yukagirov v 21 v. [Ritual folklore of the forest Yukaghirs in the 21st century]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik*. 2012, no. 2 (5), pp. 120–125. (In Russ.)

Prokop'eva P. E. Otrazhenie mifologicheskogo myshleniya v yukagirskom fol'klоре [Reflection of mythological thinking in Yukaghir folklore]. Novosibirsk, Nauka, 2009, 142 p. (In Russ.)

Prokop'eva P. E. Yukagirskie legendy o Yarkhadane: fol'klornye interpretatsii i literaturnoe osmyslenie [Yukaghir legends about Yarkhadan: Folklore interpretations and literary understanding]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015, no. 12–1 (54), pp. 143–147. (In Russ.)

Zhukova L. N., Nikolaeva I. A., Demina L. N. Fol'klор yukagirov Verkhney Kolymy [Folklore of the Yukaghirs of Upper Kolyma]. Yakutsk, Yakutsk Univ. Publ., 1989, pt. 2, 89 p. (In Russ.)

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
23.08.2024

Сведения об авторе

Татьяна Владимировна Краюшкина – доктор филологических наук, профессор ДВО РАН, заведующая, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)

E-mail: krayushkina@ihaefe.ru

Information about the Author

Tatiana Vladimirovna Krayushkina – Doctor of Philology, Professor FEB RAS, Head, Chief Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnology FEB RAS (Vladivostok, Russia)

E-mail: krayushkina@ihaefe.ru

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2024. № 3 (Вып. 51)

В оформлении обложки использована репродукция картины
Любови Арбачаковой «Кер-палык»

Раздел «Лингвистика»:

редактор *Е. В. Тюттешева*, оператор электронной верстки *А. В. Байыр-оол*

Раздел «Фольклористика»:

редактор и оператор электронной верстки *К. В. Жданова*

Корректор текста на английском языке *Е. В. Давыдова*

630090, г. Новосибирск, ул. ак. Николаева, д. 8
Институт филологии СО РАН

E-mail: yaz_fol_sibiri@mail.ru

Официальный сайт журнала: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

ISSN 2712-9608

